

Евгения Борисова

Красивая для вампиров

Часть I

Вампирские сказки о любви

Пришелец, которому нет пути назад, тоскует по своему миру и создаёт новую расу людей, но они не спешат объявлять о себе остальному человечеству. Ведь они похожи на своего создателя, который, в свою очередь, слишком уж смахивает на мифических вампиров.

Новоявленный Дракула талантлив и умён, а ещё он бессердечен и жесток. Цивилизация, что породила Никотана, хоть и опередила современную, но сродни цивилизации ацтеков, чьи кровавые правители ни во что не ставили жизнь своих подданных.

ВАМПИРСКИЕ СКАЗКИ О ЛЮБВИ

Не плачь, мой бедный ангел тьмы! Я одиночество своё с собой в могилу заберу.

Не веришь? Зря. Как мрачен лик прекрасный твой! Ах, мой любимый, не грусти, не рви мне душу.

Возьми платок. Не важно, что будет он в крови. Страдать не нужно. Пей, не колеблясь, я скоро все равно умру...

Ах, мой хороший! Смеюсь и плачу, лишь сердцу веря, и нет мне, право, никакого дела,

Что для одних я чересчур умна, а для других — глупа без меры.

Как-то однажды глядя на луну, ты мне сказал с тоскою в тёмном взоре,

Что позабыл ты ласку солнца, низвергнутый навечно в царство тьмы, и это для тебя большое горе.

И у тебя надежды нет на будущее избавленье, и жаль тебе, что краски света меркнут в предрассветной мгле.

О, боги! Как же вы жестоки! Как вы могли столь бессердечно поступить?

Без капли сострадания живую душу в мёртвом теле заключить!

Мой ангел, чтобы рассеять хоть на миг твою печаль, я сочинила сказки о любви.

Читая вязь моих письмён, порой лукавых и отвязных, ты не суди их строго, я в них вложила часть души.

В плетенье неуклюжем есть капля чувств и море света золотого. Я не прошу твоей любви. Забудь меня и вновь живи.

КНИГА ПЕРВАЯ

Колыбельная для вампиров

Часть I

Вместо предисловия

Стишок прочитали? А теперь забудьте.))

Господа читатели, не ждите от меня очередную сказочку о томных вампирчиках, попивающих кровь юных дев и о том, как эти курицы жутко страдают от неразделённой любви. В моей книге речь пойдёт совсем о других созданиях.

Красная жемчужина

— Ой! — воскликнул Вини-Пух, поедая мёд. — Я уже здесь, а где же все?

— Не беспокойтесь, сэр, — с достоинством ответил кролик, приоткрывая дверь перед роем сердитых пчёл. — Мне велено передать, что они тут все-все!.. Заходите, господа, и почувствуйте себя как дома.

Антология вампирских детских сказок

ГЛАВА 1. Царство Белого безмолвия, в комплекте с НЛО и вампирской Академией
Будем знакомы, я — вампир!

В белесом небе чертогов Снежной королевы появилось нечто необычное, но явно принадлежащее цивилизации. Правда, глядя на стремительные перемещения летающего объекта, возникали сильнейшие сомнения в его земном происхождении.

Порыскав по сторонам, некоторое время загадочное НЛО болталось на одном месте, будто находясь в раздумье, а затем бесшумно устремилось вниз. У поверхности оно поубавило сумасшедшую скорость и зависло над океаном, скованным вековыми льдами.

Судя по заливчатой мёртвой петле, проделанной на рискованно малой высоте, собраты по разуму, находящиеся на борту НЛО, мало чем отличались от нас, землян. Во всяком случае, по умственному развитию. Да и прочие признаки указывали на несомненную связь с нашей цивилизацией.

Вблизи НЛО оказалось самолётом необычной формы, который сильно смахивал на громадного морского ската. В подступающих сумерках на бархатисто-чёрном брюхе искусственной зверюги, завоевавшей воздушный океан, переливалась разноцветная голограмма — чёткое изображение огромной головы разъярённого волка на фоне кроваво-красной луны. Реалистично выполненная картинка и в более людных местах вызвала бы нервную дрожь не только у слабонервных дамочек, а тут ещё для вящего эффекта какой-то шутник включил динамики.

Разрывая заиндевелую тишину, над ледяными торосами пронёсся заунывный волчий вой. В голосе зверя прозвучала жалоба на одиночество и нешуточная угроза. А когда волчья песня смолкла, наступившая тишина показалась особенно... всепоглощающей. Но тут бесшумно разъехали створки нижних люков самолёта, и величественное царство Белого безмолвия приказало долго жить.

В одно мгновение ледяная пустыня расцветилось красками и звуками. Из открывшихся квадратов хлынули потоки яркого света, и оттуда с воплями и смехом начали выпрыгивать люди, одетые в одинаковые белые комбинезоны, на груди и рукавах которых красовалась та же эмблема, что и на брюхе чёрного «ската».

Прыгуны, чьи стройные силуэты, обрисованные белесой дымкой, казались акварельными набросками, один за другим грациозно приземлялись на лёд. Кое-кто из них даже успевал проделать в воздухе изящный пируэт, под возмущенные вопли тех, кому не повезло оказаться на их пути, — ведь результат приземления в прыжке с переворотами был не всегда предсказуемым. И вскоре на пустынной до того ледяной поверхности оказалось около пятисот человек, которые, смеясь и оживленно болтая, постепенно разбрелись в разные стороны. Впрочем, они не отходили слишком далеко от места высадки и держались вместе более или менее компактными группами.

На первый взгляд казалось, что это обычная земная молодёжь, которая в поисках острых ощущений, забралась к чёрту на куличики. Но то, как выглядели эти любители организованного экстрима, и особенно то, как они двигались, вызывало смутное ощущение их не совсем человеческого происхождения. По сравнению с людьми у них были слишком тонкие и изящные фигуры, а на продолговатых лицах слегка непривычных пропорций чересчур большие глаза. При ближайшем рассмотрении становилась заметной и необычная форма кистей: пальцы рук у них имели странно длинную третью фалангу. Двигались загадочные создания легко и грациозно, как крупные кошки или профессиональные танцоры. Отличались они и тем, что почти у всех — и у юношей, и у девушек — были длинные волосы, связанные в хвост или убранные в причудливые прически. Видимо, это была дань определённой моде, распространённой в их среде.

Особенности загадочных созданий воспринимались как нечто из ряда вон только при взгляде на группу в целом. По отдельности каждый из них не особенно бросался бы в глаза в обычной толпе. Единственно, что выделяло бы странных незнакомцев — это необычная по меркам людей красота. Впрочем, такое ощущение больше вызывалось хищной раскованной пластикой их движений, чем примечательной внешностью.

Чуть дальше, чем все остальные, стоял молодой человек и с ним две девушки —

блондинка и брюнетка. Обе его спутницы вполне заслуженно пользовались вниманием сильного пола, кружащим поблизости, но он тоже не страдал от недостатка внимания. Скорей, наоборот. Высокий платиновый блондин с синими глазами был настолько красив, что его вид вызывал нездоровый ажиотаж среди приличного количества окружающих девушек. Они то и дело поглядывали в его сторону, бросая кто нарочито-скромные, кто вызывающе-откровенные взгляды. Калибр убойного обстрела зависел от темперамента их обладательниц.

Не обращая внимания на повышенный интерес к своей особе, молодой человек уделял внимание только своим спутницам. Причём бросалось в глаза, что он чаще обращается к блондинке, чем к брюнетке. Он так и сяк старался втянуть её в разговор, но она по-прежнему скучающе смотрела на него и лишь изредка снисходила до односложных реплик. Видя такое дело, парень всё больше мрачнел, но чем сильнее он злился, тем с бóльшим высокомерием вела себя блондинка. При этом вид задаваки несколько её не портил. Девушка выглядела элегантно даже в стандартном комбинезоне и держалась с естественным аристократическим достоинством. Будучи невысокого роста, она умудрялась свысока поглядывать на окружающих, особенно на девиц, строящих глазки её визави модельной внешности.

Но даже эта примечательная парочка не затмевала собой их спутницу. Высокая темноглазая девушка с короткими, вопреки принятой моде, встрёпанными волосами, была необычной даже по меркам этой одиозной группы молодёжи. Несмотря на гибкую идеально сложенную фигуру, взгляд как магнитом сразу же притягивало её лицо. Живое и подвижное, оно настолько легко отражало эмоции, что это наводило на мысль о kloкочущем вулкане, точнее о раскаленной магме под тонким слоем пепла. Девушка была не просто красивой — это было нечто большее, чем красота. И лишь едва ощутимый внутренний дисбаланс сглаживал потрясение от её внешности. Самое странное, что большинство парней почему-то отводили глаза и, вообще, старались не смотреть на неё. Дело выглядело так, будто они избегали или... побаивались эту умопомрачительную красавицу.

Брюнетка словно не замечала этот мужской бойкот и с иронией поглядывала на парочку, особенно на юношу. Стоя поблизости, она по большей части дипломатично отмалчивалась и не вступала в их вялый разговор. Но когда тот стал больше напоминать пикировку двух противников, чем воркование влюблённых голубков, она не выдержала и отошла в сторонку — в тайной надежде, что у друзей что-нибудь сладится.

Поначалу девушка ещё прислушивалась к вежливой перепалке, а потом ей стало скучно, и она с отсутствующим видом уставилась вдаль. Спустя некоторое время на её лице появилось удивление, вскоре сменившееся озадаченным выражением, и она склонила голову набок, беззвучно шевеля губами. Казалось, будто она с кем-то разговаривает. Отвлёк её от этого занятия весёлый возглас приятеля.

— Машка, в чём дело? Ведёшь душевные беседы с белыми медведями? — поинтересовался он.

— А? Что? — девушка усмехнулась. — Да, ну тебя, Ладожский! Просто словила какой-то странный глюк в ноосфере. Вроде бы кто-то зовёт на помощь. Столько безысходности в голосе... Брр! Просто мороз по коже.

— Брось! Мы далеко от Большой земли и здесь не должно быть широкополосного ментального приема. Разве что от ребят, которые рядом. Правда, иногда происходят странные волновые процессы в атмосфере. Вот тогда ноосфера выдаёт удивительные

шпучки. Потому не обращай внимания, ещё и не такое может почудиться. Профессор Красицкий как-то рассказывал...

В голосе юноши отчётливо зазвучали менторские нотки, но блондинка не дала ему развить поднятую тему и обстоятельно поведать о суждениях многоуважаемого профессора.

— Не беспокойся, Мари, это рыдают поклонницы Ладожского. Бедняжки страшно тоскуют в его отсутствие, а ноосфера им подвывает, — сказала она хорошо поставленным голосом и смерила воздыхателя уничижительным взглядом. — Видишь, как тебе машут руками и прочими местами тела? Особенно вон та идиотка, что даже подпрыгивает на месте от нетерпения. Иди уж, пока у Исабель её знаменитая грудь не отвалилась. Заодно проверишь, натуральная она или силикон.

— Почему ты решила, что я ещё не проверил? — последовал незамедлительный ответ.

— А-а?.. Иди ты к чёрту, Ладожский!

— Уже в пути!

Действительно, из толпы смеющейся молодежи юношу очень настойчиво звала к себе знойная красавица испанского типа. Несмотря на своё заявление, тот не спешил.

— Беккер, ты действительно хочешь, чтобы я ушёл? — тихо спросил он и попытался поймать блуждающий взгляд девушки. Но та упорно молчала, напустив на себя рассеянноравнодушный вид.

Молодой человек неслышно вздохнул, поняв, что не дожждётся предложения остаться.

— Ладно. Зовите, когда соскучитесь, — добавил он, и с явной неохотой отправился в направлении настойчивой красотки.

В его отсутствие блондинка сразу же поскучнела и сердито посмотрела на подругу, на лице которой тут же появилось вызывающее выражение, говорящее без слов: «А я-то здесь при чём?», но затем оно почему-то сменилось виноватой гримасой. Брюнетка отвернулась, делая вид, что её что-то заинтересовало в окружающем пейзаже. Блондинка проследила за её взглядом и не найдя в том направлении ничего интересного, окончательно поскучнела.

— Знаешь, я предполагала, что наша Академия и на этот раз будет обретаться в глухих местах, но всё же не ожидала, что это будет настолько пустынная местность, — блондинка зябко поёжилась, и тоскливо огляделась по сторонам. — Боже мой! Кругом сплошной лёд с торосами. От одного взгляда ни них становится жутко и холодно.

Брюнетка, она же Мари Палевская, живо обернулась.

— Не переживай, Сонечка! Зато теперь ты научишься спать во льдах, как белые медведи, а гигиеной будешь заниматься, ныряя в проруби, как пингвины, — сказала она с иронией в голосе и, просияв белоснежной улыбкой, наставительно добавила: — Закалка, моя дорогая, великое дело. И вообще, не всё же тебе крутиться у зеркала, прихорашиваясь перед свиданиями. А то ты у нас настолько избалованная и изнеженная, что даже умудряешься болеть на человеческий манер. Это ж как нужно над нашим организмом издеваться, чтобы добиться такой неадекватной реакции.

Соня Беккер немедленно вспыхнула.

— Зай, не все же такие мужененавистницы! Это тебе делать нечего, поэтому ты и болтаешься на спортивной площадке всё свободное время, — сказала она ядовитым голосом и уже более миролюбиво добавила: — Вот потому, моя дорогая, у тебя вид редкостной растрёпы. Ведь сколько раз предлагала, давай подберу тебе нормальный гардероб и свожу к моему парикмахеру.

— Соня, уймись! Ни к какому Эдварду Руки-Ножницы я не пойду, будь он хоть самым

Джонни Деппом. И жуткие юбки с кружевами тоже не надены. А насчёт спортивной площадки ты не права, я больше торчу в библиотеке, занимаясь математикой. Спорт — это так, для поддержания формы, чтобы сидячка не замучила.

Несмотря на пикировку, по всему чувствовалось, что девушки близки и понимают друг друга с полуслова. Потому пропустив мимо ушей тираду подруги о спорте и математике, Соня Беккер сосредоточилась только на первой половине её фразы:

— Ну и зря! Может быть, какой-нибудь парень из новеньких и выдержал бы подольше твой несносный характер, а не сбежал через пару недель, как это обычно бывает. Конечно, при условии, чтобы ты выглядела прилично.

— Ну, и чёрт с ними! Не очень-то и надо было. Жила я без них почти восемь вампирских лет, проживу и дальше. Не нужны мне эти поддельные чувства и слюнявые ухаживания, — с ленивым спокойствием отозвалась Мари. — Это ты придаешь слишком много внимания дурацкому флирту и модной игре. Смотри, Сонечка, а то доиграешься! Какая-нибудь пламенная фифа уведет Ивана из-под твоего точёного носика. Однажды ты так доведёшь его своими бесконечными походами на сторону, что он по-настоящему переметнется к другой. Потом будешь локти кусать, да поздно будет. Попомни моё слово!

На лице Сони Беккер появилось нешуточное возмущение.

— Мари! Ты что дура? — воскликнула девушка и от волнения даже всплеснула руками. — Это же только игра! Ни я, ни Ладожский не придаём значения легкому флирту между нами. Ты же видишь, как он легко бросает меня и бежит к другой, стоит только поманить его пальцем. Скажи, вот почему я должна вести себя как-то иначе?

Вопреки сказанным словам голос Сони зазвенел скрытой обидой. Под прицелом всё понимающих тёмных глаз она резко отвернулась, пряча предательские слёзы на глазах.

«Чёрт! Вот ведь сыскались два упрямых барана на мою бедную голову», — уныло подумала Мари и порывисто обняла подругу. Достав из кармана платок, она бережными движениями вытерла мокрые дорожки на её щеках.

— Скажи, какая подлость! Глаза так и слезятся. Сегодня слишком резкий ветер. Правда, мой хороший? — ласково сказала она и, не дожидаясь ответа, добавила: — Сонь, ну почему ты решила, что у Ивана нет серьёзных намерений? Я же не слепая и вижу, как он на тебя смотрит.

— Не смейся, зай, — расстроенная девушка хлопнула покрасневшим носом. — Ты видишь, сколько девиц за ним гоняется? Мне встать в очередь?.. Вот только не надо песен про лежачий камень. В самом начале знакомства я делала пару раз серьёзные намеки... Ой, да что я вру! Далеко не пару раз. Меня либо не поняли, либо сделали вид, что не поняли. И что теперь? Открыто на шею вешаться? Так мне гордость не позволяет. Вот и длится эта дурацкая игра годами, и я больше ни на йоту не отступлю от её правил, хоть убейте меня. Свободные отношения, значит, свободные отношения, причём во всём и для всех.

Соня Беккер взяла себя в руки, и на её лице вновь появилось замкнуто-высокомерное выражение.

— И не вздумай сводничать, иначе ты мне не подруга. Я не шучу! Поняла? — холодно предупредила она. — Зай, хоть ты пощади мою гордость.

В её голосе прозвучала такая явная мольба, что Мари решила внять просьбе и не немного погодить с очередной попыткой по выяснению непростых взаимоотношений между её самыми близкими друзьями.

Пока Сонечка пудрила нос и красила губы, приводя себя в порядок, она бросила

негодующий взгляд на юношу, окружённого смеющимися сокурсниками. «Вот гад! Веселится, как ни в чём не бывало! — с негодованием подумала девушка. — Эй, Ладожский! Какого чёрта я должна расхлёбывать заваренную тобой кашу? Ну-ка, дуй сюда немедленно!»

Несмотря на то, что приятель стоял к ним спиной, он сразу же обернулся и внимательно посмотрел в их сторону, а затем с решительным видом начал выбираться из толпы поклонниц. Мари удивлённо приподняла брови. Дело выглядело так, будто он услышал её безмолвный призыв.

Видя, что подруги дружно воззрились на него, юноша при подходе демонстративно ощупал голову.

— Эй! У меня что, рога выросли, а я и не заметил? — весело поинтересовался он.

— У тебя ещё предыдущие не отвалились, — отозвалась Мари и, получив подножку, со смехом повалилась на лёд. — Сонька! Ты чего на меня набросилась?

— Она ещё спрашивает!

— А что такого? Я же сказала чистую правду... Ой! Извини, Сонечка! Я больше не буду! Честное слово!

— Так я и поверила!

— Не подходи, Беккер!.. Умоляю, не нужно пинать меня ногами!

Осуждающе глянув на подругу, Соня протянула ей руку.

— Очень нужно было пинать всяких бестактных дурочек. Вставай, горе моё!

Но Мари отмахнулась от помощи.

— Не хочу! Мне и здесь хорошо, — заявила она и, улегшись поудобней, подперла голову рукой. — Театр уж полон, ложи плещут. Давайте, не отвлекайтесь! Продолжайте свою дурацкую игру.

— Что ты там говорила про пинки? — зловещим тоном поинтересовалась Соня, и когда Мари, хихикнув, быстренько откатилась от неё, повернулась к юноше. — Ну а ты что здесь забыл? Неужели уже раскрутил Исабель на свидание? Или она как спелый плод упала тебе прямо в руки, стоило только заикнуться о встрече?

Ладожский сначала посмотрел на приятельницу, которая ответила ему насмешливым взглядом, а затем на свою капризную даму сердца.

— В общем-то, нет. Мы ещё не успели ни о чём договориться. Вы так злобно пырились мне в спину, что я решил выяснить, что случилось.

— Надо же, какое упущение с твоей стороны! Не забыл, что скоро конец месяца? Как только разрыв увеличится до трёх, готовься платить по счетам. Учти, пощады не будет. Готовься месяц обходиться без компа, — злорадно пропела девушка и кокетливым жестом поправила причёску. — Ну, как? — спросила она, обращаясь к подруге.

Мари с одобрительным видом оттопырила большой палец.

— На все сто!

— Вот и замечательно! Ну, я пошла? Пожелайте мне удачи.

— Скатертью дорожка, — усмехнулся юноша. — Только зря стараешься, Беккер. Всё равно выигрыш будет за мной. Готовься месяц обходиться без косметики.

— Это мы ещё посмотрим, кто проиграет, — Соня бросила на своего рыцаря уничижительный взгляд. — Не надейся, Ладожский, я не повторю твоей ошибки. Обязательно договорюсь о свидании, прежде чем вернуться.

— Эй, Беккер!.. Никаких договорных свиданий! Узнаю, аннулирую все твои очки!.. На год вперёд!

— Ой, как страшно, — не оборачиваясь, отозвалась девушка. — Сам знаешь, что это не по правилам.

— У тебя набралось столько штрафных очков, что я на всё имею право.

— Только попробуй! Тогда я откажусь от твоей клятвы верности и выберу себе другого рыцаря.

— Да, ладно тебе, Беккер! Я же пошутил.

— А я нет, — Соня кокетливо улыбнулась симпатичному парню с массой косичек на голове, который поспешил ей навстречу. — Возьму и выберу Макса в рыцари! — заявила она как можно громче. — Уж он-то не будет меня шантажировать штрафными очками. Правда, Макс?

— Конечно, моя прелесть, — с готовностью отозвался Макс и деловито поинтересовался: — Ну, что? Записать тебя на свидание? Но учти, у меня свободен только четверг.

— Подойдёт. Но только рано утром. Хорошо? И не забудь прихватить свою печатку. Не хотелось бы остаться без очков и зря потерять время на твоё развлечение.

— Не забуду. Кстати, на высокие баллы не рассчитывай, — Макс покосился на сердитую девушку с такой же причёской как у него. — Поцелуев не будет. Не хочу, чтобы Фиби начислила штрафные очки и вдобавок проредила мне шевелюру.

— Жаль, — Соня покосилась на оставленных друзей. — Снимаю своё предложение о свидании, но буду благодарна, если ты поддержишь Ладожского в заблуждении.

— Да не вопрос! Идём, я познакомлю тебя кое с кем из зелени, ещё не обзаведшейся дамой сердца.

Обняв девушку за талию, Макс увлёк её вглубь толпы.

Поскольку их договор остался за кадром, Мари покосилась на приятеля.

— Кажется, тебя ожидает вызов на дуэль, — заметила она.

— Не обязательно. Как правило, Макс отделяется стишками в альбоме, а это всего один балл.

Юноша попытался сохранить равнодушную мину, но помимо воли его губы сжались в линию, а синие глаза потемнели и полыхнули фосфорическим блеском. Мари фыркнула.

— Ладожский, прекрати! Нашёл перед кем выпендриваться. Давай беснуйся, пока Сонька не видит, — предложила она, но тут же предупредила: — Только без обезьяньих плясок. О'кей? А то Беккер так возрадуется, что ты в ближайшую неделю к ней и близко не подступишься.

Иван не выдержал, и маска безразличия на его лице уступила место беспомощному выражению.

— Вот, идиотка, — пробормотал он и с надеждой взглянул на приятельницу. — Машка, ну что мне делать? Как доказать этой дурёхе, что я к ней всерьёз отношусь? — юноша слабо улыбнулся. — Слушай, может, стоит её поколотить? И нечего таращить на меня глаза! Предки прибегали к этому средству и ничего. Видимо, помогало. Ведь ревность — это тоже знак любви.

Мари бросила на него скептический взгляд.

— Думаешь, прокатит? — засомневалась она в действенности предложенного способа объяснения в любви. — Насколько я припоминаю, даже умственно отсталые пращурсы колотили только жён, а с невестами были сама любезность. Согласись, заполучив колотушек от женишка, первое что сделаешь — это слиняешь из-под венца.

— А вдруг Беккер скрытая мазохистка? — не сдавался юноша.

Вообразив себе, какую мину состроит Сонечка Беккер, узнав об его намерении поколотить её, Мари сдавленно хрюкнула. По-прежнему лёжа на льду, она оперлась головой на подставленную руку и глянула на приятеля.

— Ничего, потерпишь, не всё коту масленица, — сказала она со смешком и добавила: — Ведь ты сам решил поиздеваться над бедной Сонечкой. Думал, ты один такой умный и запросто всех обманешь липовым романом? Ну-ну! Скажи, какая забавная штука жизнь? Наверное, здорово выяснить, что в результате всех заумных манипуляций ты обманул самого себя? И подделом тебе, подлый интриган!

Распалившись, девушка не замечала, что её речь превратилась в полноценный выговор.

— Ладожский, ты хоть соображаешь, в какое положение поставил меня перед подругой? — горячилась Мари, сердито глядя на юношу. — Я как распоследняя дура, расхваливала тебя. Все уши прожужжала Беккер, расписывая, какой ты умница и красавец. Вот она и увлеклась. А ты чем ответил бедняжке? И не оправдывайся! Кто называл мок лучшую подругу мороженой треской и затеял с ней дурацкие рыцарские игры?.. И не надо строить невинные глазки! Я помню, как ты смеялся над признаниями Беккер и говорил, что она пустышка, у которой на уме одни тряпки. Но почему ты мне не верил, что у Сонечки добрая отзывчивая душа?!

Мари обвиняющим жестом ткнула пальцем в сторону молчащего приятеля.

— Вот чёрт! Достали вы меня своими шекспировскими страстями, — проворчала она и, выдохшись, тяжело вздохнула. — Убить бы вас обоих за ваши глупости! Скажи, это нормально, когда вы их всем скопом вываливаете на мою бедную голову? Причём, в двойном экземпляре.

Ладожский раздражённо посмотрел на приятельницу, но ответить ему было нечего. В сердцах он отвернулся, и тут же на глаза ему попала Соня с поклонником. В ярости он скрипнул зубами, но, куда ни кинь, Мари кругом была права. В самом деле, он в своё время выбрал её подругу в качестве своеобразного буфера, надеясь спрятаться за липовым романом от приставучих красоток из Академии. Иван был уверен, что ледышка, помешанная на нарядах и этикете, никогда не вызовет у него тёплых чувств и он без помех сможет заниматься своими делами, не отвлекаясь на ерунду. Но как говорится, человек полагает, а бог располагает.

Злясь на себя, Иван — в который уже раз! — обругал себя за слепой эгоизм. Заигравшись в любовь, он слишком поздно понял, что к чему, и теперь ему никак не удавалось вернуть доверие Сони Беккер. Слишком уж часто она обжигалась на его довольно жестоких шутках и обманах. Он снова перебрал в уме все мыслимые и немыслимые способы наладить нормальные взаимоотношения с любимой девушкой, но, как назло, ничего стоящего на ум не приходило, несмотря на все его хвалёные аналитические способности.

Тем временем Мари, которой надоело лежать, присела на корточки и голой рукой потрогала лёд — он был шершавым и холодным. Как любопытная кошка, она в раздумье склонила голову и, выпустив когти, от души царапнула его поверхность. Лёд был слежавшийся, плотный как камень, в глубоких царапинах, оставленных когтями, он отсвечивал голубым. Резкий порывистый ветер свивал снег в тонкие пряди позёмки и больно сёк снежной крупой ничем незащищенное лицо. Девушка жадно потянула ноздрями воздух, пахнувший морозной свежестью. «Лепота!» — она с видимым удовольствием лизнула кусочки льда, лежащие на ладони.

— Машка, с ума сошла! Прекрати облизывать лёд. Это не гигиенично. Ещё заразу подхватишь, — поучительно произнес Иван, глядя на приятельницу смеющимися глазами.

Он с интересом наблюдал за её кошачьими повадками.

— Вот ещё глупости, — проворчала девушка. — Заразе нужно будет очень постараться, чтобы одолеть изнутри такую заразу как я. Держу пари, что ей это будет слабо: с вампирским организмом далеко не каждый микроб справится, тем более моим, я же не Соня.

Она сунула в рот ещё один прозрачный кусочек льда и, с наслаждением покатав его во рту, сказала:

— Мне кажется совсем они в Совете старейшин сбрендили. Надо же было додуматься, взять и высадить нас в чистом поле, пардон, посреди замерзшего океана. Может быть, это всё же внеплановые учения на выживаемость вампирского организма в арктических условиях? Иван, как думаешь, мы действительно будем жить во льдах, как народ болтает, на манер эскимосов, в этих их экзотических жилищах: то ли иглу, то ли чунях?

— Глупости говоришь... — начал было говорить Иван, но тут прибыла новая партия матово-чёрных «скатов».

Судя по красочным эмблемам, это были студенты из других кланов. После их высадки на льду образовалась большая толпа, которая по законам броуновского движения беспорядочно перемещалась и при этом весело шумела.

Припозднившийся скат с эмблемой тигра на брюхе завис прямо над головами друзей.

— Похоже, это личная посуда главы клана Симона Моррисона, — заметила Мари.

— Ага! Судя по номеру, публика прямиком из города любви, — усмехнулся Иван и потянул её в сторону. — Давай отойдём, а то я знаю этих лягушатников. Наверняка сейчас начнут демонстрировать свои выдающиеся способности в прыжках.

Ладожский не ошибся. Несколько парней в зелёных комбинезонах, что первыми выпрыгнули из люка, приземлились рискованно близко от девушки. Судя по извиняющимся улыбкам, это было сделано намеренно.

— Вот идиоты! Так и норовят прыгнуть прямо на голову, — сердито буркнула Мари и, спеша убраться подальше от места высадки, резко подалась назад. Это кончилось тем, что она столкнулась с незамеченным ею прыгуном.

«Merde!» — девушка покатила по льду. Удар при столкновении оказался настолько сильным, что у неё выступили слёзы на глазах. Она попробовала пошевелить пострадавшей рукой и, чтобы не закричать, до крови прикусила губу. «Ой-ой!.. — запричитала она. — Ну, всё! Найду кто, убью гада!»

Переждав приступ боли, она осторожно повернула голову, ища виновника происшествия. Долго искать не пришлось, им оказался высокий рыжеволосый парень, лежащий справа от неё. Судя по лёгкости, с которой он поднялся, ему удалось сгруппироваться при падении, и он нисколько не пострадал, в отличие от неё.

— Смотри куда прыгаешь!.. Хам! — бросила Мари в сердцах, видя, что он вознамерился уйти, даже не поинтересовавшись её состоянием.

— Хам? — вроде как удивился тигруша полученной нелестной характеристике. Но тут он заметил, что девушка держится за плечо, и высокомерное выражение на его лице уступило место смущению.

— О! — воскликнул он и, оказавшись рядом, протянул ей руку. — Прошу прощения, мадмуазель волчица! Кажется, я был неловок при приземлении, — проговорил он с

раскайанием.

При этом в его звучном голосе отчётливо прозвучали низкие рычащие интонации, что было воспринято пострадавшей стороной как выражение скрытого недовольствия.

«Вот гад!» — не слушая галантных извинений, разозлённая девушка выпустила когти.

К счастью для тигруши, у него оказалась отменная реакция. Когти прошились совсем близко от его лица, и Мари запоздало испугалась, что могла задеть его по глазам.

— Извини, — буркнула она. — Была не права, но исправиться не обещаю.

Когда он, не спрашивая её согласия, обхватил её за талию и рывком поднял на ноги, она вновь зашипела, как рассерженная кошка.

Собираясь сказать всё, что она думает о его непрошенной помощи, Мари открыла было рот и тут наконец-то разглядела обидчика. «Потряс! До чего ж красивый парень! — восторженно пронеслось в её мыслях. — Пожалуй, по внешности тигруша ничем не уступает Ивану, — подумала она и вздохнула. — Чёрт знает что! В окружении стольких красавчиков, которые принадлежат другим, что-то я начинаю чувствовать себя ущербной. Правильно Давидик говорит, что одиночество — это прямая дорога к комплексу неполноценности».

Неожиданно девушка поймала себя на том, что до сих пор восторженно глазееет на рыжеволосого красавца. «Боже мой! Чего это я вылупилась на этого паразита как на икону? Вот дура-то!» Здоровой рукой она резко оттолкнула его от себя. Тигруша явно не ожидал такой реакции, заметив, какое сильное впечатление произвёл на девушку из клана Волка. От уязвлённого самолюбия на высоких скулах юноши вспыхнул яркий румянец, особенно заметный из-за фарфоровой белизны его кожи. Он смахнул с лица рассыпавшиеся при падении длинные волосы и, поколебавшись, с небрежным видом поклонился.

— Виноват. Ещё раз прошу прощения, мадмуазель. Да, кстати! Настоятельно советую вам обратиться к врачу. И ещё одно. Если у вас появятся претензии в связи с причинённым ущербом, то вы всегда найдёте меня в комплексе клана Тигра, меня зовут Тьен Моррисон.

После по-деловому сухой тирады юноша одарил Мари пренебрежительно-холодным взглядом и, резко развернувшись, исчез в толпе смеющихся товарищей по клану, которые с интересом наблюдали за его тет-а-тет с печально известной красавицей.

Здрав нос, девушка скорчила вредную гримасу.

— Ой-ой! Очень-то ты мне нужен, задавака! Привык, наверное, что девицы ходят табуном за тобой и заглядывают в рот. Но от меня ты этого не дождёшься, рыжий дурак, — сердито проворчала она, при этом не на шутку расстроенная пренебрежительным отношением к себе.

Ладожский, с любопытством наблюдавший за угрожающей пантомимой приятельницы и последующим недружелюбным диалогом, подойдя ближе, слегка дёрнул её за ухо.

— Эх, глупая ты женщина! И имя твоё — святая простота. Не понимаешь ты тонкой мужской души, жаждущей твоего внимания, всё когти норовишь выпустить. Гляди, так и останешься девкой-вековухой, в сених — подпирухой.

— Вань, отстань, а? Мало мне озабоченной Сони, так ещё ты туда же. Какого чёрта вы меня сватаете за каждого встречного-поперечного проходимца?

— Проходимец, говоришь? Чего тогда пялилась на рыжика? Я уж думал, сейчас ты повиснешь у него на шее и задушишь в объятиях, — насмешливо проговорил Иван, пристально глядя на покрасневшую девушку.

— Заткнись, без тебя тошно, — с досадой отозвалась Мари, баюкая вывихнутую руку. Она зашипела от боли, попробовав самостоятельно вправить выбитое плечо.

— Стой смирно, не дергайся! — предупредил Иван, подойдя ближе. Он осторожно ощупал плечо девушки, а затем вполне профессионально вправил вывих.

— Ну как, теперь не болит? — участливо поинтересовался он.

Мари прислушалась к себе и благодарно улыбнулась.

— Совсем нет. Огромное спасибо, теперь всё в порядке. Чутьочку регенерации и конечность будет как новенькая. Молодец! Сразу видно, что ты не зря посещал ОМЗ, у тебя хорошие навыки.

— Манипуляция несложная, справится любой дурак. Даже странно, что замеченный тобой рыжик послал тебя к врачу, а не предложил свою помощь. Видимо, он первокурсник.

— Заткнись, а то я тебя стукну. Чёрт! Как есть-то хочется! Просто умираю с голоду. Ладожский, не ездил бы мне по ушам псевдорусским фольклором, а дал бы что-нибудь поесть. В самолёте опять пришлось поститься. Ты же знаешь, я плохо переношу высоту. Вань, не огорчай меня, а? Я же знаю, ты запасливый.

С умильной миной на лице Мари возрилась на приятеля. Тот снисходительно усмехнулся.

— Подлиза! К твоему сведению, я не запасливый, а предусмотрительный.

— Есть разница?

— Твоя формулировка в корне искажает суть моего характера, — назидательно произнёс Иван, доставая объёмистый пакет, которым снабдили его в самолёте щедрые стюардессы.

— Да? По-моему, что в лоб, что по лбу. Вот скажи, где тут справедливость? Почему тебе стюардессы с ходу выдали провиант, а мне показали фигу с маслом? Видел бы ты их довольные рожи, когда они вежливо посылали меня по матушке. Стервы! Жалко им несколько бутербродов. Мол, это запрещено лётным кодексом. Значит, тебе — без вопросов, а мне — не положено. Просто сказочное свинство! — запальчиво воскликнула девушка.

Сдерживая улыбку, Иван поспешно сунул ей в руки бутерброд и кофе в термосе.

— Не заводись, Машка! Ешь, сколько влезет, для тебя же брал.

— Ванечка! Ты самый лучший друг на свете! А тебе оставить бутеров?

— Можешь мне оставить парочку, я тоже проголодалась, как волк. Ну-ка, давай-ка сюда этот троянский подарочек, — сказала весёлая Соня и, подойдя к Мари, отобрала у неё один из бутербродов. — Ладожский, как тебе удаётся вот так, походя, очаровывать столько девушек?

Юноша прищурил глаза, яркие как небесная синь по весне, а затем ядовито-ласковым голосом встречно поинтересовался:

— Почему ты одна, позволь узнать? Не смогла раскрутить очередного парня на свидание? Теряешь сноровку, подруга! Хочешь покажу, как с делом справляются профессионалы?

С презрительной гримасой на лице девушка передёрнула плечами. Не дождавшись ответа на свой словесный выпад, Ладожский запустил боевой режим, и подпрыгнул вверх к открытому люку, зияющему в брюхе самолета клана Тигра. Вскоре сверху раздался его ленивый голос:

— Беккер, я для кого стараюсь? Хватит задирать нос, учись, пока есть у кого.

С трудом удерживая на лице серьёзную мину, Мари наблюдала за тем, как её приятель от души развлекается в обществе стюардесс. Хихикая, они напропалую строили глазки красивому парню. Вскоре дело дошло до того, что, приподняв головку хорошенькой

девушки, Иван поцеловал её в губы. Шокированная Мари повернулась к подруге, собираясь обсудить увиденное безобразие. Раньше Ладожский не позволял себе таких вольностей в присутствии дамы сердца, и чуть было не подавилась куском бутерброда: от ярости глаза Сони сияли фосфорно-зелёным блеском. Заметив потрясение Мари, она спохватилась и, схватив за локоть, потащила её прочь.

— Ничего не говори! А то я сегодня кого-нибудь обязательно прибью и ты, между прочим, не исключение, — прошипела она сквозь зубы.

Настрой подруги упредил желание Мари побеседовать с ней, правда, ненадолго. Но только она открыла рот, собираясь высказать всё, что думает о ненормальной парочке, как всеобщее внимание привлекло новое зрелище.

Над головами студентов Академии вновь зависла группа черных «скатов». На днище каждого из них была изображена кроваво-красная звезда с готической надписью СС ОК в центре. Повисев в воздухе, летательные аппараты плавно опустились на лёд. Распахнулись боковые люки и из них вышли люди, одетые в разноцветные комбинезоны.

В толпе студентов раздался дружный и крайне тяжкий вздох.

— Поздравляю! Наши мучители прибыли.

— Ага! Кранты нашей вольнице!

Чей-то мужской голос с явной досадой проговорил:

— Давид Саади тоже здесь. Вот гад! А я так надеялся, что он больше не будет у нас преподавать. Ромка, ты же говорил, что он уходит из Академии в институт прикладной математики своего клана.

Опередив неведомого Ромку, из толпы ему с явной издёвкой ответил женский голосок:

— Ильяс, если ты такой дурак, что лезешь в постель к жене препода, то хотя бы имей совесть, бросай в его спальне только свои носки, а не личный жетон.

— А что? Я же ничего! Я же не нарочно, — со смущением воскликнул всё тот же мужской голос, но его тут же перекрыл дружный хохот.

Никто из студентов не заметил, что темноволосая женщина, стоявшая у края толпы преподавателей, услышала их разговор и зябко поежилась. Закрывая свежие синяки на шее, она спешно подтянула свободный ворот красивого модного свитера. Несмотря на мягкость исландской шерсти, она поморщилась, когда та коснулась кожи.

Двое мужчин из числа преподавательского состава без лишней спешки отошли в сторонку и, остановившись на некотором отдалении от коллег, завели беседу. Один из них, полноватый и невысокий, поднял голову и заглянул в замкнутое лицо своего худого высокого собеседника и тот, будто желая отгородиться от предстоящего разговора, уткнулся носом в воротник тёмной меховой куртки с белой опушкой.

— Спасибо, Дэн, — с благодарностью произнес низенький и полный и, поколебавшись, добавил: — Понимаю, тебе нелегко далось решение относительно Давида, потому я по гроб жизни твой должник. Знал бы ты, как мальчик рыдал и умолял отца походатайствовать за него. Они на пару пропилили мне плешь, уговаривая помочь юному охломону. Ты же знаешь, как отец привязан к своему кровнику.

— К дьяволу твою благодарность, Адам! Чувствует моя душа, что зря я пошел у тебя на поводу, — нахмурившись, ответил худошавый мужчина. Он глянул в сторону женщины в вязаном свитере, и его ярко-фиолетовые глаза недовольно блеснули. — Ты только посмотри, Сара опять в синяках. Хорошо хоть на этот раз без отметин на лице. Что за стыдоба! Адам, вы мне кончайте позорить Академию. Какой пример Саади подает студентам?

Адам Бернштейн виновато глянул в сторону угрюмо молчащей женщины и она, заметив их внимание, нервным движением снова подтянула вязаный ворот. В растерянности он потянулся к затылку, сбив при этом с головы забавную вязаную шапочку. Когда ему удалось поймать беглянку, он снова водрузил её на затылок.

— Даже не знаю, что тебе ответить на это, — сокрушённо сказал он и, не выдержав, взорвался: — Вот недоумок! Ведь ещё недели не прошло, как они сошлись после последнего скандала, а он снова её колотит!

— Имей в виду, Адам, отныне сладкая парочка на твоей совести. Если Саади будет продолжать в том же духе, я вышибу его из Академии, невзирая на все ваши связи.

— Не злись, Дэн! Сегодня же поговорю со стервецом и вправлю ему мозги. Идём, мой друг, Лили Радзевская зовёт. Нехорошо с нашей стороны заставлять ждать милых дам, да и Беккер что-то хотел выяснить относительно твоих последних нововведений.

Даниэль Смит, ректор Академии, сразу же притормозил, услышав, кто хочет побеседовать с ним и бросил страдальческий взгляд в сторону ехидно улыбающегося щеголевато одетого мужчины. Скривившись, он со стоном произнёс:

— Мой бог! Только Макса мне не хватало для полного счастья. Постой-ка, Адам, давай уж заодно обсудим вопрос, касающийся непосредственно тебя, как декана медицинского факультета. Мы тут с Давидом Левантовским обсуждали некоторые животрепещущие проблемы, и он между делом пожаловался мне, что не может наладить контакт с Мариэль Палевской. Это очень его расстраивает, и он готов отдать её в ведение другого психотерапевта. Что скажешь?

— Уже поздно, мой друг, — понимающе улыбнувшись, ответил Адам Бернштейн. — Как бы то ни было, в последний год другому психотерапевту при всём желании не исправить положение. К тому же Левантовский один из лучших врачей Академии. Если уж ему не удалось что-либо сделать за прошедшие годы, то вряд ли такой подвиг под силу кому-нибудь другому.

Он заметно оживился.

— Думаю, я понимаю, чем вызваны его затруднения. Палевская и с моей точки зрения довольно странная девушка. Даже стандартное медицинское обследование выявило в её организме ряд очень интересных особенностей, в том числе и очень своеобразную энцефалограмму мозговых излучений. Поэтому Давиду Исаевичу совершенно незачем себя винить, у него необычная пациентка. Хорошо, в ближайшее время я с ним поговорю на эту тему. Эх, будь моя воля, отправил бы Палевскую в генетический центр и пропустил через жесткий генетический и психологический фильтр. Увы, там заправляет её папочка. Боюсь, ему не понравится такое углублённое обследование его чада. Очень интересный случай, но я не пойду на поклон к этому высокомерному типу со змеиными глазами. Мы с ним в Совете и так постоянно на ножах. Глава СС, а ведёт себя как редкостный мерзавец, хоть я не отрицаю, что в генетике он гений. Дэн, может, ты как ректор Академии дашь разрешение на обследование под каким-нибудь благовидным предлогом?

— Увы, это не в моей компетенции, — сказал лорд Смит без особого сожаления в голосе и, видя, что маленький профессор сердится, миролюбиво добавил: — Не горячись, Адам. Зря ты ополчился на Михаила. Знаю, что не только ты, но и многие из старейшин больше уважают его за замечательные способности, чем любят — слишком уж наш глава нетерпим к недостаткам других. Но нужно принимать во внимание скорость его мышления. Михаилу трудно понять, что остальным нужно время, чтобы осмыслить его планы и подчас

их нерешительность кажется ему обычной тупостью. Кстати, Адам, ты его хаешь, а он, между прочим, очень хорошо о тебе отзывается, говорит, что у тебя в отличие от многих «варит» голова.

Ректор лукаво глянул на профессора. Оживлённо блестя тёмными глазами, тот саркастически хмыкнул.

— Дэн, не говори ерунды! Всем известно, что ты сторонник Палевского. Пытаешься и меня склонить на его сторону? — задиристо воскликнул он.

В ответ ректор укоризненно покачал головой. Испытующе глядя на него, профессор задумчиво добавил:

— Ладно. Может я и не прав. Если честно, то я считаю Палевского неплохим парнем, несмотря на все его высокомерные закидоны. А уж моё отношение к нему как к учёному, ты и так знаешь. В генетике он царь и бог.

— Дорогой друг, ты даже не представляешь, насколько нам повезло с главой Совета! Поверь, если бы не он, на сегодня у нас не было бы ни нашей Академии, ни науки, ни многих общественных центров и производств. Мне самому удивительно, как только Михаил везде успевает, занимаясь при этом наукой. Адам, прикинь какой круг решаемых вопросов у главы СС, и сам поймёшь, есть ли у него время на разжёвывание подробностей.

— Ну, это ты хватил через край, Палевский не один у нас работает.

— Так-то оно так, но пока один лишь Михаил видит картинку целиком и направляет наше общество в нужном направлении. С этим-то ты согласен?

Оживленно беседуя, мужчины неторопливо направились к ожидающей их группе преподавателей.

Наконец-то, прибыли все, кого ждали. Толпа гляделась внушительно. Студенты, наставники, преподаватели, обслуживающий персонал — всего их набралось четыре с лишним тысяч человек. Яркие расцветки комбинезонов и веселая суета создавали ощущение праздника в мире белого безмолвия, но карнавал красок длился недолго. Раздались ментальные окрики наставников, и студенты поспешили на построение, моментально сгруппировавшись в отдельные колонны. Спустя некоторое время по числу кланов, на льду выстроились пять идеально ровных колонн студентов, а преподаватели и сотрудники обслуживающего персонала собрались в четыре странных образования, больше напоминающих не колонны, а очереди за дефицитным товаром в некоторых отсталых странах третьего мира.

Неожиданно раздался тонкий визг, буквально на грани слышимости, и из образовавшейся полыньи выскочили девять дисков серебристого цвета. Если судить по внешнему виду, то это были близнецы-братья пресловутых НЛО. Их появление вызвало в толпе студентов восхищённые возгласы и свист. Многие из них впервые видели самолёты-амфибии последней модификации — новую разработку ОКБ Академии. Оказавшись на поверхности, машины легли на лёд и гостеприимно распахнули люки. Оттуда выглянули приветливые стюардессы и пригласили желающих пройти на посадку.

Желающие не возражали, особенно мужчины — стюардессы в нарядной белой форме все как одна выглядели настоящими красотками.

ГЛАВА 2. Безопасность не дремлет

В штабе клана Волка, на огромном обзорном экране, работающем в режиме реального времени, высвечивался однообразный, заснеженный до самого горизонта пейзаж. Огромный ледяной массив замерзшего океана был почти неотличим от белого, в серых тучах неба, сливавшегося на горизонте с оледеневшей поверхностью. Океанские торосы отличались от облаков на небе только своей неподвижностью.

Внезапно над поверхностью материализовалась треугольная тень. Она зависла на месте и из неё посыпались крохотные фигурки, которые, спустившись, неспешно разбрелись по поверхности.

— О, наши волчата прибыли первыми! — прокомментировал кто-то из сотрудников, находящихся в диспетчерской.

Спустя некоторое время, надо льдом зависла ещё одна группа из четырех треугольных самолётов, прилетевших из кланов, и повторилась картина предыдущей высадки. Вторая группа из четырёх самолетов СС ОК села прямо на лед, и из них гуськом потянулись люди постарше.

— Вот и преподавательский состав прибыл. Теперь вся Академия в сборе. Уложились точно в срок. Пора вызывать амфибии из купола, — с удовлетворением произнёс дежурный офицер, глядя на экран.

Он стоял за спиной оператора, который наблюдал за высадкой Академии.

— Слушаюсь, сэр! Сигнал послан... есть подтверждение! Выход амфибий через пятнадцать минут, — отрапортовал оператор.

Он склонился над журналом, автономной дисплейной папкой, отмечая в ней время и событие.

— Занеси в личное дело пилота пятнадцать суток ареста и отстранение от полетов на месяц. Причина: лихачество. Кстати, кто этот ас?

— Джованни Ричмонд, сэр. Выпускник Авиакорпуса 2008 года, второе место на курсе. Отличник лётной и физической подготовки, 150 самостоятельных вылетов.

— Немного. Кто подписал допуск к полёту?

— Майор Арнольд Крейз, выпускающий пятого авиаотряда СБ ОК.

— Серьёзный мужик, я его знаю, кого попало он не пошлёт в такой полет. Ладно, чёрт с ним! Влепи мальчишке выговор без занесения и стандартную обработку у психолога. На первый раз этого будет достаточно, не будем портить ему послужной список. Но не дай бог ему попасться ещё раз на подобных фокусах, будет всю оставшуюся жизнь ползать по поверхности.

— Слушаюсь, сэр.

Вдруг фигурки на экране, перемещавшиеся по льду до этого совершенно произвольно, засуетились и образовали девять колонн. Через некоторое время из-под льда выпрыгнули девять дискообразных аппаратов и опустились на лед. Началась быстрая организованная посадка. Последняя фигурка, перед тем как исчезнуть внутри амфибии, обернулась и шаловливо помахала им руками. Самолеты кланов и амфибии разом исчезли с обзорного экрана.

— Порядок! Готовь доклад главе СБ СС и побыстрее. Не медли, а то Штейн снесёт нам

головы. Высадка Академии у него на контроле.

— Готово, сэр! Распишитесь.

Оператор протянул дисплейную папку дежурному офицеру. Тот, взяв её, сказал вслух кодовую фразу и присовокупил к ней всё, что положено: номер доклада, время, своё звание и фамилию. Затем он приложил к журналу запястье. На браслете у него вместо привычных часов был довольно крупный чёрный диск, чья поверхность отсвечивала как радужная нефтяная плёнка.

Информация поступила вовремя, и обрадованный адъютант главы безопасности Объединённых кланов поспешил к своему начальнику. Томас Штейн, высокий блондин с тяжёлым взглядом серых глаз, сразу же поднялся из-за стола. Он взял папку с только что полученным докладом и направился к главе Совета старейшин Михаилу Палевскому. Оказавшись у знакомой двери, он постучал и, получив разрешение войти, толкнул тяжёлую дубовую створку.

— Доброе утро, Мика, — поприветствовал Штейн хозяина кабинета и протянул ему документы. — Я к тебе с хорошими новостями. Академию только что перебазировали под купол Гефеста. Высадка прошла без эксцессов, точно по плану, — доложил он с официальными нотками в голосе, несколько противоречащими фамильярному обращению.

— Присаживайся, Томас! Сигареты валяются где-то на подоконнике, или ты будешь сигары? — откликнулся Палевский.

Он вопросительно посмотрел на главу СБ, но тот отрицательно качнул головой.

— Извини, мне некогда рассиживаться. Между прочим, по твоей милости, — на лице Штейна промелькнуло сердитое выражение. — Teufel! Задал ты мне задачку! Мика, я о многом не прошу, просто хочу знать в связи с чем такая жуткая спешка? Я, конечно, понимаю, что перебазирование штаб-квартиры Совета старейшин в российскую Тмутаракань — это, конечно, круто. Но почему в такие сжатые сроки? А тут ещё переброска Академии! В ледяной пустыне прикрыть с орбиты такую массу народа от глаз вездесущих спутников-шпионов, сам понимаешь, та ещё развлекаловка.

— Прости, Томас, накладка вышла, — спокойно произнёс Палевский.

Столь краткий ответ, естественно, не устроил Штейна, но он не стал больше возмущаться и лишь тяжко вздохнул.

Насмешливо глянув на своего давнего друга и соратника, Палевский, подошел к окну в парижской резиденции и взял из лежащей там пачки сигарету. По виду это был красивый властный мужчина лет тридцати по человеческим меркам. Ростом он был немногим выше среднего, но изящно сложен и потому его гибкая сильная фигура казалась довольно высокой. На высокомерном горбоносом лице главенствовали холодные глаза цвета зелёного прозрачного льда, в которых плавали золотисто-коричневые искорки. Следовал глава СС вампирской моде или был её законодателем, но его шелковистые вьющиеся волосы насыщенного медового цвета тоже были довольно длинными. Правда, он не признавал современные заколки, и они были собраны в хвост при помощи узкой чёрной ленты. В общем-то, аура власти привлекала к Палевскому куда больше внимания, чем сама внешность, хотя он, как многие вампиры, был очень хорош собой. Даже по его манере держаться чувствовалось, что он из породы прирождённых лидеров — один из тех баловней судьбы, которые привыкли, что им беспрекословно подчиняются.

Глава СС неспешно прикурил и мельком глянул на замкнутое лицо Штейна, который не спешил уходить, несмотря на своё заявление о крайней занятости. Отношения двух

могущественных вампиров балансировали на неясной, но тонкой грани, отделяющей дружбу от делового партнёрства. «Чтобы сохранить сложившееся статус-кво, пора пояснить свои действия», — пришёл Палевский к выводу.

— Томас, я понимаю твое нежелание переезжать. Дёргаться с насиженных мест всегда тяжело, но для такого решения есть целый ряд веских причин. Видишь ли, перебазирование в Россию удобно нам по многим причинам. Прежде всего, это оперативный простор и возможность спокойно организовывать новые производства, а они с расширением нашей популяции необходимы как воздух. Сейчас мы вынуждены действовать в довольно людных местах, где приходится предпринимать кучу предосторожностей, чтобы скрыть следы нашей деятельности. Согласись, такая политика идёт в ущерб промышленному росту. Конечно, на планете есть другие глухие места, но нет нужного человеческого потенциала. К тому же территории карликовых государств настолько малы, что политически они не очень устойчивы, что опять же нам неудобно. А Россия имеет всё, что нужно: обширную почти незаселённую территорию, промышленность и людской потенциал. Причём её население не какие-нибудь безграмотные крестьяне. Поголовное образование с широким доступом в высшие учебные заведения сыграло свою положительную роль: нам не нужно будет особо напрягаться в поисках нужных специалистов. Вдобавок сейчас страну штормит от перемен[1]. Жесточайший государственный контроль ослаб, что позволит нам закрепиться там без особых проблем. Конечно, если мы поторопимся. Время, Томас, время! Извини за ликбез, но стоит его упустить, и мы столкнёмся с целым рядом непредвиденных сложностей.

Палевский достал коньяк из старинного шкафчика и с брезгливой миной смахнул пыль с бутылки. Вытерев руки белоснежной полотняной салфеткой, он швырнул её в корзину. Разлив коньяк по пузатым бокалам, один из них он протянул Штейну, после чего сел в кресло и, как принято у знатоков благородного напитка, согрелая, обхватил бокал ладонями.

— Теперь к вопросу о переброске Академии. Рад бы повременить, но тоже нельзя. В общем, это всего лишь комплексная проверка автономной системы функционирования купола Гефеста, но... — Палевский понюхал коньяк, — старейшины жалуются. Говорят, что не в силах пресечь все слухи из-за молодежи, которая периодически выкидывает глупости, грозящие открыть наше существование. Опасность этого резко возросла с появлением интернета.

— Мои ребята периодически шерстят сеть.

— Технологии людей не стоят на месте. Однажды ты можешь не успеть предотвратить распространение нежелательного контента.

Штейн кивнул.

— Согласен. Потому ты в срочном порядке загнал молодняк туда, куда Макар телят не гонял, — сказал он с усмешкой.

Фраза была сказана на русском языке.

— Неплохо, хотя акцент ещё чувствуется, — одобрил Палевский. — Пока молодёжь учится, воспитатели сумеют привить им навыки осторожности. Заодно студенты проверят нам купол Гефеста в долговременной эксплуатации. Так что, мой друг, сожалею, что доставил тебе столько хлопот, но всё это было крайне необходимо.

— Да ладно! Я не в обиде. Дело есть дело. Это я так, просто ворчу.

Штейн примирительно махнул рукой. Они ещё немного поговорили о текущих делах и он, допив коньяк, спешно откланялся, заявив, что у него море работы. Выйдя в приемную, он, извиняясь за свой прорыв без доклада, обаятельно улыбнулся молоденькой зеленоглазой

секретарше.

Девушка просияла в ответ и проводила его восхищённым взглядом. «Какой мужчина пропадает!» — читалось на её лице.

Действительно, Штейн до сих пор был не женат. Почему-то этот красавец и умница избегал сетей Гименея, хотя считался самым завидным женихом среди вампиров. И вообще, паршивцу страшно везло, ведь женщины открыли на него самую настоящую охоту. Но как они ни старались, какие только ухищрения ни применяли он, к их великому разочарованию, счастливо ускользал из цепких ручек самонадеянных красоток.

Оставшись один, Палевский подошёл к стрельчатому окну парижской штаб-квартиры и, пуская синеватые колечки сигарного дыма, с сожалением посмотрел на привычный пейзаж. По обе стороны тихой улицы, мощённой каменной плиткой, стояли старинные дома и, насколько ему помнилось, вывески, на некоторых из них были неизменными вот уже несколько столетий.

Он открыл окно и его взгляд устремился туда, где раскинулся ухоженный сквер. Листья древних каштанов уже начали буреть по краям. Осенний воздух был прозрачен и чист. Из соседней пекарни доносился изумительный запах свежей выпечки. Невидимый из окна музыкант играл на аккордеоне, вызывая у короля вампиров ностальгию по ушедшему времени.

Палевский нахмурился и глянул вдаль — туда, где по контрасту с их тихим кварталом, царила современная деловая суэта. Конечно, ему было жаль покидать Париж, который стал для него родным городом, но делать было нечего — обстоятельства требовали перемен. Он резко захлопнул створки окна и пошёл к письменному столу, там уже давно надрывался коммутатор, призывно мигая разноцветными огоньками. Игнорируя телепатические вызовы, которые тоже стремились привлечь его внимание, он нажал кнопку вызова секретаря и велел принести кофе и круассаны.

Королю вампиров хотелось растянуть удовольствие и хоть немного побыть наедине со своими мыслями и чувствами. А ещё он устал и хотел оттянуть тот момент, когда ему снова придётся решать многочисленные задачи. С бурным ростом популяции его народа в них было слишком много переменных, чтобы он, вопреки распространённому мнению, мог с ходу найти верное решение той или иной проблемы.

Мари. Подземные чудеса и приятное знакомство

В подземном куполе я не успела ничего толком рассмотреть, впрочем, как и все остальные вновь прибывшие студенты и прочий персонал Академии. По закрытому переходу нас сразу же провели в большое административное здание. Там, быстренько распределив нашу аморфную массу по деканатам и группам, провели перекличку наличного состава, и разогнали студентов по разным вспомогательным службам — на помощь обслуживающему персоналу. Меня отправили в хозчасть, помогать кастелянше на бельевом складе с сортировкой ТМЦ и прочего хозяйственного инвентаря. Как выяснилось, для этого нужно было разложить по многочисленным полкам и шкафчикам всё, что лежало в морских контейнерах, громадных как киты. Сделать это нужно было быстро — время поджимало, к тому же не как попало, а в соответствии со складскими ордерами.

В общем, когда мы разгрузили один контейнер и разложили вещи по местам, при этом заполнив кучу приходных ордеров, я возненавидела складскую работу всеми фибрами своей души. Ударно поработав до самого позднего вечера с очень коротким перерывом на обед, мы с девчонками все же успели освоить весь предназначенный нам фронт работ и с чистой

совестью разбежались по домам. Слава богу! Хорошо, хоть завтра не нужно будет этой фигнёй заниматься.

Выйдя на улицу, я с любопытством огляделась по сторонам. Удивительно, но подземный городок практически ничем не отличался от своих провинциальных собратьев на суше. Впрочем, вру, он выглядел сказочно красивым. Неспешно я пошла по улочке, вдоль которой стояли аккуратные трёх- и пятиэтажные причудливые коттеджи, сложенные из разноцветного кирпича или отделанные диким камнем. Между ними вились чистенькие тротуары, выложенные красивой плиткой и дорожки, посыпанные мелким разноцветным гравием. Даже административные здания внешне походили на старинные замки. Очевидно, основная часть промышленных установок была загнана в скальный грунт, чтобы не портить идиллический пейзаж. Я с любопытством рассматривала чудесные газоны, живые изгороди и клумбы с их буйным разноцветьем и меня не покидало неотвязное ощущение, что где-то я уже видела нечто подобное.

Наконец меня осенило. Похоже, архитекторы не особо заморачивались и взяли в качестве прототипа картины Томаса Кинкейда. Прелесть! Я его просто обожаю.

Я посмотрела на небо. Оно было совершенно обычным вечерним небом средних широт: с первыми звездами, нарождающимся месяцем и кудрявыми бело-розовыми облаками. Опускающиеся на землю сумерки были прозрачно синими, с изумительным фиолетовым оттенком. Мне подумалось, что голография в записи необыкновенно хороша и дает полную иллюзию открытого пространства. Я принялась к воздуху — тоже ничего необычного. Ощущался только запах морской соли, свежескошенной травы, а ещё до одури пахло ночными цветами. Надо же, голографии даже растения удалось обмануть. Где-то журчал небольшой ручей или речка, и было слышно, как шумит вода на каменистых перекатах.

Да!.. Купол Гефеста — это нечто с чем-то. Просто фантастика! Даже не верилось, что над головой нависает многометровая толща скальных пород и океанской воды.

Ни с того ни с сего мне вдруг стало беспричинно легко и весело на душе. Я остановилась и, раскинув руки, закружилась. Благо, безлюдная улица позволяла выделывать подобные фокусы. Чёрт возьми, а жизнь-то хороша! Последний курс в Академии, и я свободна как птица. Хотя нет, из дома ни шагу, во всяком случае, по своей воле. Буду жить под крылышком у Рени, пока она меня не выгонит.

Перед глазами живо предстала картинка как моя вампирская матушка, одетая в римскую тогу, величественным жестом указывает мне на порог и я, как обречённый на смерть гладиатор, в гордом одиночестве выхожу на арену мира, наполненную двуногими чудовищами. Не выдержав, я засмеялась. Вот глупости! Да такого никогда не случится! Для этого Рени слишком любит меня, ну и балует, конечно. Всё-таки я единственный ребёнок в семье. Жаль, что отсюда ей нельзя позвонить. Сбрендившие господа безопасники не разрешают студентам вести из-под купола никаких переговоров с остальным миром. Ну, и фиг с ним! Не так все плохо. Мои друзья всегда со мной, а через год я уже навсегда останусь дома.

Таким образом, получая море наслаждения от пешей прогулки, и изредка сверяясь с криво нарисованной картой, — как у левши у меня всегда трудности с ориентировкой на местности, — я медленно брела к своему коттеджу. Неожиданно дорогу мне заступил рыжеволосый красавчик из клана Тигра, знакомый по сегодняшней неудачной высадке. Как его там? Кажется, Тьен Моррисон.

Поскольку наметился нежданный тет-а-тет, поневоле пришлось остановиться. Я

окинула парня быстрым взглядом. Надо же! Пока некоторые трудились в поте лица, как последние замарашки горбятся на складе, другие бездельничали и даже успели переодеться. Тигруша сменил форменный комбинезон на чёрные джинсы и белую рубашку. В этом прикиде он выглядел эдаким ухоженным лапочкой и показался мне элегантным до невозможности. Наконец-то, я смогла как следует рассмотреть нового знакомого. Длинные вьющиеся волосы парня были скототы заколкой, полностью открывая его лицо с высокими скулами. Ё-моё! Он оказался ещё красивее, чем мне запомнилось. Н-да, что-то тигруша чересчур сильно воздействует на моё либидо. Каждый раз вызывает такое смятение чувств...

Сдуру я заглянула в золотые глаза Тьена и тут же пожалела об этом. «Чёрт! Плохо дело... Ну, нет! С этим нужно что-то делать, а то коготок увязнет и птичке хана», — собравшись с духом, я подняла глаза и вопросительно посмотрела на парня. Увиденное меня озадачило. «Ладно, со мной всё ясно, а здесь-то что?» Со странной смесью досады и нерешительности на лице он в упор разглядывал меня, при этом храня полное молчание. Несмотря на смущение, мне стало смешно. «Я ему что, выставочный экспонат? Между прочим, за погляд деньги берут!» Неловкая пауза слишком затянулась, но попытка обойти живое препятствие не увенчалась успехом. Тигруша мгновенно переместился и снова оказался на моём пути. Честно говоря, такая назойливая тактика знакомств мне не очень нравится.

Уже начиная злиться, тем не менее я постаралась сохранить остатки хорошего настроения.

— Ну, и долго ты собираешься изображать из себя фонарный столб? И не надейся, я на нём не повешусь, — ласково пропела я, вложив в голос как можно больше яда. — Милый, если хочешь что-то сказать, то говори поскорей. Я устала до чёртиков и спешу домой, потому не собираюсь играть с тобой в молчанку.

Парень несколько смешался и сердито буркнул:

— Меня прочим, меня зовут Тьен Моррисон, если ты забыла. Я хочу с тобой поговорить.

— А-а...

С этим невразумительным возгласом я сделала очередной маневр в попытке уклониться, но тигруша поймал меня в кольцо рук, и мягко произнёс:

— Не спеши, mon ami! Я хотел бы ещё раз извиниться за неловкое столкновение при высадке. Меня слегка подтолкнули в воздухе, и я приземлился не туда, куда первоначально планировал. Кстати, как твоё плечо? Ты уже была у врача?

По-прежнему не выпуская меня, он заглянул мне в лицо. Ну, всё! Кто там сказал: «Пришёл, увидел, победил»? Мне стало совсем неловко от близости, в общем-то, незнакомого парня и я, резко рванувшись из его объятий, отступила на шаг.

— Всё нормально, не стоит беспокоиться! Если это всё, что ты хотел узнать, то я пойду, — быстро пробормотала я и вознамерилась сбежать.

— Я провожу тебя, Мари. Хорошо?

Так-так! Уже и моё имя знаем. Вот чёрт! Ненавижу всех сплетниц и сплетников на свете! Убила бы гадов и повесила в один рядочек — в назидание другим. Хорошее настроение моментально кануло в Лету. Я помрачнела, догадываясь об источнике столь повышенного интереса. Наверняка тигруше уже рассказали обо мне, и теперь он решил добиться успеха там, где другие потерпели фиаско.

— Прости, милый, но я люблю гулять в одиночестве, — резко сказала я и рванулась

вперёд, уже не разбирая дороги.

Парень поймал меня за локоть. Да чтоб тебя!

— Тебе не в эту сторону, — лаконично пояснил он, поймав мой разъярённый взгляд, и безапелляционно добавил: — Идём, я провожу тебя, Кошка, которая гуляет сама по себе, пока ты окончательно не заблудилась.

Некоторое время мы молча шагали рядом, затем я не выдержала и искоса глянула на него.

— Ты, наверно, первокурсник? Что-то я не помню тебя по Академии.

Глядя на меня янтарно-золотыми глазами, тигруша обаятельно улыбнулся и промолчал, а мне почему-то стало грустно.

«Чёрт! Не смей так улыбаться, рыжик! Ничего у нас с тобой не выйдет... Конечно, тебе самоуверенности не занимать, а вот я в себе совсем не уверена».

Не знаю почему, наверно, повлиял окрас рыжеволосого красавчика и то, что он из клана Тигра, но на память мне пришло замечательное стихотворение Уильяма Блейка. Без усилий всплыли знакомые строчки, и я зашагала, беззвучно шепча про себя:

Тигр! О, Тигр светлогорящий!

В глубине полночной чащи!

Кем задуман огневой

Соразмерный образ твой?

В небесах или в глубинах

Глел огонь очей звериных?

Где таился он века?

Чья нашла его рука?

Что за мастер, полный силы,

Свил твои тугие жилы

И почувствовал меж рук

Сердца первый тяжкий звук?

...

А когда весь купол звёздный

Оросился влагой слезной,

Улыбнулся ль, наконец,

Делу рук своих творец?

...

Тигр! О, Тигр светлогорящий!

В глубине полночной чащи...

Чьей бессмертной рукой

Создан грозный образ твой?

— Кажется, мы пришли, принцесса. Вот твой замок. Сиреневая улица, дом восемь.

Голос Тьена вывел меня из печально-лирических раздумий. Всё правильно. На затейливой вывеске значился адрес, который мне дали в деканате.

Судя по всему, Соня была уже на месте и всю хозяйничала. В открытых окнах горел свет, и оттуда доносились умопомрачительно вкусные запахи. Я сглотнула слюну, ощутив, что безумно хочу есть, и бросила хищный взгляд в направлении дома. Тьен понял меня правильно и понимающе улыбнулся.

— Не буду тебя задерживать, топ ами. Похоже, ты действительно устала и

проголодалась, — он повернулся ко мне и как-то так задумчиво добавил: — Знаешь, Мари, у меня такое ощущение, будто мы давно знакомы и сейчас встретились после долгой разлуки.

«Интересный подходец!» — иронично подумала я и храбро заглянула ему в глаза.

Это была какая-то мистика. Я почувствовала головокружение и стала медленно, но верно проваливаться в бездну. Перед внутренним взором замелькали странные картины и самое удивительное, что в них действительно присутствовал этот парень, правда, одетый в какие-то чудные одежды.

В чувство меня привёл неожиданный поцелуй.

— Прости, что без разрешения. Не смог удержаться.

Пока я стояла в оцепенении, приходя в себя, Тьен уже отстранился и нежно провёл пальцами по контуру моих губ.

— Спокойной ночи, принцесса. Я не прощаюсь. Мы обязательно с тобой встретимся. Отныне ты только моя.

— Эй-эй! Мы так не договаривались! Я не собираюсь с тобой встречаться! — заявила я, барахтаясь в водовороте смешанных чувств.

— Ну-ну! Посмотрим, как это у тебя получится, — сказал Тьен и засмеялся.

Вот ведь самодовольный болван!

— Блажен, кто верует! — нашла я с ответом, когда рядом уже никого не было.

После исчезновения Тьена я облегчённо выдохнула. Кошмар! Да что же это такое? Совсем рыжий красавчик выбил меня из колеи. Ну, нет! Достаточно этих игр! Всё равно они ни к чему хорошему не приведут. Мне через себя не переступить. Отчего-то эта мысль навела меня на грустные размышления и я, уже накручивая себя, стала перечислять недостатки Тьена — мол, и волосы у кого-то слишком красиво уложены, и физия чересчур ухоженная, а уж самомнение и вовсе зашкаливает все мыслимые и немыслимые величины. «И вообще, красивые парни привыкли к тому, что девицы вешаются им на шею», — уныло подумала я. Перед глазами почему-то возник Ладожский, как он с кислой миной на лице пытается отвязаться от очередной пассии. «Тьен по внешности ничем не хуже Ваньки... Да, пропади они оба пропадом! — я тряхнула головой, отгоняя рыжеволосое видение, и усмехнулась. — Со мной его точно ждёт облом».

Открыв входную дверь, я помчалась через прихожую и, очутившись в небольшом холле, весело крикнула:

— Эй, есть кто живой?

Из дверей выглянула Соня и сердито сверкнула на меня глазами. Ой! За складской суетой я совсем забыла ей позвонить.

— Явилась, потеряшка! Мари, где тебя черти носят, да ещё на ночь глядя? Я уже начала беспокоиться, не случилось ли что с тобой. Даже собиралась звонить Ивану, чтобы организовать твои поиски, — сказала она укоризненным тоном.

— И никакая я не потеряшка! Мы только недавно с девчонками закончили работу на складе. Очень уж не хотелось ещё и завтра этим делом заниматься. Ну а потом у меня было свидание с парнем, — брякнула я не подумавши.

Моя любимая подруга сразу насторожилась.

— Серьёзно? — она испытующе посмотрела на меня. — Что ж, я рада, если это так.

При виде недоверчивого любопытства, появившегося на её лице, я постаралась не засмеяться. Иначе Сонечка моментально обидится, а меня распирало желание поделиться с ней впечатлениями.

— Ну, да! Представляешь, за мной всю дорогу тащился один очень симпатичный рыжик, с которым мы очень мило поболтали, — я сделала многозначительную паузу и, подмигнув, заговорщицки выдохнула: — Не поверишь, но мы с ним только что целовались.

Ожидая реакции Сони, я затаила дыхание. Чёрт! Не прокатило. Кажется, я вышла из доверия у любимой подруги. Вот так всегда, когда слишком долго разыгрываешь других.

Сонечка безнадежно вздохнула и потянула меня за собой.

— Зай, хватит ломать комедию. Идём есть. Я приготовила ужин. Вкусно! Пальчики оближешь.

Вот ведь Фома неверующая!

— Честное слово я тебя не разыгрываю, — запротестовала я. — Помнишь того красавчика из клана Тигра? Ну тот, который чуть не убил меня, свалившись сверху при высадке? Так вот, классный парень и зовут его Тьен Моррисон, — выпалила я на одном дыхании, буксируемая любимой подругой.

Она фыркнула.

— Знаю-знаю! Только у бедняги нет ни единого шанса. Впрочем, как и у его многочисленных предшественников, — отозвалась она, по-прежнему таща меня в кухню.

Бедные мои конечности! Сегодня им досталось по полной программе, а одна из них, между прочим, травмированная. Внезапно Соня круто развернулась и с пытливостью инквизитора заглянула мне в лицо.

— Так это правда? Парень действительно тебе понравился?

— Не-а. С чего ты взяла? — проямлила я, пойманная врасплох.

Ну вот! Доверие вернула, а настроение откровенничать уже ушло.

— Сонь, не бери в голову, всё, как всегда.

Так! Актриса погорелого театра, держи марку! Если врёшь, то ври правдоподобно! Под испытующим взглядом подруги мне было не слишком уютно, но я постаралась не выдать себя.

— Опять — двадцать пять! — с вызовом воскликнула я. — Ну не хочу я ни с кем встречаться! Это же не запрещено законом. Может, мне никто не нравится.

Хотя я знаю, что это — ложь. На самом деле у меня серьёзные психологические проблемы с парнями. При одной мысли о взаимоотношениях с противоположным полом, грозящих перейти из чисто товарищеских в горизонтальный план, меня сразу же пробивает такая ледяная дрожь, что я тут же удираю без оглядки. Чем такое вызвано, я не знаю, но факты — упрямая вещь. Соня пыталась несколько раз познакомить меня с ребятами, но, видя мою неадекватную реакцию, махнула на меня рукой. Во всяком случае, мне так казалось. И вот всё сначала.

— Может, я скрытая лесбиянка, Сонь, а ты меня все с парнями норовишь свести, — сказала я со смешком и постаралась продемонстрировать свои слова в действии.

What's the problem? Всё что нужно — это изобразить смущение данным обстоятельством. Проще пареной репы. Итак, берём на вооружение влюблённый взор, периодически опускаем глазки долу и усиленно ковыряем полы носком кроссовки.

Единственно, что я получила в ответ на свою дурацкую пантомиму, это осуждающий взгляд, вкупе с не менее осуждающе поджатыми губами.

Соня вновь взяла меня на буксир.

— Дурочка ты, Мари! Хочешь, я прямо сейчас проверю, насколько ты привержена однополрой любви?

С меня сразу же слетело наносное розовое настроение. С любимой подружки станется устроить мне проверку.

— Только попробуй! Прибью на месте! — воскликнула я с возмущением.

Эта поганка засмеялась.

— Вот видишь, что и требовалось доказать. Идём, госпожа лесбиянка, а то скоро всё остынет. И куда только твой психолог смотрит?

Господи, куда-куда! Куда пошлю туда и смотрит.

И правда, наших битв с психологом не счесть. Давид Исаевич Левантовский — очень упёртый господин, но в случае со мной нашла коса на камень. Доверительных взаимоотношений между нами так и не сложилось. Давидик четыре года пытается меня приручить, и все четыре года получает фигу. Понимаю, психологическая профилактика необходима, но... Есть нечто такое во мне, что с безумием кошки, угодившей в капкан, противится чужой воле. Поэтому, как бы ни старался бедняга, я не дам ему навязать своё видение мира. С какой бы целью это ни делалось.

В конце концов, если твой мозг не пожирает болезнь, разрушая как личность, то за каким чёртом это нужно? Нужно уметь самому справляться со своими проблемами. Ну, а в случае патологий, все равно нужно будет обращаться совсем к другому специалисту по психологии.

За столом я немедленно набросилась на еду и, утолив голод, взялась неспешно смаковать ягодный кисель со свежим рогаликом. Из состояния блаженства меня вывел возглас Сони.

— Из-за твоих глупостей я забыла сообщить главную новость. Помнишь Давида Саади, который преподавал у нас высшую математику на первом и втором курсах? Так он чуть не убил свою жену и её любовника-студента, — сказала она и, подперев голову руками, мечтательно добавила: — Ах, красавец-туарег! Наши девицы в группе были поголовно в него влюблены.

У меня промелькнула ехидная мысль, что и Сонечка не избежала этой участи, но тут перед глазами возникло грустное лицо с большими чёрными глазами, и я расстроилась.

— Саади? Конечно, знаю. Ведь я часто консультировалась у него по высшей математике. Кстати, уже на третьем курсе ходили слухи, что жена ему изменяет. Всё же Сара — редкостная стерва. Ладно увлеклась бы кем-нибудь, но изменять просто так, со всеми подряд? Это уже клиника. Да, и что теперь будет с Саади?

— Думаю, ничего, поскольку у них заключён постоянный брак. Обычно государственные службы в такие дела не вмешиваются. Пожизненный контракт заключается супругами на свой страх и риск и подлежит разборкам только внутри клана, где они заключили брак. Рудич дала маху, заключив его в клане мужа. Потому Саади только пожурят, а мальчишке-любовнику заплатят соответствующую мзду через его клан.

— Ну и слава богу! Давид — замечательный препод. Вот так доверяешь человеку, а он тебе в ответ подлянку. Говорят, она спит даже с первокурсниками. Вот идиотка!

Соня с сомнением посмотрела на меня.

— Я бы не стала спешить с выводами, — сухо сказала она. — Всё же браки с пожизненным контрактом — это ловушка, из которой сложно выбраться. Ведь развод возможен только с обоюдного согласия партнёров. А что делать, если один из них отказывается?

Я фыркнула.

— Никто не заставлял её заключать пожизненный контракт. Насколько я знаю, такие браки не поощряют и прежде предлагают хорошенько подумать. Так только упертые парочки женятся, мотивируя свою дурь исключительно великой любовью.

— Так-то оно так, но жизнь у нас длинная и многое может случиться. Поэтому всего не предусмотреть.

В общем-то, я была согласна с подругой, и всё равно мои симпатии были на стороне Давида Саади. Что-то такое было в Саре Рудич, что вызывало во мне активную неприязнь. Нет, дело не ревности. Бесило её всезнайство и замашки королевы бала. К тому же эту дамочку отличало ослиное упрямство. Для Рудич существовало только её мнение, остальных она не принимала в расчёт. Доказать ей что-либо было невозможно. Когда у неё кончались контрдоводы, она замолкала и улыбалась с видом превосходства, мол, что спорить с дураками. Как по мне, она сама редкая дура и к тому же истеричка. Под настроение может швырнуть тем, что под руку попадёт, либо ни с того ни с сего начинает язвить, да так зло, что хочется надавать ей по физиономии.

[1] Начало книги пришлось на 2008 год.

ГЛАВА 3. Ученье — свет, или о чём бредит вампирская медицина

«Кошмар! Не может быть! Уже восемь?» — тараща сонные глаза Мари выпуталась из тёплого постельного гнезда. «Merde! Опять будильник не прозвонил или я не слышала», — пробормотала она и заметалась по комнате.

— Соня! — стукнула она себя по лбу и открыла дверь в коридор. — Беккер, полундра! Мы проспали!.. Эй, ты где? Отзовись!

— Не кричи, я в душе.

— Подруга называется! Если проснулась, то какого чёрта меня не разбудила? — проворчала Мари.

Спешно собираясь на занятия, она побросала в сумку необходимые вещи, как всегда, проклиная себя за то, что поленилась собрать их с вечера. Видя, что Соня не торопится, она подлетела к душе и забарабанила в дверь.

— Давай быстрее! Чего ты возишься? — завопила она во весь голос и, стиснув зубы, прошипела: — Нашла время плескаться, как утка!

— Сейчас заканчиваю! — донёсся ответ, еле слышный из-за сильного шума воды.

Криво улыбнувшись Соне, облачённой в махровый халатик и забавные тапочки, Мари тут же ринулась в освободившийся душ. Скорости её мытья и облачения в форму клана Волка позавидовали бы бывалые солдаты. Выскочив в кухню, она напустилась на подругу:

— Ну, ладно я распустёха, ты-то как могла проспать, чёртова аккуратистка?

— Не нервничай, зай. Садись, будем завтракать. Можешь не дёргаться, мы никуда не опаздываем.

Совершенно спокойная Соня лениво зевнула, сделав вид, что не замечает устремлённого на неё негодующего взгляда.

— Горе моё! Снова твои дурацкие штучки с подводом часов? Лучше вспомни, как мы по твоей милости прилетели в Академию на два часа раньше и сдуру попались на глаза Лили Радзевской.

— Ну да, она быстро припахала нас к делу. Кто же откажется от дармовой рабсилы? Между прочим, это ты виновата. Нужно было соврать, что мы пришли в библиотеку, а не к ней на занятия.

— Ага! Задним умом все крепки.

Когда они съели овсянку, Мари взялась за чашку с кофе, а Соня заварила себе чай на травах.

— Хочешь торт? — спросила она, ныряя в недра холодильника. — Вроде бы от него кое-что осталось... после вчерашнего чаепития с мальчишками.

Подскочив к подруге, Мари схватила кусок торта.

— Мрр! Какая вкуснотища! — пробормотала она с набитым ртом и потянулась за следующей порцией. — Слава моему воздержанию! Ещё ночью хотела его доест, но потом отвлеклась и забыла.

С укоризненной миной на лице Соня плёпнула её по руке.

— Сядь за стол! Ну что за манеры!

— Ага, бомжацкие, но это ещё не повод лупить меня, — обиделась Мари, что не помешало ей доест не только торт, но и закусить его кучей бутербродов.

Покончив с завтраком, она взглянула на часы.

— Сонь, хватит прихоращиваться! Осталось мало времени, а мне ещё нужно смотаться в деканат, взять у секретаря новый график издевательств над нашей группой.

— Уже иду, — откликнулась Соня и, выпорхнув из комнаты, возвела очи горе.

— Зай, это что за вид? Имей совесть, хотя бы причешись.

— Отстань, мне некогда. Какой у тебя распорядок перед большим таймаутом?

— Лекция в четыреста второй аудитории. Меня назначили ассистентом профессора Бернштейна, буду помогать ему вести занятия у первокурсников. Правда, сегодня делать нечего, поскольку предстоит вводная по ОМЗ, но я посижу на его лекции для ознакомления со своими подопечными, — ответила Соня.

При виде радостного выражения на лице подруги Мари улыбнулась и подняла вверх большой палец.

— Растёшь, Беккер! Рада за тебя, — одобрительно сказала она. — А у меня практика по «вышке», но я уже всё сдала. Возможно, Саади расщедрится на «автомат», тогда я сразу же рвану в четыреста вторую и посижу с тобой на лекции, а потом мы вместе пойдём в столовую. Думаю, Адамчик не выгонит меня, если я присоединюсь к его пастве.

— Не беспокойся, профессор Бернштейн — душа-человек, каких немного на белом свете. Уж он точно не выставит тебя за дверь, как лорд Смит. «Леди, здесь вам не дом свиданий! Нечего шуры-муры разводить на моих лекциях», — Соня очень похоже передразнила ректора. — Подумаешь, какие строгости! Неужели нельзя немножко посидеть на его занятиях? Может, я хочу углубиться в изучение общественных наук. Как их там?.. В общем, не важно. Представляешь, а эта дрянь Исабель тут же стала ему поддакивать.

— А-а! Так ты за Ладожским заходила, — догадалась Мари.

— Ну и что? Он сам попросил. Не торчать же мне в коридоре, пока кончится пара.

— Понял, не дурак — дурак бы не понял! Всё, я полетела. Сонь, я не буду тебя ждать, хорошо? Хочу успеть отловить деканатских до того, как они разбегутся после утренней планёрки, — бросила Мари на ходу и, получив благословение подруги, помчалась к выходу.

Оказавшись в Академии, она по-быстрому справилась с делами, которые добавляли ей головной боли как старосте группы, и, получив вождеденный «автомат» по высшей математике, с лёгким сердцем отправилась на поиски четыреста второй аудитории.

Мари взлетела на четвертый этаж по широкой нарядной лестнице, устланной ковровой дорожкой, и бесшумно заскользила по светлому коридору. Тот был пуст и тих, поскольку только что прозвеневший звонок разогнал буйную студенческую толпу по аудиториям. Найдя в самом конце нужную табличку, она осторожно приотворила дверь и заглянула внутрь.

Профессор Бернштейн, который стоял у преподавательской кафедры, тут же обернулся к ней и его тёмные глаза заискрились смехом.

— Мадмуазель Палевская! Вот уж не ожидал. Какими судьбами, дорогая? Соскучилась по мне или решила освежить в памяти навыки по ОМЗ?

— Конечно же, первое, милорд.

— Ты даже не представляешь, как я этому рад. Может, сменишь специализацию, и вместе займёмся медициной?

— Что вы, милорд! Царица наук вовек не простит мне такого предательства, — весело ответила девушка, несколько удивившись хищному блеску во взгляде профессора.

Немного помявшись, она попросила:

— Сэр, можно, я тихонечко посижу у вас на лекции, и так сказать, вспомню бурную молодость?

— Присаживайся, моя красавица, — сердечно произнёс Адам Бернштейн и жестом пригласил её внутрь. — Заодно послужишь наглядным примером того, что делать нельзя. Пусть первокурсники послушают. Ведь у тебя такой богатый опыт. Если не ошибаюсь, ты со своим умением создавать нестандартные ситуации, держишь одно из первых мест в Академии. Одна лишь твоя история с попыткой пролезть там, где не нужно, чрезвычайно показательна.

— Не понимаю, о чём это вы милорд, — хихикнула Мари.

— Как о чём? О том, как ты застряла в лазе Куриного бога. Для тех, кто ещё не в курсе, сообщаю, эту неосторожную мадмуазель пришлось извлекать при помощи альпинистов из спецназа. Им пришлось вырубать её брненное тело из наитвердейшего базальта, поскольку извлечь его другими способами не представлялось возможным. Мало того, бедным альпинистам пришлось тащить мадмуазель Палевскую наверх вместе с куском породы, опасно балансируя на узкой кромке над скалистыми морскими рифами. И это ещё не всё. Затем почти сутки беднягам пришлось обкалывать базальт, извлекая на свет божий нашу новоявленную Галатею.

— Ага, чёртовы Пигмалионы! За трое суток я столько мата наслушалась от этих скульпторов, причём на разных языках, что всерьёз задумалась, а не составить ли словарь перевода их международного ругательного жаргона на нормальный язык, и заодно прояснить значение некоторых не совсем ясных выражений типа...

— Палевская, я же сказал, проходи и присаживайся. Потом поделишься с аудиторией своими переживаниями.

Довольная Мари под смешки и гул аудитории скользнула на скамью рядом с Соней и весело ей подмигнула. В ответ та одобрительно похлопала её по руке, но поговорить им не дали: требуя внимания, профессор постучал указкой по кафедре.

— Итак, господа студенты! — прозвучал в притихшей аудитории его хорошо поставленный преподавательский голос. — Поскольку нас прервали, предлагаю начать заново процедуру знакомства. Итак, разрешите представиться. Я — декан медицинского факультета, доктор медицины профессор Адам Бернштейн, Старший лорд клана Тигра. Под моим руководством вы будете изучать «Основы медицинских знаний» или сокращенно ОМЗ, — сообщил он и слегка поклонился. — Добро пожаловать, господа! Прошу любить и жаловать нашу альма-матер, которая станет вашим домом на ближайшие пять лет. Я надеюсь, что, во избежание грядущих недоразумений, мы с вами придём к обоюдному согласию. Это в ваших же интересах.

Прервав вступительную речь, Адам Бернштейн бросил пыливый взгляд на первокурсников. «Хороший набор в этом году. Впрочем, другие были не хуже», — подумал он и улыбнулся в предвкушении предстоящих находок. Профессор любил работать со студентами: он был из той редкой породы энтузиастов, что разыскивают и возвращают таланты.

— Итак, друзья, насколько мне известно, историю человечества и вампиров вам будет читать ректор нашей Академии лорд Даниэль Смит, а я сразу же перейду к нашим медицинским аспектам. Сначала я назову вам предметы, которые вы будете изучать в рамках моего курса. Это будут: «Нормальная анатомия человека и вампира», «Медицинская биология», «Общая и органическая химия», «Физиология, цитология, эмбриология»,

«Гистология человека и вампира». Поясняю, для тех, кто уже забыл школьный курс, гистология — это наука о микроскопическом строении, развитии и жизнедеятельности тканей животных организмов. Представленный список предметов к изучению на первом курсе, является исчерпывающим.

Не надо издавать столько стонов! Всё не так страшно, как вам кажется. Дорогу осилит идущий. Не так ли?

Господа студенты, напоминаю предмет нашей сегодняшней вводной лекции. Она называется: «О происхождении вампиров — история и гипотезы».

Милые девушки, не волнуйтесь... Тихо-тихо! Не нужно так шуметь! О вас я тоже не забыл. Не беспокойтесь, — таких очаровательных леди трудно обойти вниманием, я бы сказал, просто невозможно. К тому же, под определение господ попадают оба пола.

Нет, в отличие от человечества у нас их только два, а именно мужчины и женщины, поэтому давайте без феминистических лозунгов и прочей псевдотолерантной чуши. В естествознании нет места безосновательным измышлениям, чем грешат социальные институты.

Да, забыл сказать, что начнём мы с изучения «Нормальной анатомии вампира и человека», а во втором семестре продолжим не только курс лекций по этому предмету, но и начнём практические занятия в прозекторской.

Ничего страшного! Девушки, не нужно волноваться. Уверяю вас, трупы не кусаются. Во всяком случае, я ручаюсь за их хорошее поведение во время анатомических занятий... да-да, мои хорошие, я знаю вашу слабую натуру! Поэтому специально для вас в нашем госпитале заготовлена пара двухсотлитровых бочек качественного нашатыря...

Успокоились-успокоились! А то я прихвачу время на перемену.

Молодцы! А теперь мы поговорим о происхождении вампиров, как вида разумных существ. Обсудим, что у них общего с человеком и в чем заключаются отличия.

Самыми распространёнными гипотезами, бытующими в среде вампиров, и посвящёнными в данную проблему людьми, являются две.

Первая гипотеза — космогонического характера. Она предполагает, что вампирские признаки у людей появились в результате опытов над ними, проведенными пришельцами из космоса. Но мне больше нравится вторая гипотеза, которая гласит, что на Земле за время её существования сменилось уже несколько человеческих популяций. Они возникали и гибли уже не единожды. Человечеству не раз приходилось подниматься практически с нуля.

Если с происхождением человечества в целом, как вида, все более или менее ясно: думаю, все слышали о Чарльзе Дарвине и его «Теории происхождения видов». То разнообразие расовых признаков можно объяснить тем, что на планете не раз скачкообразно менялись, причем, на грани выживания, условия существования всех видов и человечества в том числе. Вследствие чего-то же вымерли динозавры? И почему не предположить, что такое случилось не единожды? При этом могли радикально изменяться многие показатели среды обитания. Это и радиация, и климат, химический состав атмосферы и многое другое. Все эти катастрофы могли не раз ставить даже очень живучую популяцию человечества на грань вымирания, заставляя организм в срочном порядке мутировать для выживания в новых условиях. Но в изолированных местах на Земле с благоприятными для них условиями могли сохраниться остатки старой расы, в её неизменном виде, которые исподволь приспособивались к новым условиям жизни. Причём её особи не менялись столь радикально, как члены новой расы, уже идеально приспособленные к новой среде обитания.

Таким образом, я считаю, что человечество возродилось как минимум четыре раза, судя по количеству известных нам рас.

Мы называем себя вампирами, но это название пришло спонтанно. Многим в Совете старейшин оно не по душе, и они не хотят иметь ничего общего с мифическими созданиями, чьё имя мы носим. Но от определенного сходства никуда не денешься. В конце концов, не имя красит человека, а человек имя. Короче, пока думали, как себя позиционировать, название уже закрепилось, и потому решено пока ничего не менять.

Молодой человек! Да-да, я к вам обращаюсь! Не нужно так яростно зевать, а то вы проглотите свою соседку вместе с её обширным декольте.

Кстати, девушки, разве вас не предупредили, что и на лекционные занятия вы обязаны носить клановую форму?

Нечего так тяжело вздыхать! Преподаватели тоже люди. Нет никаких сил находиться в аудитории, когда некоторые студентки рядятся в столь рискованные одежды.

Юная леди, не нужно спорить со мной! Я понимаю, насколько возмутителен тот факт, что вам придётся отказаться от вашего наряда, больше подходящего для госпожи из садомазы, чем скромной клановой студентке...

Красавицы, я пожизненно ваш верный раб, но только не во время моих лекций.

И косметики поменьше, дамы! До дня Всех Святых ещё далеко.

Всё-всё! Пошумели-посмеялись и достаточно, вернемся к нашим баранам. Давайте вспомним, чем мы отличаемся от остальных рас людей. Назовите мне основные отличия.

Замечательно, молодой человек! Всё верно. Назовите свою фамилию, и я поставлю вам плюс за активную работу на занятиях.

Должен заметить, что вампирская ментальность — это не только стереотип социума, но и физиологическое явление, включающее в себя помимо остального и то, что люди называют телепатией, эмпатией и гипнозом. Уточним попутно, что означает каждый этот термин.

Телепатия — это передача зрительной информации и мысленной речи на расстояние без участия органов чувств.

Эмпатия — это целенаправленная передача эмоционального фона.

Гипноз — это умение внушать зрительные, слуховые, тактильные, обонятельные и вкусовые галлюцинации, а также возможность в глубоком гипнозе формировать псевдоличностные матрицы. Но нам, вампирам, присущи и иные способы воздействия на людей, они гораздо более сложного порядка, но мы поговорим о них несколько позже.

И не только этим мы владеем на сегодня. Нужно отметить, что у нас есть и такие нововведения в человеческий организм, как ночное зрение, сравнимое, разве что с кошачьим. Увеличенная, по сравнению со среднестатистическим человеком, мускульная сила и скорость реакции. Немыслимая, по сравнению с человеческой, скорость регенерации, а также немаловажная способность долго обходиться без пищи. Наш НЗ — это кровь живых существ, и такая еда универсальна. Она есть везде, где есть живые существа, а на Земле мало мест, где их нет. И мы моментально восстанавливаем силы при её помощи.

Молодёжь, хочу сразу вас предостеречь, и присутствующая здесь мадемуазель Палевская подтвердит правильность моих слов. Не стоит особо увлекаться и впадать в крайности. А то всегда находятся несколько естествоиспытателей, желающих выяснить предельную выносливость своего организма. Во-первых, вы слишком молоды и плохо владеете новыми навыками, для этого требуется время и соответствующие тренировки. Во-вторых, все

вампи́рские способности тоже имеют ограниченные ресурсы и к тому же носят индивидуальный характер. Например, вампирская регенерация у отдельных особей может очень быстро себя исчерпать. Но не паникуйте, столкнувшись с такой ситуацией, регенерация довольно быстро восстанавливается. Поэтому я призываю вас быть осторожнее, а то может статься, что вы останетесь один на один со своими болячками, скорость заживления которых будет немногим выше, чем у обычного человека. Примите эту информацию к сведению, а то у нас госпиталь в первое полугодие переполнен первокурсниками.

Вёрткий парнишка на вид лет пятнадцати-шестнадцати, сидящий по соседству с девушками, перебрался к ним поближе и с заговорщицким видом наклонился к Мари.

— Слушай, старушка, а чего ты полезла на скалу, де ещё влезла в такую узкую дырищу? На спор или лунатизмом страдаешь?

Девушка окинула нахального отрока уничижительным взглядом, но смягчилась при виде его голубых, по-детски невинных глаз.

— Конечно, на спор! Что я дура, чтобы лезь в узкий лаз ни с того ни с сего? — ответила она снисходительным тоном.

— А кому-нибудь до тебя его удалось преодолеть? — тут же последовал вопрос.

— Ходили смутные слухи, но на моей памяти никому. Все, кто пробовал, застревали. Но я первая, кому удалось так далеко забраться, а после этого скалу Куриного бога разворотили мои спасатели. Так что, если жаждешь подвигов...

— Ну, ты и дура! Кто же лезет, зная наперёд, что застрянет, — перебил её парнишка и добавил безапелляционным тоном: — Тоже мне, нашла предмет для спора! Как тебе удалось столько лет проучиться в Академии и при этом остаться полной кретинкой? Или ты по жизни шизанутая?

Смерив собеседницу презрительным взглядом, он тут же отсел от девушек.

— Сам придурок! — прошипела ему вслед раздосадованная Мари. — Сонь, что ты ржёшь? Ты же знаешь, почему я оказалась на скале. Рутковский, гад, настолько достал меня на втором курсе, что когда он пообещал отвалить навсегда, если мне удастся пролезть через глаз Куриного бога, то я без раздумий согласилась. Лучан думал, что я побоюсь туда соваться из-за моей клаустрофобии и боязни высоты.

— Не любим справедливую критику, дорогая? Устами младенца глаголет истина.

— Какая истина, что ты несёшь? Этот гадёныш просто напрашивается на хорошую порку.

— Смотри, как бы он тебя не выпорол. Если ты не заметила, то обрати внимание на его причёску, мальчишечка-то из спецназа.

— Подумаешь! На первом курсе он в любом случае молокосос...

— Палевская, Беккер, что так живо обсуждаем? Если вам неинтересно слушать мою лекцию, то можете поболтать за дверью.

— Простите, милорд, — громко сказала Мари и бросила сердитый взгляд на возмутителя спокойствия, который с невинным видом сидел в сторонке. Парень незаметно показал ей язык и она, не удержавшись, засмеялась.

Бернштейн укоризненно покачал головой, но больше ничего не сказал и вновь перенёс своё внимание на аудиторию.

— Мы все время говорим «раса». А что это такое? Так вот, господа, раса — это понятие сугубо биологическое и выделяется только по биологическим признакам. Не будем

погружаться в пучину расоведения — науки, занимающейся сим предметом, а обозначим, какие из них существуют на сегодняшний день: европеоидная, монголоидная, негроидная и особняком стоим мы.

Почему? Да, потому что по многим признакам мы — искусственная раса, которая воссоздана по образцу и подобию древней популяции людей, создавших в незапамятные времена высокотехнологичную цивилизацию. Почему обязательно техногенная? Потому что главным доказательством этому служим мы сами, помимо косвенного подтверждения в виде господина Старейшего — нашего создателя с его техническими чудесами. Каким образом? Постараемся прояснить этот вопрос.

Что есть наша раса? Это взаимовыгодное сотрудничество двух организмов — человека и крошечного симбионта. Благодаря этим чудесным малышам сегодня существуем мы, вампиры. Под микроскопом наши симбионты выглядят как самые обыкновенные споры, но какое они чудо, господа! Почему они искусственные? Да потому что слишком уж много в них признаков, указывающих на то, что они именно таковы. Подробностей приводить не буду, для этого у вас ещё нет соответствующих знаний, а вот господа генетики, думаю, будут полностью со мной согласны. Только высокотехнологичная цивилизация могла решить столь непростую инженерную задачу и создать их — совершенное дополнение к функциям организма человека. Сложность симбионтов такова, что на сегодняшний день мы не в состоянии понять, как они устроены, но не опускаем руки и усиленно их изучаем.

Другой вопрос — зачем наши древние предшественники создали их. Думаю, вам легко будет на него ответить, имея некоторое понятие о достижениях генетики последних лет, направленных на улучшение тех или иных качеств живых существ.

Вывод, господа студенты, напрашивается очень простой и логичный. Если бы понадобился идеальный солдат, как бы он выглядел? Ваши предположения?.. Всё верно. Не нужно шуметь, господа!.. Ну, конечно, же, как мы. Итак, кто бы ни создал вампиров, цель этого созидания ясна: это практически неуязвимый воин, или раса воинов.

Нужно отметить, что нам повезло. Несмотря на сложность, наши симбионты оказались очень живучими созданиями, и только благодаря их поразительной живучести на сегодняшний день процветает самая молодая раса мира — раса вампиров. И тут я с уверенностью могу сказать, что уж мы — это стопроцентные чудеса генной инженерии, которыми мы обязаны, как я уже упоминал, одной загадочной личности, а именно, господину Старейшему. Он вычленил из человеческой популяции подходящих для симбионтов особей и при помощи целенаправленной селекции вывел новую породу людей, совместимую с симбионтами, и тем практически создал нас, современных вампиров.

Ну а теперь давайте поговорим о том, где находятся наши крошечные помощники и чем они занимаются.

Располагаются железы по выработке вампирских симбионтов рядом с верхними дыхательными путями, вот здесь и здесь.

И наконец, чем занимаются современные вампирские симбионты. Они такой мощный мутагенный фактор, какой не снился госпоже Радиации. Попадая в предрасположенный к ним человеческий организм, симбионты начинают бурно воздействовать на него, чем вызывают соответствующие изменения в его функциях. Как они влияют на наследственность вампира, пока ещё до конца не выяснено. К сожалению, прямое биологическое потомство вампиров пока не является полноценным и не выживает, несмотря на ряд проведённых экспериментов. Очевидно, сказались какие-то недоработки в генной структуре, но

исследования идут полным ходом.

Возможно, недалёк тот час, мои дорогие леди, когда можно будет перейти к прямому биологическому потомству.

О, какой всеобщий глубокий вздох! Девушки, надеюсь, он выражает вашу несказанную радость по этому поводу. Дети — цветы жизни. Правда, в нашем случае, эти цветики будут чрезмерно прыгучими и зубастыми, так что да, лёгкой жизни не ждите...

Ну-ну, мои хорошие, беременность — не столь уж страшное состояние, к тому же это не навсегда. Какие-то девять месяцев, и вы опять свободны как птицы.

Не знаю, мои красавицы. Скорей всего процесс будет протекать аналогично человеческому. Все предпосылки говорят об этом, хотя ни за что заранее поручиться нельзя.

Да, молодой человек! Что?.. Студенты, потише, я ничего не слышу! А, список литературы! Получите его через свои почтовые ящики. Старосты разошлют, как только их список утвердит деканат.

Ну, почему сразу же «зубрила»? Не нужно обзывать, господа. Мы имеем дело с очень похвальным рвением к учебе. Может быть, из молодого человека вырастет учёный столь же талантливый, как господин Палевский, наш глава Совета старейшин.

ГЛАВА 4. Знакомство с божественным пантеоном Вселенной. Правда, некоторые из богов беспробудно дрыхнут и холод им не помеха

Мир вечного холода и тьмы, раскинувшийся от горизонта до горизонта, по-стариковски дремал под низким белесым небом. Ничто не нарушало покой белого безмолвия, столь любимого Джеком Лондоном — ничто, кроме холода, пронизывающего до костей, и тоскливого воя ветра. В вышине он гонял рваные клочья тёмных облаков; внизу, гуляя по замёрзшей пустыне, исковерканной ледяными торосами, он задувал всё сильнее, и под его крепчающими порывами лёгкая поземка грозила перейти в полноценную метель.

Одиночество и Вечность — страшное сочетание, но Ледяному дракону было всё равно. Неистовый гнев и отчаяние, что когда-то его терзали, уже давно иссякли: они уступили место всевластному безразличию — ко всем и ко всему. Скованный вековыми льдами, он гулял по бесконечным полям Морфея. Ему даже нравилась такая призрачная жизнь, — ведь она давала ему возможность вернуться туда, куда рвалась его душа, а именно, в чудесную пору беспшашной юности. С алчностью скупердя он перебирал самые яркие её моменты. Правда, тогда его начинала мучить нестерпимая ностальгия, а вслед за ней приходила боль. Он поневоле вспоминал того, кто привёл его к столь печальному состоянию.

Умные люди говорят, что источник всех бед — это неподходящая компания. Вот и Арес имел несчастье связаться с Николсом, хоть и не по своей воле.

Первопричиной всему был жуткий скандал, который разразился при Сияющем дворе лорда Хаоса, властителя всего сущего. Николс, его единственный законный сын и наследник, вдруг объявил, да ещё во всеуслышание, что не хочет идти по стопам своего всемогущего родителя, а хочет стать одним из творцов вселенных.

Гнев лорда Хаоса был настолько велик, что он съёл несколько вселенных по соседству с Сияющим двором и, смешав их в однородную аморфную массу, мгновенно поглотил вместе с жалобно вопящими творцами.

Какое-то время лояльные к принцу Хаоса придворные опасались за его жизнь, но всё обошлось, и до убийства дело не дошло. Как ни бушевал рассерженный Лит, но сына всё же не тронул. Недруги принца шептались за его спиной, что причина везения кроется в его матери. Лилит, Радужнокрылая богини счастья, была последней женой лорда Хаоса и, по слухам, он очень её любил, хотя они уже немало времени состояли в законном браке.

Неизвестно, что по этому поводу думал сам суровый властитель и питал ли к сыну хоть какие-то родительские чувства, но заступничество Лилит не помешало лорду Хаосу с треском выставить мятежного отпрыска вон, не дав ему при этом ни частички божественной силы. Конечно, всё отобрать было нельзя, — ведь какая-то часть божественной силы была присуща принцу от рождения. К тому же он, удирая с родительского подворья, успел-таки прихватить с собой кое-какие замечательные игрушки, изобретённые им лично.

Поскольку Николс от рождения имел пылкий ум и склонность к творчеству, то он на досуге создал ряд полезных приспособлений, которые пользовались большим спросом при Сияющем дворе. И вообще, когда его не доставали с обязанностями наследника, он с увлечением занимался научными исследованиями.

Сразу же после изгнания сына лорд Хаоса вызвал Ареса к себе. В то время он служил в одном из престижных отрядов Легиона убийц. Причём попал он туда благодаря своим

талантам, а не по протекции. Поскольку родители Ареса стояли на нижних ступенях дворцовой иерархии, они не могли оказать сыну должную поддержку, и ему поневоле приходилось пробиваться самому.

Вызов во Дворец Вечности сулил многое. Взволнованный бог-убийца миновал ряды стражей, неподвижных настолько, что они казались статуями, и шагнул внутрь Сияющих чертогов. При виде грозного лика властителя, восседающего на троне, все его честолюбивые планы бесследно испарились. Арес пал ниц, мечтая лишь об одном, а именно, испариться вслед за своими планами. Лорд Хаоса был таков, что с равной вероятностью можно было заполучить как его милость, так и опалу. Причём то, что сулило его расположение, в любое мгновение могло обернуться незамедлительной смертью.

— Отправляйся в путь и найди Николса, — приказал жуткий голос. — Отныне ты телохранитель наследника. Можешь взять в кладовых столько жезлов силы, сколько считаешь нужным. Конечно, Николс немало их упёр, перелив в свои игрушки, но бережёного бог бережет.

Громовой хохот заставил Ареса буквально врасти в пол. Если бы он этого не сделал, то выброс магической силы вынес бы его за пределы Сияющих чертогов.

— Слушаю и повинуюсь, ваша божественность! — прохрипел бог-убийца.

Арес по-прежнему не смел поднять голову, тем не менее в его душе проснулась надежда. Правда, совсем крохотная, не больше горчичного зерна.

Самонадеянность бога-убийцы тут же была наказана. Схваченный божественной дланью он повис в эфире и, стараясь не показать страха, уставился в глазницы громадного черепа, в бездонной тьме которых медленно разгорались кровавые искры. Обещания на счастливый исход там было ровно столько же, сколько в зеве свежерытой могиле.

— Хочу предостеречь тебя на будущее. Некоторые из нерадивых слуг почему-то вообразили, что есть причины, которые служат им оправданием провала миссии. Глянь, чем они закончили и не повторяй чужих ошибок, — прогремел лорд Хаоса и перед Аресом разверзлась бездна, слабое подобие которой люди зовут адом.

Вид мук милорда Океана, бывшего наставника принца, которого терзали мерзкие серые твари, оказался настолько ужасным, что бог-убийца не выдержал и отвёл взор.

— Ваша божественность! Клянусь, я умру, защищая их высочество! — пробормотал он, начисто позабыв о пафосе профессионального вояки.

— Тогда к делу! — снова загредел лорд Хаоса и после паузы, видимо, не дождавшись ответной реплики, добавил неожиданно мягким тоном: — Не беспокойся, Арес, я передам твоей матери, что у тебя всё в порядке.

— Слушаю и повинуюсь, ваша божественность! — рявкнул бог-убийца, как положено элитному легионеру, и в тот же миг у него потемнело в глазах.

Его с такой скоростью вышвырнуло из Сияющих чертогов, что он не сразу понял, что произошло, а когда понял, то страшно обрадовался — в отличие от многих, представших пред светлые очи лорда Хаоса, ему удалось уйти живым и невредимым. Вдобавок он оказался там, куда мечтали попасть все боги без исключения.

Оглядевшись по сторонам, Арес присвистнул от удивления. Со всех сторон его окружали разнокалиберные светящиеся сгустки, похожие на шаровые молнии. Он находился в минивселенной, где хранилась магическая энергия. Такое скопление божественной силы, позволяющей творить любые чудеса, ему ещё не доводилось видеть. Бог-убийца даже возгордился. Лорд Хаоса оказал ему невиданное доверие, если сразу же отправил в

сокровищницу и вдобавок без сопровождения казначея.

Арес вобрал в себя столько магической энергии, сколько позволяла ему сущность и без промедления переместился во Внешнее кольцо, где бросился к ближайшему выходу в Междумирье. Боясь потерять след принца, он вдрызг разругался со стражей. Пограничникам ещё не пришло сообщение о его новом назначении, и они наотрез отказались выпускать его за пределы Сияющего двора. И хотя Пограничная стража недолюбливала Легион убийц, Арес рискнул обратиться к дежурному офицеру. К его великому облегчению, тот оказался в курсе дела.

Бог-убийца прорвался через завесу Внешних врат Мира небытия и бросился бежать по узкой колеблющейся тропе. Навыки следопыта, а также скорость и упорство позволили ему в кратчайшее время сократить расстояние, которое разделяло его с мятежным принцем.

Николс, принявший звёздную форму, легко шагал по тропам Междумирья и, казалось, не замечал погоню. Но стоило Аресу приблизиться, как он выстрелил n-мерной вероятностной сетью. Изобретение принца не только обездвигило бога-убийцу, но и вытянуло у него все запасы магической энергии.

— Так-так! Кто это здесь у нас?

Принц с доброжелательным любопытством посмотрел на пленника, но, докопавшись до эмблемы Легиона убийц, присел на корточки и тяжело вздохнул.

— Честно говоря, не ожидал, что старик настолько разозлился на меня. Правда, убийца из тебя никудышный.

— Ваше высочество, я не убийца, а ваш телохранитель, — сдержанно проговорил Арес, оскорблённый тем, что ущемили его профессиональное достоинство. — Неужели вы думаете, что я дал бы вам себя обнаружить, если бы дело обстояло по-иному?

— Значит, ты специально дал себя поймать?

— Да. Жест доброй воли. Доказательство того, что я не желаю вам зла, — соврал бог-убийца.

Ему не хотелось признавать, что он дал промашку и недооценил принца. Слухи говорили, что тот силен, но он не подозревал, что настолько.

— Правда, что ли? — Николс захохотал, и звезды Междумирья, хохоча вместе с ним, сорвались со своих мест и закружились в хороводе.

Арес смотрел на принца и вопреки желанию в его душе всё сильнее разгоралось восхищение. «Недаром их высочество почитается одним из красивейших богов, — со странной тоской подумал он и впервые пожалел, что совсем одинок. — Я хотел бы иметь такого друга... или брата. Брат даже лучше. В общем, кого-нибудь, с кем можно не осторожничать и говорить, всё что думаешь». Арес усилием воли отвёл глаза от принца и, поняв в чём дело, выругался про себя. «Вот дурак! Пока я тут сижу с раскрытым ртом и глазею на него, как последняя деревенщина, этот гад подкапывается под мою защиту!» Обнаружив магических лазутчиков, он хотел их прихлопнуть, но было уже поздно. Они успели сбежать, унося с собой полученные сведения.

Принц Хаоса, будто это не его рук дело, даже ухом не повёл. Отсмеявшись, он с легкой грустью произнёс:

— Кто бы мог подумать! Не ожидал что мой старик такая сентиментальная душка.

«Значит, он видел и слышал мой разговор с лордом Хаоса, если не сомневается в моих словах», — угрюмо подумал бог-убийца.

— Полно злиться! В порядке твои мозги! Я вытащил на поверхность лишь ту часть твоей

натуры, что ты отправил на задворки, решив, что она лишняя. Между прочим, зря. Боги равновесия должны уметь любить — хотя бы себе подобных, иначе их ждёт печальный конец, — назидательно проговорил Николс и щёлкнул Ареса по носу. — Прими это к сведению, братец.

Бог-убийца пожалел, что ему не отдали приказ убить принца, но постарался сохранить спокойствие.

— Не знал, что ваш убойный Легион по совместительству подрабатывает охраной. Кажется, я тебя знаю. Арес, не так ли?

Принц внимательно посмотрел на пленника и на его физиономии промелькнуло заинтересованное выражение.

— Точно! Божок, которого совсем недавно приблизили к Сиятельному двору. Какая-то подозрительно быстрая карьера для юнца из первого круга Перерождения. Ведь твой отец из пришлых творцов, который с незапамятных времён болтается при Сияющем дворе, в тщетной надежде добиться аудиенции. Мать, если не путаю, второстепенная фрейлина при моей матушке, но красавица.

Глаза принца сузились и блеснули бирюзовым огнём.

— Странно, братец, странно! У тебя такой сильный дар... и необычайно пластичный для твоего возраста. Так от кого же ты его унаследовал? У твоей матушки он в зачаточном состоянии. Только не говори, что от отца: всё равно не поверю. И в сказочку про дар, перешедший от далёких предков, я тоже не поверю. Куда вероятней, что с тобой кто-то пособил твоему отцу и, кажется, я догадываюсь, кто именно.

— Ваше высочество! Я законный сын своих родителей! — с негодованием воскликнул бог-убийца, готовый прикончить своего мучителя, невзирая на последствия.

По божественным меркам Арес действительно был очень молод.

— Спокойно, братец, — откликнулся принц и снова щёлкнул его по носу. — Не нервничай! Я дело говорю. Видишь ли, доброты в старике ни на грош и справедливости тоже. Такое скорое продвижение по служебной лестнице он устраивает только для своих внебрачных отпрысков.

В раздумье он покачал головой.

— Ладно, это всё лирика. Пора что-то делать с тобой. Не бросать же тебя здесь, если ты на самом деле приставлен охранять меня.

Принц Хаоса выпрямился и затребовал, чтобы бог-убийца подтвердил свои полномочия и не как-нибудь, а через принятие истинной формы. Арес помедлил, прежде чем подчиниться. Из всех божественных личин истинная форма была самой уязвимой и при желании принц мог легко его прикончить. Но делать было нечего. К тому же риск являлся составляющей частью его профессии.

В Междумирье было нельзя принять истинную форму, и Арес шагнул в Эдем, созданный принцем Хаоса. Там он превратился в большую черную кошку с горящими красными глазами.

К его удивлению, Николс тоже принял истинную форму и предстал в облике прекрасного смуглого юноши с длинными чёрными волосами.

Не церемонясь, он схватил кошку за шкуру и насмешливо глянул на его морду с оскаленными клыками. Бог-убийца извивался и рычал, колотил воздух лапами, стремясь располосовать обидчика когтями, но тщетно. Он не мог вырваться из хватки принца, и что ещё обидней, ему ни разу не удалось его задеть. Арес не понимал, как такое возможно, но

факт оставался фактом: на Николсе не было ни единой царапины. «Ну, успокоился? — спросил он, когда бог-убийца прекратил сопротивляться и повис в его руке. — Вот и умница! А теперь полномочия. Быстро!»

Повелительный тон принца привёл бога-убийцу в чувство. Арес понял, что пора остановиться. Конечно, Николс был куда человечней, чем лорд Хаоса, но не стоило и дальше испытывать судьбу. Для подтверждения полномочий требовалось открыть сознание, и он собрался с духом. Осознавая, что его жизнь висит на волоске, он попрощался с родителями и внутренне сжался в ожидании смертельного удара. Иллюзий он не питал. Судя по замашкам, принц был истинным сыном своего отца, а лорду Хаосу было опасно перечить даже в мыслях.

Вопреки его ожиданиям принц не торопился с расправой. Николс уже в открытую просмотрел его разговор с лордом Хаосом. Затем он перешёл к официальному назначению, подписанному кодовой фразой командующего Легионом, после чего он тщательно изучил остальные документы. В них оговаривалось всё: размер жалованья по назначенному разряду охранников, номер счёта, на который оно будет поступать, разрешённое оружие, количество жезлов силы и прочее. Список был длинным.

— Вроде бы всё в порядке, — задумчиво произнёс Николс.

Он отпустил Ареса и тот, отскочив от него, не удержался и вновь злобно оскалился.

На этот раз принц не медлил с наказанием. Внутри бога-убийцы взорвалась ослепительная вспышка боли. «Ну, вот! А я уж было поверил, что он не такой, как все», — успел подумать он, прежде чем провалиться во тьму небытия.

И всё же принц Хаоса действительно оказался не такой, как все. «Жив!» — возликовал Арес и его затопила волна блаженства. Преданно глядя на своего повелителя, он с довольным урчанием облизал его руку. Когда принц потрепал его по затылку, это привело его в такой экстаз, что он, оглушительно мурлыча, сначала повалился на бок, а затем отбежал прочь и припал к земле.

Догадавшись, что впавший в детство кошка хочет, чтобы с ним поиграли, Николс засмеялся.

— Ну нет, дружок! Мне уже за глаза и за уши игры с тобой. Давай поднимайся, нам пора в путь. К несчастью, у нашего старика семь пятниц на неделе и все левые. Вдруг он встал не с той ноги или ему снова вожжа попала под хвост... Чёрт! Кажется, так оно и есть!

Вместо того, чтобы последовать указанию, бог-убийца растянулся на травке и взялся тщательно вылизывать лапу.

— Что такое пятницы и почему они левые? Что такое стар-р-ик и кто такой чёр-р-т? — лениво прорычал кошка.

— Н-да! Либо мальчишка совсем слетел с катушек, либо я где-то напортачил. Короче, результат, как говорится, налицо, — констатировал Николс и потянулся за жезлом силы. — Нет, братец, так дело не пойдёт. Не дай бог, за нами гонится Легион Хаоса...

— Если это личная стража их божественности, то нам какую!

Пришедший в себя Арес перетёк в звёздную форму. Когда он, даже не обернувшись, пулей вылетел из Эдема, Николс с укоризненным видом покачал головой.

— Во даёт! А послушать, что старшие скажут?

Перед ним возникла проекция головы бога-убийцы.

— Скорей, ваше высочество! Медлить нельзя! — раздался нетерпеливый возглас.

— Рад, что хоть в этом наши помыслы совпадают, — усмехнулся принц и в следующий

миг он уже был рядом с Аресом.

Погоня была близка и они, не стовариваясь, перешли на бег. Временами Николс посматривал на своего охранника. Мрачный и предельно собранный Арес старался не обращать на это внимания. Он не верил, что лорд Хаоса его отец и старался угадать, чего его подопечный добивается своим обманом. Но сколько он ни ломал голову, ничего путного на ум ему не приходило. В конце концов, с превеликими оговорками, но ему пришлось согласиться, что принц, возможно, не лжёт. Правда, он тут же постарался избавиться от крамольной мысли. Он знал, если кто-нибудь прознает об их родстве, то ему не жить. Лорд Хаоса не слишком дорожил многочисленными отпрысками. «А болтливые бастарды тем более у него не в чести, — тоскливо подумал Арес, заранее предвидя, что шила в мешке не утаить. — Вот зачем он сказал? Не знал бы я и жил бы себе спокойно, а теперь ходи и постоянно оглядывайся, чтобы не вонзили нож в спину...»

— Это действительно Легион Хаоса? — прервал Николс череду его грустных мыслей.

— Да, — буркнул Арес. — Мы столько дрались с этими негодьями, что я чувю их на любом расстоянии, — пояснил он, причём неожиданно для себя.

В Легионе болтливость не приветствовалась и за каждое слово, сказанное не по делу, строго наказывали. Арес чувял, что за несвойственное ему поведение ответственен принц, но сейчас ему было не до поисков в собственных мозгах.

Заразившись тревогой бога-убийцы, принц тоже прибавил в скорости, но, несмотря на все их старания, погоня неуклонно приближалась. Ощувив, что она совсем близка, беглецы одновременно встали и обернулись. Звёздное марево, переплетённое лентами троп, заколебалось и там появилось неясное движение. Они прислушались к отдалённому мысленному рёву, в котором различалось нечто, отдаленно похожее на лай.

«Гончие Псы!» — воскликнул Арес. «Мерзкий старикашка!» — выругался Николс. Обменявшись встревоженными взглядами, они снова бросились бежать. Всё их внимание было приковано к тропам Междумирья. В спешке они боялись промахнуться, прыгая с одной колеблющейся ленты на другую: это грозило падением в Бездну, напичканную ловушками. Созданные в незапамятные времена, некоторые из них были настолько сложны, что выбраться из них было не под силу даже богам.

Когда лай и рёв заполнили собой весь слуховой диапазон богов, Арес встал и развернулся лицом к погоне.

— Ваше высочество, я задержу Гончих Псов, иначе мы оба погибнем, — сказал он, преисполненный мрачной решимости.

— Полно, братец! Размечтался о героической гибели? Даже не думай! — отозвался Николс и вопросительно глянул на бога-убийцу. — Скажи, ты умеешь работать с многоуровневыми октаграммами?

Арес согласно кивнул.

— Да, ваше высочество. Могу удержать четыре измерения: пространство и временной поток.

— Хорошо. Значит, ты работаешь с нижними уровнями, а я возьму на себя с пятого по восьмой.

Под резкими росчерками руки принца возникла многомерная Звезда Хаоса и Николс кинул Аресу магический жезл.

— Давай! Старайся лить силу ровно, чтобы не было перекосов. Не дрейфь, братец! У тебя всё получится. Если я могу, то и ты сможешь.

— Ваше высочество...

— Зови меня Николсом, мы же братья!

— Простите, ваше высочество, но я не могу позволить себе такую фамильярность, — твёрдо сказал бог-убийца.

Принц Хаоса, на которого пришлась основная нагрузка, был весь как перетянутая струна, и едва ли не вибрировал от неимоверного напряжения. Тем не менее он умудрился поднять на него глаза и бегло улыбнулся.

— Дурак! Мы на самом деле братья. Старик признал бы тебя, будь ты человеком в истинной форме, а не зверем. Ну а так этот чёртов расист никогда не признается, что ты его сын.

— Ваше высочество, мать любит отца. Она не стала бы ему изменять, да и в истинной форме...

— Думаешь, я не в состоянии узнать ДНК собственного родителя? — рявкнул принц.

— Пожалуйста, давайте не будем отвлекаться! — поспешно сказал Арес.

— Лови ещё четыре жезла и заливай всё разом!

— Но...

— Делай что велено! Начали — раз, два, три!

Звезда Хаоса вспыхнула, заливая всё вокруг невыносимо ярким светом, а затем они оказались в непроглядной тьме.

Просканировав окружающее пространство, Арес обнаружил, что больше не слышит рёва Гончих Псов.

— Где это мы? — шёпотом спросил он.

— Не имею понятия! — так же тихо ответил принц. — Слушай, как тебе здесь? — спросил он и что-то такое было в его голосе, что вызвало тревогу у Ареса.

— Жуть! — сознался он. — Кругом пустота. Будто все умерли, и остались только мы.

— В каком-то смысле так оно и есть. Не в смысле, что все умерли, а в смысле, что здесь только мы вдвоём.

— А! — протянул Арес, его не оставляло подозрение, что он только что вляпался в очередную неприятность.

— Слушай, а почему мы разговариваем шёпотом? — поинтересовался Николс.

— Не знаю, ваше высочество. А вы не знаете, почему здесь так темно? Так же не бывает, чтобы на добрую сотню световых лет не было ни фотона этого самого света.

— Вот чёрт! Совсем забыл! Надо же сказать коронную фразу творцов.

— Причём здесь творцы? — насторожился Арес.

— При том, братец, что это первозданная вселенная и мы только что её создали, — наконец признался Николс.

— Это всё вы, ваше высочество! Я здесь ни при чём!

— Что? Струсил, кошка? Боишься, что старик узнает, что ты со мной заодно, и развеет тебя пеплом? — воскликнул принц яростным шёпотом.

Оскорблённый бог-убийца потянулся было к оружию, но передумал.

— Ваше высочество! Я ничего не боюсь.

— Ну и чёрт с тобой! Не хочешь быть творцом, не надо!

Арес хотел было сказать, что он не из тех, кто присваивает чужие заслуги, — ведь он ничего не понимает в строительстве вселенных, но принц не дал ему времени на объяснения.

— *Да будет свет!* — рявкнул Николс во весь голос и одна за другой стали вспыхивать звезды.

Одна из них загорелась совсем близко и её свет высветил фигуру принца. Заметив, что Арес смотрит на него, он смахнул слёзы и смущённо улыбнулся.

— Глупо, да? Дело в том, братец, что я с детства мечтал произнести эту фразу.

— Поздравляю, ваше высочество...

— Погоди, это ещё не всё! Процесс нужно завершить.

Фигуру принца окутало яркое сияние, и когда оно потускнело, глазам изумленного Ареса предстал дракон. Зеркально-чёрная шкура громадного змея переливалась радужными всполохами, а его голову венчал алмазный *ритом* сложнейшей конфигурации, что говорило о безграничной силе новоявленного творца.

— Вот теперь можешь поздравлять... Ну, как я тебе?

Подростерявшийся Арес кивнул.

— Внушительно. Вам идёт форма творца.

— Думаешь? — засомневался Николс и, оглядывая себя, закрутил длинной шеей. — Ну да, вроде ничего. Жаль только матушка со своей радужнокрылостью малость подкузьмила. Из-за неё я выгляжу так, будто искупался в нефтяной луже. Ну да ладно. Думаю, никто не собирается втыкать мне в задницу горящий фитиль, так что переживём.

Драконья морда приблизилась к лицу Ареса, и бог-убийца уставился в бирюзовые глаза принца, хотя их размеры были таковы, что немногие не ступали бы на его месте.

— Не знаю, братец, как тебе, а лично мне уже до надоело бегать к старику на поклон. Давай-ка поработаем над собственными источниками магической силы. Не возражаешь?

— Как скажете, ваше высочество!.. Вы правы, иначе это будет липовая независимость.

— Соображаешь! Молодец, — похвалил дракон Ареса и из его пасти вырвалась огненная плазма, из которой сформировалась небольшая звездочка с целой гирляндой планет.

— Вот незадача! Удалась только одна планета! Так всегда бывает, когда спешишь, — посетовал дракон, но быстро утешился. — Ну и ладно! Пусть одна, зато какая красавица.

И в самом деле планета удалась на славу. На чёрном бархате космоса сияла жемчужина сине-зеленого цвета, прекрасная уже тем, что она была жива, в отличие от своих мёртвых товаров.

— Ваше высочество, вы настоящий мастер. У вас получилось великолепное яйцо жизни.

Сделав вид, будто он хочет рассмотреть поближе дурацкую планету, Арес попятился прочь от дракона. Внутренняя сирена надрывалась, предупреждая его об опасности, но бежать от того, кого он должен охранять, это уже не лезло ни в какие ворота. Тем более что принц был само дружелюбие.

Будто не заметив манёвр бога-убийцы, Николс снова подался к нему.

— Хвали меня, братец, хвали! Это действительно не каждому творцу под силу, — самодовольно проговорил он и его драконьи глаза ярко блеснули. — Правда, кое-что меня беспокоит. Моя вселенная синхронизировалась с остальным континуумом, а там скоро Большой взрыв, так что времени осталось совсем мало. Чтобы яйцо жизни успело вызреть и породило высшую форму жизни, нужен катализатор. Ведь ты мне поможешь?

— Д-да, ваше высочество, — пробормотал бог-убийца и в тот же миг его поглотил зев открывшегося портала.

Принц Хаоса, по-прежнему пребывая в облике дракона, поплавал вокруг светящейся

дыры. Конечно, он выманил согласие у Ареса, но вряд ли тот знал, на что подписался. «Если мальчишка разозлится, то сгоряча может таких дел натворить, что потом чёрта с два разберёшься, что там вывелось. С другой стороны, кто не помнит, тот не бредит. Если Арес позабудет о легионерской дрессировке и поживёт как нормальный бог, то это пойдёт ему только на пользу. Сияющему двору одного палача лорда Ваатора хватает за глаза и за уши, совсем ни к чему плодить его последователей». С лапы дракона сорвался магический посланник и понёсся вдогонку богу-убийце.

Юный бог плавно опустил на глянцевую поверхность океана. Вдоволь накупавшись, он лёг на спину и его взгляд устремился к безмятежно-синему небу, с которого на него смотрело сияющее золотое око. «*Да будет свет?*» — бог наморщил лоб, но так и не вспомнил, кто это сказал. Он ещё немного поплавал, но удовольствия от этого не получил. Снедаемый беспокойством, он прошёл по водной поверхности и, просияв, хлопнул себя по лбу. «Точно! Свет и тьма есть, небо и вода есть, а твердь позабыл! Вот халтурщик!.. Это я о ком? — удивился бог, но ему не терпелось исправить ошибку в акте творения и он, отвлечьшись, позабыл о своём вопросе.

Когда из воды поднялась твердь, юный бог опустил на ближайший островок и, поскользнувшись, витиевато выругался. Поскольку это был экспромт, то, ломая каменную поверхность, наружу полезло такое, что у него самого полезли глаза на лоб. «Да что б вас!» Твари мгновенно ускользнули в воду — правда, повезло не всем. Бог взял за хвост пойманного гада и поднёс его к глазам, чем тот не замедлил воспользоваться и плюнул ему в лицо. «Ах ты, скотина!» — разозлился он. Слюна у твари оказалась жутко ядовитая и на время его лицо превратилось в неподвижную маску.

В результате божественной мести на свет появилось такое существо, что люди до сих пор ему удивляются.

Бог глянул на дело рук своих и, устыдившись, спрятал их за спину. «Ну, ты того... иди, немножечко поплавай, а я пока займусь другими... Нет, вот только не надо смотреть на меня как на последнего изверга, ты сам виноват... Всё, катись! Я кому сказал?!.. Твою ж мать! Нет, с колёсами это совсем уж перебор! Кыш! Сил моих нет смотреть на тебя!»

Утконос печально глянул на своего создателя и неуклюже переваливаясь на ходу, заковылял к воде. Когда злосчастный зверь отплыл от берега, бог с опаской глянул на небо. Отчего-то ему казалось, что оттуда следят за его действиями.

Целый день юный бог работал как проклятый, ударными темпами создавая растительный и животный мир. Когда на небе вызвездило, он сел на подсохший камень и смахнул пот со лба. «Фу! Вроде ничего не забыл. Во всяком случае, в учебнике для творцов было только это». Кто подкинул ему инструкцию по обустройству миров, у него почему-то не возникло вопроса.

Приближающийся грозный гул заставил его вскочить на ноги. В его направлении летела стая громадных комаров. «Бой кровопийцам!» — вскричал бог и в его руке появился меч возмездия.

Отведя душу, он хлопнул в ладони и уцелевшие комары, основательно потерявшие в размерах, обиженно запищали. «Ничего, у всех случаются промашки», — утешил себя бог, когда выяснил, что летучие кровопийцы успели прикончить большую часть созданных им теплокровных зверей. На всякий случай он выдал всем вновь созданным существам броневой шкуру и основательно увеличил их в размерах. Впоследствии учёные обозвали

этот нежизнеспособный зверинец динозаврами.

В полном изнеможении бог растянулся на камне, чья поверхность уже покрылась нежной зеленью. «Всё! Спать! — приказал он себе. — Насколько я припоминаю, после трудов праведных творцу положен день отдыха».

Вот только будить его было некому, и когда он проснулся, то вокруг него уже стеной стояли зелёные джунгли, кишевшие живностью, которая страшно плодилась и пожирала друг друга, а затем снова плодилась и снова пожирала. В общем, флора и фауна развивались в нужном направлении и ему оставалось только ждать, когда возникнет разумная жизнь.

Одолеваемый скукой, юный бог бродил по созданному миру. Его душа рвалась к звёздам, но неведомая сила держала его на земле. С неясной тоской на сердце он смотрел ввысь, на бархатную тьму небосвода и пытался поймать музыку небесных сфер. Порой ему казалось, что звёзды тоже смотрят на него и что-то ему говорят, но смысл их речей ускользал от него.

Как-то, засмотревшись на небо, Арес (к тому времени он вспомнил своё имя) свалился в яму. С досады он вырвал провинившийся континент и вышвырнул его вон. Вот так на небе появилась луна, и ночь, наполненная её таинственным светом, приобрела для него неожиданное очарование. С той поры он всё чаще принимал облик ягуара и охотился на им же созданных чудовищ.

Время шло и его терпение было вознаграждено.

Однажды в ночи загорелись костры и ритмично застучали тамтамы. Это были они, дети Неба. Наконец-то, они появились. Прекрасные и кровожадные они принесли новый смысл в его жизнь. С той поры даже звёзды не так тянули его к себе, как эти великолепные хищники. Аресу нравилось в них всё: их громкий смех и гортанные выкрики, их сумасшедшие пляски у костра и страстные вздохи в ночи, их дерзкие мечты и упорное стремление к неведомому. А ещё он чувствовал кровное родство с ними.

Сложное переплетение чувств, замешанное на том, что дети Неба называли любовью, его удивляло и забавляло. Ради любви они были готовы предать близких друзей и выбрасывали на улицу родителей, которых до этого почитали, как святыню. Иногда Арес понимал их, иногда нет. В общем, любовь оставалась для него загадкой, хотя иногда что-то теплилось в его груди. Он часто бродил среди детей Неба, прикинувшись одним из них, и почти все девушки, которых он одаривал своим вниманием, заболели этой странной болезнью, называемой любовью. Заметив, что его избранницы теряют вкус к жизни, Арес с той поры стирал им память и они забывали о встрече с ним. Но даже так бедные девушки отчего-то чахли и умирали. Как впоследствии мудро заметила Лотиэль — богиня весны, созданная детьми Неба, — можно отобрать воспоминания о любви, но нельзя отобрать саму любовь.

С той поры, как появились дети Неба, время для Ареса летело необычайно быстро. Казалось, совсем недавно он охотился вместе с ними, и они восторженно орали, когда он с одного удара убивал могучего зверя. Вместе с ними он пил тёплую кровь, а затем с помощью танца рассказывал, какой он великий охотник. Потом он воевал вместе с ними и на этот раз добычей, чью кровь они пили, были уже воины побеждённого племени. И вот уже на смену простоте и сердечности пришли высокомерие и заносчивость. Дети Неба увлеклись интригами и придумали множество способов, как, не убивая, испортить жизнь друг другу. Единственно, чего они не потеряли, это пристрастие к вкусу крови. Уж такими они уродились — кровожадными и воинственными, совсем как те великаны-комары, с которыми Арес

воевал на заре мироздания.

И всё же, несмотря на постоянные раздоры, дети Неба сумели найти общий язык. Прошло всего несколько тысячелетий, и они захватили всю землю и переделали её под себя. К небу рвались стрелы высотных зданий и множество машин верно служили своим хозяевам. Неблагодарные позабыли о Священном Ягуаре и если упоминали его, то только в разделе мифов и легенд, и что самое обидное, в качестве второстепенного божка. Правда, это не помешало им назвать планету его именем, что несколько утешило его самолюбие.

В общем, Арес многое терпел от своих созданий, пока эрейцы, так дети Неба называли сами себя, не вознамерились лететь к недоступным ему звёздам, — ведь он по-прежнему оставался пленником планеты. С той поры будущее рисовалось ему исключительно в чёрных красках. Арес видел, как брошенный всеми, он неприкаянным призраком бродит по одряхлевшей планете и это сводило его с ума. Ненавидя звездолёты, он всячески мешал их постройке — у бога есть много возможностей помешать тому, что ему не нравится — вот только эрейцы не сдавались и упорно шли вперёд. И тогда он решился на крайние меры.

Хвостатая странница, услышав его зов, свернула со своей траектории и направилась к Арее. Он не хотел их убивать, — ведь это были его дети. Он хотел лишь одного, чтобы они подольше оставались с ним. Он даже успел закрыть планету защитным куполом, но удар был так силён, что тот не выдержал. По континентам Ареи прокатилась ударная волна, а затем пронеслись огонь и вода, убивая всё живое на своём пути. Что не прикончили они, то убил холод, вызванный долгой тьмой.

Обессиленный бог в изнеможении повалился на землю. И тут наконец-то подал голос его тюремщик. Он настойчиво звал его по имени и в чём-то пытался убедить, но Арес его не слушал. «Идите к крейду, ваше высочество!» — пробормотал он, после чего превратился в Ледяного дракона и намертво сросся с покровом планеты. Предательство того, кто звал его братом, оказалось последней каплей. Чтобы избавиться от боли, рвущей сердце на части, он смежил веки и уснул вековечным сном.

Но даже в стране Морфея ему не было покоя. Одиночество, которого так боялся Арес, всё же настигло его. Он понял, что такое любовь, но было уже поздно, — ведь мёртвые не возвращаются и даже бог здесь бессилён.

Милосердное время сгладило боль потери и обиду за обман. А ещё оно воскресило остатки жизни, которая выжила после катастрофы. Флора и фауна ещё не раз стояли на грани, но всё же жизнь уцелела. Правда, это были уже совсем другие люди, такие далёкие от задуманного, что Арес не хотел иметь с ними ничего общего.

Может быть, он и дальше пребывал бы в неведении, не свались ему на голову необычный народец. Уж слишком много в них было от его детей Неба. Боясь, что принимает желаемое за действительное — а такое уже бывало и не раз — он решил проверить пришельцев. И тут случилось чудо: на древний зов откликнулось настоящее дитя Неба, и он стряхнул с себя сонную одурь.

— Слава создателю! Ну что, скопище печали, как настроение? Проспался, наконец? По-прежнему дуешься на меня или как? — как ни в чём ни бывало спросил Николс.

— Шли бы вы, ваше высочество, на ... и не возвращались! — без капли почтения отозвался Арес, и в полярном небе заметались всполохи северного сияния. — Смешно вам, да? Надеюсь, мы оба посмеёмся, когда лорд Хаоса узнает про наши дела.

— Не трусь, братишка! Где наша не пропадала! Как-нибудь да отбояримся.

— Вы, может, и отбояритесь, а вот я — навряд ли, — вздохнул бог-убийца и

выскользнул из шкуры Ледяного дракона.

— Всё будет хорошо. Жди, Арес! Я уже в пути[1].

[1] Божественные диалоги даются в приблизительном и очень обедненном переводе, приближенном к человеческому восприятию. Невозможно дословно перевести их многоуровневый язык, имеющий помимо звукового и цветового рядов, ещё кучу других смысловых оттенков, воздействующих на органы чувств, которых у людей попросту отсутствуют.

Оранжевая жемчужина

— Кучер, крыса ты разэтакая, гони быстрее! Чего ты жалеешь эту тыкву? Ведь знаешь, подлец, что у меня напряжёнка со временем! Кровь из носу, но я должна успеть на бал и очаровать принца, пока виртуальный наряд не растаял! — воскликнула милая Золушка, засовывая кинжал за подвязку.

— Миледи! Ну, зачем вам оружие при вашей-то красоте?

— Когда наведённый морок рассеется, должны же быть у моей любви весомые аргументы.

Антология вампирских детских сказок

ГЛАВА 5. Мари. Прощай, Академия, здравствуй бал! Тигра, ты очень вредная и приставучая кошка!

— Мари-и-и! Давай быстрее! Что ты копаешься? Поднажми, мы отстаем от Тигров! — кричали снизу стражи нашего дивизиона.

— Вперед, скалолазка! Смотри не застрянь на верхотуре! Суток на трое, как ты любишь! «Вот гад! Ну, погоди, Рутковский! Я покажу тебе «скалолазку», дай только спуститься вниз!.. Чёрт! Действительно торможу», — озабоченно подумала я и, глянув вниз, удивлённо присвистнула. Ё-моё! Просто сказочное свинство! Мне предстоит спускаться по отвесной гладкой стене никак не меньше двадцати метров, а я последняя на этапе, и надеяться мне не на кого.

«Эх, гори все огнём! Где наша не пропадала!» — мелькнуло в мыслях, и я решительно выпустила когти.

М-да! К концу скоростного слалома на когтях от них остались одни лишь воспоминания, если точнее, то огрызки. Когда я рухнула на плац, радостный вопль моих ребят подсказал мне, что мы выиграли. Победа далась нелегко и я, кряхтя, с трудом поднялась на ноги. Оно и понятно почему. Короче, ободранные в кровь руки и синяк от падения практически во все пятую точку совершенно не способствовали хорошему самочувствию.

Первой ко мне подбежала Соня, запыхавшаяся от стремительного бега.

— Мари! Ты — умничка! Мы первые, первые! Ура! — завопила она прямо мне в ухо.

Я отшатнулась.

— Ну что ты орёшь, как оглашенная? Пожалей мои уши! Посмотри, что творится, — пожаловалась я и продемонстрировала ей свои бедные руки.

Соня внимательно оглядела жуткие ссадины и огрызки когтей.

— Согласна, крайне неэстетичное зрелище, — весело прощбетала она и вдруг безжалостно надавила на самую глубокую ранку.

Я взвизгнула от резкой боли.

— С ума сошла?! Ты что делаешь?

— Всё в порядке, нервы не задеты, — сказала эта садистка бодрым тоном, принятым у всех айболитов, и добавила без капли сочувствия: — Не переживай! Нет ничего такого, с чем бы ни справилась вампирская регенерация. Обещаю, до свадьбы всё заживет. Терпи казак, атаманом будешь, — и она снисходительно похлопала меня по плечу.

— До свадьбы, говоришь? Утешила, называется, — проворчала я, но тут на меня

налетели остальные волчары и под их радостные крики я позабыла о своих болячках.

Что ж, нам есть чем гордиться. Дивизион клана Волка вышел победителем в состязаниях по общевоинской подготовке. Потому вся слава и почести достались нам, включая кубок Академии и право выбора короля и королевы выпускного бала. Не успели мы порадоваться, как отгремели победные фанфары, и подступило напряжённое времечко выпускных экзаменов, а за ним незаметно подкралась не менее стрёмная пора защиты дипломов.

Но ничто не вечно под луной. Все треволнения наконец-то закончились, и больше ничего не связывало нас с «альма-матер», кроме воспоминаний о годах напряжённой учёбы и беззаботной студенческой жизни. Господи, что нам только не преподавали! Социологию и политологию, историю и философию, экономику и право, медицину и психологию, математику и механику, языки, и ещё кучу всяческих факультативов — в общем, всего не перечесать. Конечно, у каждого есть своя основная специализация. Например, у меня это математика, у Сони — медицина, у Ивана — экономика. Причём только попробуй не прийти на занятия без уважительной причины, и психолог, к которому мы дважды в неделю ходили на исповедь, моментально замучает вопросами. Немудрено, что наши персональные няньки были в курсе всех наших дел. К тому же зачастую они же были нашими преподавателями. При таком подходе к делу не загуляешь при всем желании.

Конечно, я радовалась окончанию напряжённой учебы, но было немного грустно и на душе скребли кошки. Что ждёт меня впереди?

Хотя переживать, в общем-то, не из-за чего, — ведь будущее предопределено. В нашем мире, мире вампиров, ничто не пущено на самотёк и всех выпускников ждёт распределение в клановые службы. Что ж, тогда впереди одна забота — выпускной бал. И когда в его преддверии все сходят с ума, то и тебе при всём желании не остаться в стороне от сего знаменательного события.

Моя любимая подруга все уши мне прожужжала: «Что ты оденешь?», или из того же разряда: «Ты уже подобрала себе платье и туфли?» Раз за разом я отвечаю примерно в следующем духе: «Сонечка, не поверишь, но со дня на день я жду крёстную фею. Рваный передник и раздолбанные кроссовки уже готовы к чудесному превращению, а печка полна золы. Только крылатая мадмуазель с волшебной палочкой почему-то запаздывает. Наверное, ищет тыкву подходящего размера, чтобы из-под неё прекрасный принц не сразу меня увидел, и я успела перехватить его прежде, чем он пустится наутёк».

Вот и сегодня Соня принялась пилить меня с утра пораньше, то бишь во время завтрака. Поганка! Талантливо у неё получается. Ведь моментально проняла аж до самых печёнок. Бедный её будущий муж! Ну, не ценит Ладожский своего счастья! Думаю, он ещё не в курсе всех прелестей совместной жизни с этой настойчивой приставучкой.

«Какая разница, что надеть на дурацкое мероприятие? По мне так и в джинсах вполне нормально», — сердито подумала я, не вмешиваясь в увлечённый монолог Сонечки. Нашли дурочку! Тогда она ещё не скоро угомонится.

Ну, надо же! Словно угадав ход моих мыслей, любимая подруга тут же произносит безапелляционным тоном: «И не вздумай заявиться на бал в каких-нибудь драных джинсах и жутком топе!»

Увы! Похоже, милые моему сердцу удобные старенькие джинсы при любом раскладе не светят мне в качестве бального наряда. В расстройстве я почесала в затылке. Чёрт! Хочешь, не хочешь, а придется тащиться в местный лабаз и рыться в тряпичном барахле, в поисках

чего-нибудь подходящего. Ладно. Будет ей бальное платье. Я поблагодарила Соню за завтрак и смылась из дому под благовидным предлогом — мол, хочу напоследок позаниматься математикой с Давидом Саади. Она вздохнула, услышав такое, и с многозначительным видом покрутила пальцем у виска.

Выскочив из дома, я оглянулась, не видит ли подруга, и окольными путями направилась к нашему академическому бутику. Не хватало, чтобы Сонька увязалась за мной, тогда я до позднего вечера не выберусь из его пыльных недр. Кстати, я даже немного обиделась на неё за то, что она поверила моей пустой отговорке. Честное слово, я не такая дура, чтобы сразу вернуться к занятиям после поры напряжённых экзаменов, несмотря на всю свою любовь к математике.

Ну, конечно, я слишком долго тянула с покупкой! Накануне знаменательного события в нашем местном магазинчике не осталось ничего стоящего. Взяв с вешалки унылый тёмный балахон, я постаралась особо не фокусировать на нём зрение. Во избежание полнейшего разочарования. «А что? Вполне. Сойдет для сельской местности», — решила я, прибегнув к защите оптимизма. Расплатившись, я помчалась к Саади. А что? Слово не воробей. Сказала же, что буду заниматься математикой.

Когда я к вечеру заявилась домой, Соня первым делом подозрительно покосилась на свёрток.

— Это ещё что такое? — не выдержала она.

— Бальное платье, — беззаботно ответила я и состроила невинную мину. — Я его купила, чтобы ты больше не доставала меня. Конечно, не бог весть что, но вполне приличное. Главное, что оно тёмненькое, потому сойдёт за вечерний вариант.

Подруга выхватила свёрток из моих рук и развернула, а я затаила дыхание в ожидании приговора. Наконец, она подняла голову. «Всё ясно. Как всегда: казнить, нельзя помиловать», — пришла я к выводу.

— Хочешь сказать, что эта половая тряпка и есть твой бальный наряд? — с недоверием спросила Сонечка, брезгливо держа «шедевр» портняжного искусства как можно дальше от себя. Не успела я отреагировать на её замечание, как несчастное платье спланировало в мусорное ведро. Я проводила его полёт замороженным взглядом, но тут же взяла себя в руки.

— Эй-эй! Ты что творишь? Я же не виновата, что в бутике не было ничего приличного, — сказала я и направилась было к мусорному ведру.

— Чудовище! Даже не смей, прокляну! — пригрозила подруга. — Жди меня! Я скоро!

Сопровождаемая моим недоумённым взглядом возбуждённая Соня вихрем вылетела за дверь. Интересно, что она задумала?

К счастью, долго ломать голову не пришлось. Какими-то правдами и неправдами моя любимая подруга выщиганила у кого-то из девчонок платье. Конечно же, когда я увидела это синее блестящее чудо, то не смогла удержаться. Взглянув на себя в зеркале, я немного покрутилась перед ним и, отдав дань тщеславию, с извиняющейся улыбкой повернулась к подруге.

— Замечательное платье! — воскликнула я и с сожалением потянула молнию вниз. — Спасибо за заботу, но я его не надену. Ты же знаешь, я не люблю чужих вещей.

Я чувствовала себя неловко, — ведь Сонечка старалась ради меня.

— Постой-ка! Дай, как следует рассмотрю тебя, — сказала подруга, не давая снять платье. — Что ж, смотришься просто замечательно, я угадала с оттенком ткани, — она придирчиво осмотрела мой наряд и с улыбкой добавила: — Перестань дёргаться, зай! Так и

знала, что только такая дремучая дурочка, как ты, может отказаться от самого королевского платья, но с чужого плеча, и предпочесть ему обноски, но свои. Думаешь, я тебя не знаю? Так что не переживай, это — мой тебе подарок. На окончание Академии. Мари, не смей отказываться! А то я действительно обижусь.

Господи, за что мне такое счастье?! Не важно, есть ли у меня бальное платье или нет, самое важное — это дружеское участие. Спасибо вам, Небеса, за такую чудесную подругу, как Соня! По гроб жизни буду вам обязана за столь бесценный подарок.

— Огромное спасибо! Чёрт, как неудобно вышло. Сонь, прости! Ты подумала обо мне, а я нет.

— Брось, зай! Нашла о чём беспокоиться. Главное, что ты рада моему подарку.

Растроганная, со слезами на глазах я обняла свою единственную по-настоящему любимую подругу.

— Сонь, даже не знаю, что бы я делала без тебя. Ты настоящий ангел.

— Не преувеличивай! — фыркнула подруга и подозрительно часто захлопала ресницами. — Мари, не смей реветь! Вот что ты разводишь сырость по пустякам?.. Ой, я тоже сейчас заплачу! Кошмар! У меня тушь потечёт. Эта зараза только на словах водоустойчивая.

Эту скорбную сценку и застал Иван, заглянувший к нам на огонек; чайку попить да за жизнь поболтать. А главное — тяжело повздыхать, глядя на Сонечку.

— Что, девочки, у вас вечер коллективных рыданий намечается? Согласен с вами, релаксация — очень полезное занятие. Может, мне тоже присоединиться или вы рыдаете исключительно дуэтом? — сказал вошедший Иван, с изумлением глядя на наши зарёванные физиономии. Он тут же ловко поймал обе пущенные в него подушки. — Ну, нет! Так нечестно, когда двое — на одного. Тьен, заходи, меня здесь обижают. Вдвоем мы как-нибудь отобьёмся.

В дверях появился улыбающийся Тьен, и я тихонько вздохнула. Соня ехидно улыбнулась и, сделав большие глаза, исподтишка показала мне кулак. Нахалка! Да, знаю я, знаю! Кто виноват — я тоже знаю, вот только что делать — ума не приложу.

Чёрт, самой жалко парня! Почти целый год он болтается за мной, постоянно попадаясь в коридорах Академии, словно несёт там бессменный караул. Когда мы переходим из одной аудитории в другую, и я выбегаю из дверей, то первым делом с ходу влетаю в распахнутые объятия улыбающегося Тьена, который совершенно нечаянно вдруг оказывается на моём пути. «О, привет, mon ami! Какая неожиданная встреча!» — произносит он, удивлённо хлопая глазами. Ага, ври больше! Особенно, когда такое происходит по несколько раз на дню. Совершенно непробиваемый для моих зверских взглядов и упорного молчания, он весело болтает, шагая рядом, и провожает до другой аудитории. И я ничего не могу с этим поделать, — в конце концов, было бы смешно вопить на всю Академию: «Отстань от меня, Моррисон, я тебя уже боюсь!»

Но это ещё цветочки. Частенько, приходя в студенческую столовую, я вижу, как Тьен машет мне, приглашая за свой столик. Несмотря на моё сердитое шипение, ребята тут же устремляются к нему. А что делать? Перемена мала, а в зале мало свободных мест. Сдавшись, я покорно тащусь за ними, а потом давлюсь едой под пристальным взглядом золотых глаз. В довершение ко всему, после занятий в Академии, он ждёт меня у выхода, чтобы проводить до дома. Бессчётное количество раз я пыталась скрыться через другие выходы. Бесполезно. Моя ручная «тигра» моментально выслеживает все альтернативные

пути моего отступления. Причём паршивец совершенно точно знает, через какой выход я собираюсь смыться. Как ему это удастся, ума не приложу. Все чаще думаю, что у него есть какой-то уникальный талант в ментале. Из чистой вредности, я не бросаю эти игры в прятки, но ещё ни разу мне не удалось перехитрить Тьена. Каждый раз, пробираясь партизанскими тропами, я выглядываю на улицу и здрасти-пожалуйста! Сложив руки на груди, он с усмешкой уже поджидает меня у выхода. Не зря говорят, что тигры — самые хитрые и зловредные кошки на свете.

Самое паршивое во всей истории то, что Рыжик мне самой очень нравится, потому я чувствую себя собакой на сене. Боже мой! Почему бы это море сплошной платонической любви кое-кому не направить в иное русло? Уверена, в другом месте Тьену светит гораздо больше понимания. Я же не слепая и вижу, как девицы напропалую с ним кокетничают, бросая в мою сторону зверские взгляды. Так что было бы у кого-то желание поменять объект своей страсти и свято место пусто не бывает. Так нет! Этому дураку доставляет удовольствие, болтаясь за мной, заниматься самоистязанием. Может быть, дело в том, что у тигруши чрезмерно развит охотничий инстинкт?

В общем-то, положив руку на сердце, должна сказать, что я не хочу терять своего верного «тигру». Мало того, недавно поймала себя предательской мысли, что скучаю, когда Тьен довольно долго не появляется в поле моего зрения.

«Ну надо же, до чего я докатилась! Всё-таки приручил меня рыжий котяра», — подумала я и слёзы с новой силой хлынули из глаз.

Увидев наши зарёванные лица, Тьен перестал улыбаться.

— Мари, Соня, у вас какие-то неприятности?

Неподдельное участие, появившееся на его лице, согрело мне душу. Я надрывно всхлипнула и, размазывая слёзы по щекам, проговорила трагическим тоном:

— Хуже, милый, всё значительно хуже! Разве ты не в курсе, что мы те дуры, которые рыдают только от переизбытка радости?

При взгляде на озадаченное лицо Тьена, меня начал пробирать совсем уж беспричинный смех — ну тот, про который русские говорят, что он признак дурачины. А Сонька, нет чтобы остановить моё дурацкое ржание, взяла и присоединилась, так что спустя мгновение мы уже обе заливались гомерическим хохотом. Сидя в кресле, Ладожский с насмешливым интересом наблюдал за нашим приступом истерии. Как только я заметила, что Тьен принял смех на свой счет и собирается обидеться, я тут же взяла себя в руки.

— Извини, Тьен! Честное слово, у нас никто не умер, поэтому похоронный вид здесь совершенно ни к чему, — примирительно проговорила я и взяла его за руку. Он тут же сжал мою ладонь, явно не собираясь её выпускать. Смущенная, я несколько театрально воскликнула:

— Ладно, друзья мои, повеселились и хватит! Дети мои — за мной! Мы идём гулять. В такой чудесный вечерок грех сидеть дома.

— Тебе такие чудесные вечера наблюдатели могут устраивать хоть каждые сутки. Только и дел-то, что диски в проигрывателе менять, — проворчал Иван и вопросительно посмотрел на Соню. Кокетливо улыбнувшись, та подхватила его под руку.

— Думаю, небольшой моцион нам всем не помешает.

На улице Тьен привлёк меня поближе к себе. Вопреки обычаю, я не стала возражать против его объятий. Заметив взгляды друзей, искоса бросаемые на нас, я фыркнула и украдкой показала им язык. Что я вам, деревянная что ли?

Мари. Бал! Все на бал! Ловушки современных танцев

Всё ближе златоглазый, всё теплей...

Окутан саваном сиреневых теней...

И отогрет дыханием живым

Во мне заиндевевший серафим[1].

Ах, этот бал! Море музыки, танцев, шампанского! Столько надежд и ожиданий возлагается на вполне обычный вечер. Сердца тех, кто ещё не встретил свою половинку, учащённо бьются в затаённом ожидании. А вдруг? Именно там, на балу, свершится долгожданное чудо и встретится *он* или *она*, предназначенные самой судьбой? Ах, какие несбыточные мечты! Но они по-прежнему влекут к себе сердца простодушных романтиков, сколько бы они ни скрывались за щитами напускного цинизма.

Время за предотъездными делами летело быстро, и я не заметила, как подкралась долгожданная пятница — день нашего выпускного бала.

Уже накануне праздничного события немереное количество суеты зашкаливало все мыслимые пределы. Примерно с середины дня улочки нашего ухоженного Академгородка будто вымерли. Почти все его жители разбежались по домам и занялись сборами к предстоящему вечеру. И поскольку так называемая лучшая половина нашей Академии придавала огромное стратегическое значение внешнему виду, то иногда из раскрытых окон доносились жалостные вопли и на улицу выскакивали полуодетые девчонки. С озабоченным видом они неслись к соседкам — одолжить недостающий аксессуар из дамского боекомплекта.

Чёртовы сборы не миновали и наш дом и в кои-то веки именно я отставала с одеванием. Что творится на белом свете? Возбуждённая и нарядная Соня, красивая до невозможности в своём изумительном розово-зелёном платье, в нетерпении смотрела, как я в очередной раз поправляю кружевные чулки. Их стрелки упорно не хотели ложиться ровно, и страшно нервировали меня тем, что прихотливой линией извивались по икрам.

— Мари! Ну, что ты копаешься?.. Горе моё! Неужели так трудно надеть чулки? — воскликнула она и нетерпеливо пристукнула туфелькой на высоком каблучке.

— Ещё одно слово, подруга, и я удушю тебя этими чулками! Кто выдал мне эту мерзопакость и спрятал колготки, а? Так, видите ли, стиль одежды требует! — гневно завопила я, когда в очередной раз, извернувшись, обнаружила, что стрелки опять съехали в сторону. А я терпеть не могу кривых линий, там, где они должны быть прямыми.

Любимая подруга не вынесла морального давления и испарилась из комнаты. Вскоре она вернулась с коробочкой колготок и протянула их мне, при этом у неё был вид мученицы, идущей на костёр.

— Держи, неумеха! Вот твои ползунки.

«Слава богу!» — обрадовалась я, и быстренько схватила вожделенную коробочку. Пока Соня не передумала. Естественно, это не прошло мне даром. Подруга с трагическим видом закатила глаза (не иначе моё дурное влияние) и патетически воскликнула:

— Зай, скажи, как такое возможно? Ведь столько времени мы живём рядом, и каждодневно ты имеешь перед глазами пример хорошего вкуса. Почему ты до сих пор ничему не научилась?

— Понятия не имею. Наверно, я бесталанная в области твоего так называемого хорошего вкуса.

Наконец-то, процедура одевания благополучно завершилась, и мы вышли на улицу.

Ожидая нас, на открытой террасе уже около часа маялись несчастные Иван с Тьеном. Поначалу парни встретили нас пасмурными взглядами, но при виде нашего праздничного оперения их лица сразу же посветлели. Медленно оглядев нас с головы до ног и соответственно обратно, оба восхищённо присвистнули. Вот чёрт! Оказывается, страшно приятно, когда на тебя смотрят таким восторженным взглядом. В награду за это мы состроили им глазки, поощряя к дальнейшим высказываниям, и не были разочарованы. Из наших сообразительных парней, как из рога изобилия, посыпались комплименты. Причём у Тьена они носили по-французски остроумно-галантный характер, а у Ладожского — по-русски грубовато-весёлый.

Слушая дифирамбы в нашу честь, я и Соня в свою очередь одобрительно посмотрели на наших мальчиков (не-а, с нескрываемым восхищением, а кто — не буду показывать пальцем). И в самом деле, парни выглядели просто потрясающе. Оба высокие, подтянутые, длинные волосы у обоих связаны в хвост по моде, принятой в нашей вампирской среде. У Ивана они совершенно прямые и белые, как говорится платиновые, а у Тьена отливают золотом и вьются крупными локонами. Короче, один лучше другого и одеты как денди. Хотя определенного дресс-кода на нашем балу не требовалось, оба были в строгих тёмных костюмах, жилетках в тон, светлых рубашках и в довершение официоза галстуки-бабочки на шее. Я тяжело вздохнула — до чего же красивые мальчики! И за что нам с Соней такое счастье, которое мы всё равно не ценим? Хотя не буду говорить за всех.

Примечательно, что в этот раз моя подруга не стала выговаривать Ивану за его скабрёзности. Вздохнув, она встала вплотную к своему бессменному игровому рыцарю и тот умолк, с недоумением глядя на неё. Соня полюбовалась его растерянным лицом, а затем привстала на цыпочки и поцеловала. Этим она так смутила моего бедного приятеля, что он даже покраснел.

В изумлении я покачала головой. Чтобы Ладожский, это воплощение рациональности, и стусевался? Господи! Каких только чудес в мире не бывает! Состроив укоризненную мину, я пихнула Соньку локтем. Вот бестолочь! Пока Иван цвёл алым цветом, эта поганка, отчуждив с поцелуем, теперь давилась смехом. «Хватит квакать, а то принц сбежит к другой принцессе-лягушке!» — прошипела я Соньке на ухо и улыбнулась Тьену.

Подойдя к нему, я сразу же заметила медальон на его груди. Изящная вещица и, похоже, очень дорогая. Медальон был в форме лилии. Гладкие лепестки из белого и жёлтого золота украшали крупные бриллиантовые капельки. Но дело было не красоте и не в цене. Со странным чувством узнавания я вертела медальон в пальцах, и отчего-то была не в силах с ним расстаться.

— Нравится? — негромко спросил Тьен, и я кивнула.

— Д-да... Такое чувство, что у меня когда-то был точно такой же.

Когда до меня дошло, как это прозвучало, я поспешно выпустила медальон из рук. Подняв глаза на Тьена, я собиралась извиниться за невольное попрошайничество, но поняла, что сейчас не подходящий момент. В отливающих золотом глазах, устремлённых на меня, сплелись печаль, нежность, сожаление и... то самое чувство, от которого я бежала, как чёрт от ладана.

Опомнившись, Тьен слабо улыбнулся и, сняв медальон, одел его мне на шею. Естественно, я стала бурно отнекиваться. Ведь безделушка была явно женской. Вдруг это чей-то памятный подарок, а я взяла и выцыганила. Нехорошо получается!

После того как я высказала свои опасения — ну те, насчёт подарка от бывшей дамы

сердца, Тьен наконец сознался, что заказал медальон специально к выпускному балу. «Это на память о нашей встрече, mon ami. Не хочу, чтобы ты обо мне забыла», — сказал он и, стараясь притушить тревогу, что плескалась в его глазах, опустил ресницы. Я растерянно взглянула на него и неожиданно для себя, — думаю, в знак благодарности, нежно поцеловала его в губы. Не иначе как дурное влияние любимой подруги. Процесс-то взаимный.

Заинтригованная подарком, я сжала лилию в ладони, а затем кончиками пальцев исследовала гладкую поверхность золотых лепестков. Определённо мне знакомо это ощущение. Видимо, что-то такое сохранилось в памяти, что не совсем ушло с перерождением. Увлёкшись загадкой медальона, я не сразу заметила, какой радостью озарилось лицо Тьена, а когда просекла это дело, стало совсем неловко — будто я обманула ребенка. Но странное дело, вместе с неловкостью впервые что-то отозвалось в сердце. В преддверии разлуки будто на нём треснула ледяная оболочка, растопленная жаром чужого чувства, будто в сердце проклюнулся крохотный росток ответного чувства. Такой ещё робкий и уязвимый... Нежность и щемящая грусть. «И вот все эти глыбы льда в сверкании холода и света у ног безродного...» Господи! Что творится?! Неужели свершилось?

Я виновато посмотрела в сияющие золотые глаза. Кстати, не такого уж и безродного, подумалось мне. Действительно, Тьен один из немногих, кто имеет кровных родственников, к тому же он входит в семью старейшины, который возглавляет клан Тигра. Если рассматривать его в качестве будущего мужа, то вряд ли я найду лучшую партию. Поговаривали, что Симон Моррисон, отец Тьена, очень влиятельный тип, а Мике союзники в Совете не помешают...

Усилим воли я прогнала матримониальные мысли. Рано ещё о свадьбе думать. Кто знает, как сложатся наши отношения, может, у нас ничего не получится или я всё снова испорчу. Так что нечего загадывать наперёд.

«Идём?» — спросила я, взяв Тьена под руку. «Идём!» — улыбнулся он. «Эй! А вы там чего притихли? — окликнула я друзей. — Вперёд, леди и джентльмены, и побольше оптимизма во взгляде! У нас вся жизнь впереди и масса приключений рыдает по нам крокодильими слезами».

Вот в таком приподнятом настроении и состоянии некоторого внутреннего раздрая мы направились к учебным корпусам Академии, где уже вовсю шумело праздничное веселье: взрывались разноцветные фейерверки, раздавались восторженные возгласы, сияли бенгальские огни. Даже интересно, как администрация решилась на такое кощунство? Это же сплошное нарушение правил техники безопасности под куполом. В общем, я всегда подозревала, что наши преподы такие же безумцы, как и мы. Ну а раз так, то хвала им за это!

Огромный зал, который в обычное время служил спортзалом, сегодня был неузнаваем. Украшенный гирляндами живых цветов, светящимися фонариками и забавными плакатами, он встретил нас музыкой, оживлённым многоголосым говором и смехом. Толпа народа была ужасающе огромной. Вокруг царил праздничная приподнятая атмосфера. Нарядные девушки и молодые люди, казалось, перемещались совершенно беспорядочно. Соня и Иван сразу же затерялись среди этой круговерти, а Тьен обнял меня за плечи, удерживая на месте, чтобы нас не разнесло людским течением.

Официоз уже закончился. Из-за долгих сборов мы всё же опоздали к началу церемонии, но лично я не слишком огорчилась. Мы застали главное, в зале властвовало безудержное хаотичное веселье, в котором каждый развлекался, как мог, и это было здорово!

Где-то там, в глубине первого этажа, располагалась эстрада, и на ней «живой» оркестр играл величественную классику и не только старинную, но и современную. Красивые пары кружились в изысканных танцах под чудеснейшую музыку. На втором этаже ревел мощный рок и прочие хэви-металл. На его танцполах творилось нечто невообразимое, из-за огромного количества народа на них было не протолкнуться. Зато на третьем этаже царила относительная тишина, его оккупировали парочки, желающие перекусить и поворковать в мирном уединении. Они сидели за уютными столиками, скрытые от других высокими спинками диванов и зеленью в горшках, призванных создавать необходимую интимную обстановку. Официантов в зале я не заметила. Что ж и это правильно, зачем кому-то портить праздничный вечер? Столики находились на самообслуживании, по шведскому типу, но периодически кто-то пополнял быстро пустующие стойки с закусками и напитками. Думаю, служба не очень перетруждалась, и в перерывах между делами тоже веселилась.

Мы с Тьеном посетили по очереди все три этажа, но несколько позднее, а поначалу, возбуждённые и веселые, мы плыли по течению, вместе с остальной, такой же возбуждённой и веселой толпой на первом этаже. Я вертела головой в тщетной попытке вся и всех охватить взглядом. От стоящих в вазах огромных букетов шёл одуряющий аромат. Я поморщилась от навязчивого душного запаха лилий: терпеть их не могу. Как можно быстрее миновав мерзкие цветы, я постаралась перебраться поближе к вазам с розами и пригляделась к чудесным бутонам. Поняв, чем вызван мой манёвр, Тьен вытащил из ближайшего букета бархатистую тёмно-красную розу и с легким поклоном преподнёс её мне. Не знаю почему, но я страшно растрогалась и чмокнула его в щеку. Отломив ненужную часть стебля, я засунула бутон за корсаж, а затем подхватила Тьена под руку, и мы отправились дальше, с любопытством оглядывая убранство зала. О, голодными мы точно не останемся! В альковах стояли столы с закусками, причём некоторые из них украшали фонтаны с пухлощёкими купидонами и прочей мифологической публикой, из которых били разноцветные струи. Я принялась. От фривольных фонтанчиков ощутимо несло вином. В нарушение всех академических правил, алкоголя на праздничных столах было хоть залейся. Правильно, гулять так гулять!

Красивая обстановка, нарядная толпа и изумительная музыка — всё это вместе создавало непередаваемое настроение. Яркие, но беспорядочные впечатления наслаивались одно на другое, сменяясь как в калейдоскопе, и оставляли только общее светозарное ощущение чего-то необычного и чудесного. Отзываясь на праздничный настрой, душа просила сказки, и она не замедлила с появлением.

Оркестр заиграл красивую мелодию, и яркий свет начал гаснуть, на смену ему пришла прозрачная полутьма. На эстраде, подсвеченной прожекторами, появилась девушка в мерцающем блёстками платье и запела песню на французском языке. Это была баллада о прекрасной романтической любви, одна из тех, которые можно слушать бесконечно.

Тьен вопросительно глянул на меня, и я скользнула в его объятия. Подчинившись ритму танца, мы поплыли в толпе, которую, как и нас, несла мелодия чувств.

Голос певицы завораживал. Вызывая зябкие мурашки по телу, он надрывно плакал о несостоявшейся любви. Страстный и искренний он проникал в самую душу, сдирая с неё оболочку обыденности.

Волна нестерпимой нежности и боязнь упустить своё счастье заставляли меня ещё тесней прижиматься к Тьену. Как птица в бурю я искала защиту в его объятиях. В штормящем море любви он был моей опорой, моей тихой гаванью. Разбереженная песней, я хотела как можно крепче привязать его к себе, а для этого нужно было дать понять, что он

мне не безразличен. И я сделала это единственным доступным способом.

Наш поцелуй был долог, сладок и страстен — как сама любовь. Сквозь хмельную пелену чувств до меня доносились чьи-то смешки и язвительные комментарии. Уши слышали, но разум их не воспринимал. Как новорожденная Афродита, я купалась в золотом море любви, плещущимся в глазах Тьена. А затем он ещё плотнее прижал меня к себе, и мы снова поплыли в едином ритме, несомые волнами желанья и любви. Я полностью отдалась их всесокрушающей воле.

Вот так, нежданно-негаданно первая любовь подстрелила моё сердце на излёте из Академии.

Несколько позже Иван и Соня нашли нас и потаскали по этажам. Потом Тьена утащили друзья, а у меня в это время произошёл дурацкий инцидент с одним типом, так что мы, улучив момент, сбежали от всех.

Тьен ушёл от меня на рассвете. Я проснулась оттого, что он вложил в мою ладонь подаренный медальон и его пальцы, сомкнувшись над моими, нежно сжались. Безмолвно прощаясь, он поцеловал меня и, не оглядываясь, растворился в предрассветных сумерках.

Вот и настал час нашей разлуки. У меня сжалось сердце. Стараясь не разреветься, я бросилась в кровать и крепко смежила веки. Тьен предупредил, что не придёт проститься перед отъездом, сказал, что не переносит процедуры расставаний на людях.

Ну а затем сказалась усталость, и подкраившаяся дрёма закачала меня на волнах забытья. Тьен ушёл, я это знала, но где-то на границе сна и бодрствования мне вдруг почудился его голос, звавший меня по имени, и столько в нём было любви, что слёзы так и хлынули из глаз. «Радость моя! Моё сердце всегда с тобой. Ведь я тоже люблю тебя!» — прошептала я, прижав медальон к мокрой щеке.

Тем вечером столько всего произошло, думаю, поэтому мне пригрезился яркий запоминающийся сон. Чует моя душа, что он из разряда пророческих. Правда, кто бы ещё расшифровал, что он значит!

Места, которые я увидела во сне, были мне не знакомы, хотя не исключено, что это часть воспоминаний, заблокированных вампирской инициацией. А может они вообще не мои, а так чудит ноосфера?.. Ай ладно, не суть!

Вообще-то, сон начался хорошо. Сплю я, значит, и вижу, что стою посреди большого зелёного луга, с которого недавно сошло весеннее половодье. И не просто стою, а меня переполняет беспричинный восторг — такой, какой бывает только в детстве. Я счастлива настолько, что хочется раскинуть руки и взлететь в небо. Высоко, высоко!

Прохладный воздух настолько чист и прозрачен, что рваная линия гор на горизонте с подступающими к ним тёмными лесами кажется изящным китайским пейзажем, нарисованным тушью. Меня овевают порывы свежего ветра, несущие невообразимо прекрасные запахи просыпающейся земли. Ох уж, эти непритязательные, но такие манящие духи взбалмошной красавицы весны! В воздухе отчётливо ощущается запах только что распустившейся листвы, мокрого камня, талого снега и дыма, который придаёт смеси пикантную горчинку. Изумительный аромат! Он будоражит душу и сердце. Конечно, запахов море, но остальные не столь выразительны и присущи не только весне.

Я поднимаю голову вверх. Надо мной простирается такой высокий, и такой пронзительно-синий небесный купол, какого нет нигде, кроме как в горах. При взгляде на величественное небо в восторженном благоговении замирает сердце и верится, что там живут прекрасные небожители. Им хочется просто молиться — не унижаясь и не прося ни о

чём, а только бесконечно восторгаясь их удивительной красотой.

Ах, как хочется парить в вышине, ловя пернатых собратьев за хвост!

Увы, но только волшебник-сон дарит нам счастье вольного полёта.

Даже удивительно, откуда такая тоска по крыльям?

Возможно, когда-то мы были крылаты. Кто знает.

Оказывается, я не одна на лугу, вокруг меня смеются и прыгают мальчишки и девчонки, на вид им лет десять. Мы разжигаем костёр и готовим незамысловатую еду. В котелок идёт всё, что принесено из дома. Получившаяся каша страшно булькает и шипит, выплескиваясь на горящий костёр, но мы настолько проголодались, что, не дожидаясь, когда варево хоть немного остынет, сразу же начинаем есть, обжигаясь и хохоча. Народ деревенский и потому все босиком; от холода ступни горят огнём, устоять подолгу на месте невозможно. Бросив костёр, мы несёмся по лугу, и так увлечены своими играми и беготней, что никто не хочет возвращаться домой, хотя уже заледенели до соплей.

Господи! Даже во сне меня переполняет невозможный детский восторг, и я чувствую, как у меня спящей текут слёзы по щекам, вызванные щемящим чувством радости, принесённого воспоминаниями о детстве. О таком невообразимо далёком и таком беззаботно-счастливым!

Затем я почти вываливаюсь из мира сонных грёз — зарёванная, но в приподнятом душевном состоянии. Вроде бы ничего особенного не приснилось, но краски счастья трудно передать словами.

Чужие воспоминания (чужие ли?) нежны, как крылья бабочки, и вызывают светлую печаль. Но они столь эфемерны, что любая попытка всмотреться в их акварельные краски, затянутые флером забвения, заканчивается плачевно. Волшебная красота чувств тут же ускользает, как красота крыльев прекрасной летунии, стёртая прикосновением грубых пальцев.

К моему великому сожалению, я слишком рано проснулась. Стоило только опустить голову на подушку, и усталый организм снова взял своё. И тут мне приснилось такое!

Причём действие второго сна разворачивалось в тех же местах, что и в первом. Память или предвидение упорно отсылали меня в горы — ещё бы знать, где они находятся! Кажется, ещё чуть-чуть и я вспомню... но нет, только ломит в висках.

Ладно, не суть! В общем, снится мне, что стою я на высоком приторе — это такой уступ, промытый рекой в горной гряде — а внизу беснуется поток. Бутылочно-зелёный водяной дракон с яростным рёвом скачет по скалистому дну ущелья. Причём стою я не просто так, а со смыслом: в руках у меня цветущая ветка дикого шиповника. Нежно-розовые цветы пахнут розой, но как-то слабенько — аромат периодически пропадает, и почему-то это нервирует меня, хотя вроде бы какая разница? Уколовшись о шипы, я бросаю ветку вниз и наблюдаю за её полетом к реке.

Неожиданно я замечаю, что ко мне движется горящий огонек. Он разрастается по мере приближения, и я с замиранием сердца вижу, что, сияя золотой шкурой, ко мне стремительно несётся огромный тигр. Он ещё издали приседает и летит ко мне в каком-то невероятном затяжном прыжке, будто мы в невесомости. В испуге я отшатываюсь, но грозная полосатая кошка мягко приземляется у моих ног и мирно толкает лобастой головой, требуя ласки.

В боязливом восторге я протягиваю руку и с чувственным удовольствием поглаживаю бархатистую морду зверя, а затем, набравшись нахальства, тяну его за усы — они чёрные и

жёсткие как проволока, а тигр насмешливо смотрит на меня изумительными и такими знакомыми золотыми глазами. Вдруг он сильно ударяет меня в грудь, и я с воплем падаю навзничь. Тигр прижимает меня лапой к земле, и грозно скалит мне в лицо белоснежные клыки. Замерев от ужаса, я смотрю в сверкающие глаза разъярённого зверя. В сердце, придавленном огромной лапой, нарастает боль и когда она становится невыносимой, я выгибаюсь и отчаянно кричу. Слава богу! После этого образ тигра тает перед моими глазами, и тяжесть в сердце исчезает. Я перевожу дыхание. Вот гад! Разве можно так пугать?

Но на этом мои приключения не кончаются. Не успеваю я подняться с земли, как краем глаза замечаю, что ко мне направляется другой хищник — это огромный ягуар и он куда страшней, чем тигр.

Вслед за этим пришельцем идёт тьма и я отрешённо наблюдаю за тем, как чёрная шкура зверя переливается под полной луной, в такт его плавным текучим движениям. Ягуар останавливается, глядя на меня жуткими зелёными глазами, а затем злобно бьёт себя хвостом по бокам, и прижимает круглые уши к голове. Тело огромного зверя напрягается перед прыжком. Припав к земле, он взвизгивает ввысь, и чёрной молнией летит в мою сторону. И, как всегда, бывает во сне, я хочу и не могу сдвинуться с места.

Спасения нет. От ужаса я кричу так, что, кажется, сейчас у меня разорвется сердце... И тут я осознаю, что со всех четырёх сторон окружена хищными кошками. К тигру и ягуару присоединились львица, окутанная сияющим солнечным светом, и грозный снежный барс, в сопровождении метели.

Оскалившиеся кошки разом шагнули ко мне, и я обречённо закрыла глаза...

На своё счастье, я проснулась.

Пока я сидела, приходя в себя, и тихо радовалась жизни, ко мне ворвалась встрёпанная Соня.

— Ненормальная! Что ты орёшь, как оглашенная?

— Прости, Сонечка, но мне такая жуть приснилась. В общем, кошмар!

— Совести у тебя нет, ведь только я уснула, — сердито прошипела она, увидев, что со мной всё в порядке.

— Неправда, — обиделась я. — Думаю, ты тоже орала бы во всю глотку, если б со всех сторон тебя обложили кошмарные хищники, у которых на морде написано, что они мечтают тобой подзакусить.

— Меньше нужно было прикладываться к фонтанчикам с вином и трескать, как крокодил, на ночь глядя, — сердито проворчала подруга, зябко кутаясь в шаль. — У тебя действительно всё в порядке? — обеспокоенно спросила она.

Я утвердительно кивнула, и Соня ушла к себе досыпать. Везунчик! После такого мистического ужастика я даже думать не могла о сне.

С мыслью, что ничто так не возвращает к реальности, как труд на благо общества, я нашла садовый инструмент, натянула нитяные перчатки и взялась приводить в порядок наш палисадник.

А вот фиг мне! Обычно возня с цветами успокаивала меня, но только не сегодня.

Несмотря на показной «бодряк», я с трудом отходила от пережитого во сне ужаса. Стоило только закрыть глаза, как сразу же возникали жуткие оскаленные морды и горящие глаза. Брр! Кажется, сон начисто отобьет у меня любовь к кошачьим, особенно к крупным. Нет, пожалуй, к кошкам любого формата, на сегодня я их всех боюсь... ну, может быть, кроме двуногих красавцев-тигров. Хотя... если вспомнить цвет глаз приснившегося мне

тигра, то при мысли о Тьене у меня по коже пробегают мурашки, причём весьма основательной толпой.

[1]«Зов» Сюр Гном

ГЛАВА 6. Дадим новому порядку новых фюреров! Ничего не занимала, а кредиторы уже требуют возврата долгов, да ещё с процентами

Вот и веселье выпускного бала позади, впереди только торжественное построение, посвящённое выпускникам Академии, то есть нам любимым, а затем сразу же в путь-дорогу. Ура! Дом, милый дом! Там меня ждут Рени и Мика, мои любимые родители. Господи, как же я по ним соскучилась! Ведь мы не виделись почти полгода, то бишь с прошлых каникул.

Идя по плацу, я с затаённой надеждой посматривала по сторонам. Конечно, Тьен сказал, что не придёт попроситься, но не станет же он специально прятаться от меня? Ведь на торжественном построении присутствуют все курсы, с первого по пятый.

Увы! Сколько я ни спрашивала у знакомых, никто не видел моего Золотого Тигра и, что ещё печальней, никто не знал, где его искать.

Хорошее настроение резко пошло на убыль.

Мало того, что я нигде не могла найти Тьена, в комплект к нему куда-то пропали мои друзья. В последний раз мы встретились, когда все вместе выходили из нашего дома. Ладожский помог нам подбросить увесистый багаж, состоящий в основном из Сониных шмоток, к пункту сбора. И пока я ругалась со строгим дежурным в порту по поводу лишних килограммов, оба как в воду канули. Правда, не составляло особого труда догадаться, чем они занимаются. Думаю, эти два твердолобых барана нашли себе укромный уголок и выясняют отношения. После выпускного бала Ладожский и Беккер почти не разговаривали. Примечательно, что Иван обращался к моей подруге только в случае крайней нужды, да и то через третье лицо, то есть через меня любимую. Что у них там снова приключилось, я не спрашивала: надоело. Говорят, такое времяпрепровождение — любимая развлекуха парочек. После периода романтических отношений у них начинается процесс совместной притирки, мол, такое случается сплошь и рядом перед вхождением в семейную жизнь. А раз так, тем более незачем вмешиваться. И вообще, третий лишний... нет, не то! Милые ругаются, только тешатся. Похоже, у русских заготовлена пословица на любой случай жизни.

«Неужели и мы с Тьеном когда-нибудь начнём ругаться? — мелькнула у меня мысль, и я призадумалась. — Не-а! За себя не ручаюсь, но Моррисон скорее уступит, чем будет скандалить, особенно из-за ерунды».

Смирившись с тем, что перед отъездом не увижу своего Золотого Тигра, я постаралась побороть подступающее уныние — чему очень способствовала праздничная круговерть. Если честно, то трудно пребывать в печали, когда вокруг тебя сплошной весёлый гомон, к тому же прерываемый взрывами смеха.

Эх! Жаль, что нам не разрешают снимать, а так хочется, чтобы что-нибудь осталось память!

Нарядные выпускники, собравшись в небольшие стайки, возбуждённо болтали. Многие из девчонок плакали, парни натянуто улыбались. Глупые предрассудки лишили их возможности уронить скупую мужскую слезу. Всеобщее расстройство было вызвано предстоящей разлукой. Наша система распределений по окончании Академии обязывала выпускников отработать пять лет на государственном оброке. Это немалый срок, особенно для сердечных дел. В общем, я позавидовала парочкам, которые вместе перед предстоящим расставанием, и возблагодарила бога за то, что у меня нет близких друзей из других кланов.

Оказавшись в гордом одиночестве, я не пошла к знакомым, — не было настроения с кем-либо общаться, а решила сама по себе посмотреть на разворачивающееся действие. Оно того стоило, — ведь мы были первым выпуском нашей «альма-матер». До этого вся наша братия учились порознь в различных человеческих ВУЗах своих регионов. Затем Совет старейшин решил организовать собственную Академию, с учётом наших особенностей. Планировалась, что она станет крупнейшей кузницей квалифицированных кадров, и центром передовых научных разработок в вампирском мире. Вот почему торжественное построение в честь её выпускников происходило здесь впервые, и называлось оно парадом стражей Мира вампиров.

Кстати, страж — это такое воинское звание, которое нам впервые присвоили по окончании Академии. Почему не просто как у людей «военнообязанный», я не знаю, но подозреваю, что для красоты. Всеми идеологическими вывертами в Совете старейшин ведаёт отец Сони, лорд Макс Беккер, а он — жуткий любитель всякой красивой символики. Поэтому немудрено, что нас обозвали стражами. Но суть от названия не меняется, в случае чего нам светит мобилизация на военную службу.

Нарядная толпа оживлённо шумела и беспорядочно перемещалась по плацу и я, попав в поток, некоторое время брела вместе со всеми, а затем снова шла куда глаза глядят.

Церемония проходила не под куполом, а на поверхности, и над огромным стадионом, расчищенном по такому случаю, ледяной арктический ветер рвал из рук знаменосцев флаги и вымпелы. Их яркие краски переливались в закатном свете настоящего солнца, соперничая своей многоцветностью с нашим одеянием. В парадной форме кланов мы отнюдь не смотрелись серой безликой массой. Особо привлекали внимание группки стражей, стоящие особняком, которые свысока поглядывали на остальных. Это были представители очень крупных семей, они имели не только свою форму, но и символику, чем выделялись даже среди своего клана. Я с завистью вздохнула. При моих родителях такое изобилие братьев и сестёр мне точно не светит.

Вдруг среди окружающих промелькнул высокий рыжеволосый парень, одетый в форму с эмблемой тигра. Увы, радость оказалась недолгой. С расстройства я пнула подвернувшуюся по ногу ледышку. Угораздило же меня связаться с малышкой! Тьену учиться ещё четыре года, а из Академии отпускают только на каникулы. Значит, он сможет приехать ко мне не раньше, чем через полгода, а это целая вечность. Ища утешения, я сжала в руке подарок Тьена и тут выяснилось, что он с секретом. Крошечный выступ ушёл внутрь, и крышка открылась. Внутри медальона лежали золотая и черная прядки, сплетённые в колечко. «Интересно, когда он успел срезать у меня волосы, да так, что я не заметила?» — растроганно подумала я и, всхлипнув, полезла в нагрудный карман за носовым платком.

— Привет, старушка! Тоже сопли распускаешь? Что это у тебя? — раздался рядом ехидный голос, и кто-то бесцеремонно выхватил у меня медальон. — Фу, волосы! Как это пошло! Не подозревал, что Моррисон настолько сентиментален. Упал Рыжий в моих глазах, причём основательно. Хотя слюнявая романтика — это как раз в его стиле.

От возмущения слёзы на глазах моментально испарились.

— Какого чёрта?

Выхватив медальон из рук нахального незнакомца, я спрятала своё сокровище на груди.

— Эй-эй! погоди! Наверняка на обороте есть гравировка. Что-нибудь избитое, типа «Мари плюс Тьен» и два сердца пронзённых стрелой.

Парень потянулся к цепочке, намереваясь вытащить медальон, за что заработал

хлесткий удар по руке.

— Сдурела? Больно же! — проворчал он с обиженной миной на физиономии.

«Вот, гад! Шарит по моей шее, как по своей собственной, а потом ещё претензии предъявляет!» — сердито подумала я. Правда, когти выпускать всё же не стоило.

— А ты не суй свои лапы, куда не следует, — тем не менее сказала я и, видя, что парень не отходит, резко добавила: — Ты стоишь слишком близко, а я этого не терплю. И вообще, нечего давить мне на психику и капать кровью на мой мундир.

— Мундир ей жалко! А меня, значит, нет?

Гляди-ка, сколько возмущения в голосе! Как будто это я к нему пристала, а не он ко мне!

— Хватит придуриваться! Любой недоумок к концу первого курса способен залечить такие пустяковые царапины.

— Твоя правда, — парень ухмыльнулся и следы моих когтей на его руке исчезли как по мановению волшебной палочки. — Но мундир ты мне испортила, так что за тобой должок.

Вот ведь наглая морда! Я фыркнула и когда он отступил на шаг окинула его критическим взглядом. Судя по форме и причёске, мой собеседник спецназовец. Что ж, это объясняет его поведение. Они в спецназе все с приветом. Вообще-то парень очень даже ничего. Светловолосый, голубоглазый и фигура отпадная. Не красавец, но что-то такое в нём есть, что привлекает куда сильнее, чем красота.

— Смотри не влюбись! — ухмыльнулся он, заметив, что я беззастенчиво его разглядываю.

— Мечтать не вредно, — ответила я. — Просто есть ощущение, что мы встречались, но что-то никак не могу вспомнить где и когда.

И это была чистая правда. Где-то я его уже видела и вроде бы мы даже общались.

Спецназовец ухмыльнулся.

— Правильно мыслишь, лапуся. Мы встречались, но, когда и где ты всё равно не вспомнишь. Даю голову на отсечение.

Заинтригованная, я уставилась на него во все глаза.

— Не напрягайся. Уверяю, такие подвиги не для твоего IQ. Ну-ну! Не расстраивайся! Скажу по секрету, такое дело многим не по зубам, — с насмешливой снисходительностью произнёс спецназовец, и с ехидцей добавил: — Больше никуда не лазила? Скажи, а что на тебе было надето, когда ты застряла в Курином боге?

— Не твоё дело.

— Грубиянка! По фотографии камешек неширокий и с такой-то фигурой наверняка ты неплохо смотрелась со стороны, особенно в купальнике. Кстати, что-то о тебе не было слышно в этом году. Неужели образумилась, старушка, или господин Шиз внезапно покинул тебя?

— Дурак! Королевство маловато, развернуться негде. Да и мои недруги поумнели, не особо суются ко мне, — недовольно буркнула я. — Кстати, я гораздо лучше, чем моя репутация.

И действительно так уж вышло что, не будучи шkodной по натуре, я почему-то прославилась в Академии как злостная нарушительница дисциплины. Наверное, сработало мое невезение, потому что при коллективных проказах из всех её участников чаще других попадалась именно я. Конечно, сама дура. Пока остальные строили наставникам невинные глазки — типа я не я и лошадь не моя — я с ходу сознавалась. Ну и что? Какой смысл

отпираться, если всё равно вытянут правду? А так быстро сознался, быстро получил своё наказание, а затем также быстро по домам. Правда, кое-кто с заходом в карцер. В общем, там нормально, только кровать жёсткая.

— Да? Я был о тебе лучшего мнения. Думал, ты настоящая шкода.

— Ты кто? — спросила я в лоб, устав ломать голову, и получила в ответ издевательское:

— Дед Пихто и бабка Никто.

— Ой-ой! Какие мы все из себя загадочные! Если бы не одно обстоятельство, то...

Короче, ты выглядишь как старший брат одного мелкого поганца, который нахамил мне в начале учебного года. Дело было, если мне не изменяет память, на лекции у профессора Бернштейна.

— Ого! А ты, старушка, не настолько тупа, как я предполагал, — сказал парень, пытливо глядя на меня приметными голубыми глазами.

Мою ответную реплику перебил чей-то голос.

— Хамелеон! Хватит охмурять девицу! Быстро тащи свою задницу сюда! — раздался повелительный оклик из группы спецназовцев.

Вот это нежданчик! Несмотря на важничанье, мальчишки были зелёными первокурсниками. Повернувшись, я удивленно воззрилась на собеседника. Вот уж о ком не сказала бы, что он с первого курса. По своим повадкам парень выглядел матерым волчарой и тянул, по меньшей мере, на третий курс. «Оля-ля! Кажется, мы молодые, да ранние», — подумала я со снисходительным уважением.

— Эй! Я кому сказал? Живо ко мне! Тебя наш наставник зовёт, — снова выкрикнул спецназовец с сержантскими нашивками.

Это был коренастый круглоголовый парень. Он возмущённо посмотрел в нашу сторону, а затем не выдержал и вразвалочку направился к нам.

— What's the matter with you? — поцедил он, подойдя.

Хамелеон ничего не ответил, только в его холодных голубых глазах промелькнуло нечто такое, что оставалось лишь пожалеть его недалекого сержанта. Правда, тот был не настолько туп, чтобы лезть в драку: видимо знал, что представляет собой его одноклассник и не хотел позориться у всех на глазах.

Пока крепыш-сержант с глупым видом переминался с ноги на ногу, Хамелеон перевёл взгляд на меня и его лицо озарила озорная мальчишеская улыбка.

— Ладно, лапуся. Так и быть, давай прощаться. Всё равно нам больше не дадут спокойно поговорить. Счастливого тебе пути, старушка, — он протянул мне руку. — Прими от меня доброе напутствие. Ведь ты такая дура по жизни, что постарайся в ближайшее время по максимуму избавиться от своего наивного кретинизма.

— Фу, как грубо!

— Я не шучу, а то двуногие хищники вмиг сожрут тебя и косточек для захоронения не оставят.

— Ой, как серьёзно! Ё-моё! Как это я раньше жила без твоих премудростей? — и прищурился, я сладко пропела: — Кстати, забыла сказать! На скале я была в голом виде, и густо смазанная оливковым маслом. Сам понимаешь, иначе было бы невозможно протиснуться в столь узкий лаз.

Хамелеон недоверчиво усмехнулся.

— Не врёшь? Тогда понятно, почему альпинисты непрерывно матерились, пока вытаскивали тебя, — он с выжидательной миной уставился на меня. — Странно. Такая

пикантная подробность, а я о ней не слышал.

«Поверил! Вот зелёный наивняк!»

— Тсс! Это секрет, — я состроила страшные глаза. — Ведь ты знаешь, кто мой отец? Так что больше никому! Хорошо? — заговорщицки прошептала я, радуясь, что мне удалось уесть ехидного парня.

— Да, лапуся! Ты точно не дружишь с головой, — Хамелеон снисходительно похлопал меня по плечу. — Что ж, отныне за тобой должок.

— Какой ещё должок? — возмутилась я.

— Око за око, знаешь такую присказку? Так что, своей попыткой обмана ты сама напросилась на неприятности.

— I don't understand!

— Вот и поразмысли на досуге, — Хамелеон состроил мне зверскую рожу. — Учти, я никогда не прощаю долгов, и здесь тебе никакой папочка не поможет. Understand? До встречи, недалекая старушка!

«Вот гад!» Я забеспокоилась. Внутреннее чувство говорило, что парень слов на ветер не бросает и это не пустая угроза.

— Ага, держи карман шире! Скорее уж должок за тобой. И вообще, я тебе не старушка.

Увы, реплика несколько припозднилась. Хамелеон исчез, и его сержант удивлённо вытаращил на меня глаза.

— Видимо, слился с местностью. Как и положено хамелеону, — пояснила я и крутанулась на месте, показывая, что его подопечный не прячется за моей спиной.

Крепыш смерил меня негодующим взглядом и, ничего не сказав, мгновенно исчез. Да! Даже у первокурсников из спецназа уже есть отличающие их профессиональные навыки.

Вроде бы времени прошло всего ничего, но пока я болтала с Хамелеоном, солнце успело удрать за горизонт. В стьлом воздухе разлились прозрачные синие сумерки и сразу же резко похолодало. Я зябко передёрнула плечами. Парадная форма хоть и шерстяная, но по теплоизоляции уступает синтетическим материалам, причём основательно. Ничего страшного, потерплю. Я любовно провела по чёрному рукаву с алой окантовкой и поправила золотые аксельбанты. Мне нравилась наша форменная одежда, особенно парадный мундир — строгий и в то же время нарядный.

Я проверила соответствует ли надетый берет требованиям устава и огляделась в поисках своего клана. Интуиция не подвела — стоило подумать, что пора возвращаться в родные ряды и тут же запел сигнал всеобщего построения. Услышав телепатические окрики наставников, все бросились по своим местам, и я в их числе.

Да чтоб вас всех! Я подпрыгнула, выглядывая свою бету-5-01 Волка. Ну вот, опять мне намылят шею! Ведь я тоже из злосчастливого сержантского племени и в мои обязанности входит построение группы.

Слава богу! наша и, кажется, не очень опоздала!

Выдрессированные пятью годами военной подготовки, мы выстроились ровными шеренгами перед высоким постаментом, над которым развевались флаги всех пяти кланов. На трибуне, оживлённо переговариваясь, стояли наши преподаватели и гости. Среди них выделялась группа в длинных нарядных плащах, украшенных драгоценностями, правда, низко надвинутые капюшоны скрывали лица их обладателей.

«Надо ж, какое средневековье!» — подумала я с невольным смешком. И оно действительно было бы смешно, если бы не единая ментальная мощь и вполне осязаемая

угроза, исходящая от господ в плащах. Ну, ясно кто это — наши старейшины из кланов. Они тоже прибыли на торжественную церемонию. Потрясающе! Если они здесь и, похоже, в полном составе, даю голову на отсечение, что ждут прибытия кого-то ещё более важного. Интересно, кого именно?.. Оля-ля! Неужели, сам Старейший почтит нас своим присутствием? С другой стороны, почему бы нет? Ведь это первый выпуск нашей Академии в истории Мира вампиров, значит, мы знаменуем собой какой-нибудь знаменательный этап в становлении нашего общества.

За всеобщей суетой я не сразу заметила, что уже окончательно стемнело. Зазвучал торжественный гимн, и мы застыли в невольном напряжении, вызванном окружающей обстановкой и мрачной величественной мелодией.

В ночной темноте вспыхнули зеленоватые полотнища. Они до тех пор беспокойно мерцали и перемещались по небу, пока над постаментом не возник цветок, свитый из призрачного северного сияния. Снова мелодично пропели трубы, а потом они разом смолкли и повисла такая неестественная тишина, что на какое-то мгновение мне показалось, что я оглохла.

Слегка поежившись, торжественность обстановки доставала аж до самых печёнок, я покосилась на серьёзные и немного отрешённые лица ребят, стоящих по соседству и поняла, что я в хорошей компании. После телепатической команды мы замерли, вытянувшись по стойке «смирно», и после недолгого ожидания в центре сияния появилась огромная тень.

— Дети мои! Мою душу переполняют счастье и гордость!

Это было как удар грома. Краем глаза я увидела, что стройные ряды стражей чуть заметно дрогнули от мощного телепатического голоса Старейшего. Правда, на меня он подействовал не так сильно — неприятно, но терпимо.

— Веками я верил и надеялся, что когда-нибудь настанет этот прекрасный миг. И вот он настал. Моя мечта воплотилась в жизнь! Вы стоите передо мной, а я гляжу на вас, и слёзы подступают к глазам. Наконец, вы здесь! Такая новая и одновременно такая древняя раса!

Радостные крики и овации прервали речь Старейшего. Переждав волну энтузиазма народных масс, он продолжил свою речь:

— Друзья, я знаю, что нас ещё очень мало на планете, но мы таковы, что мир будет принадлежать нам!

По какому праву? — спросите вы. И я вам отвечу — по праву первородства, по праву достойнейших!

Я верю, что мой народ заслужил своё возрождение! Почему? — да потому, что только мы принесём в этот мир порядок и благополучие!

Планета будет процветать под нашим разумным руководством, а не умирать, как это повсеместно происходит сейчас. Мы уничтожим грязные производства расплодившегося безумного человечества, прекратим войны и бездумное потребление — всё, что уродует лик Земли.

Я знаю, что народы под нашим руководством будут счастливы и довольны! Конечно, некоторых строптивцев придётся силой тащить в мир сытого благополучия, но нас это не остановит!

В нашем прекрасном будущем не будет места голоду и беспросветной нищете, а ещё в нём не будет унижительного равноправия, я вам это твёрдо обещаю! Не может быть глупец равен умному...

Политика — дело скучное, и патетические изыски, звучащие в моей голове, вскоре отошли на второй план. Я погрузилась в воспоминания о выпускном бале и в памяти вновь зазвучала чудесная мелодия праздничного вечера. Заново переживая чудо любви, случившееся со мной накануне, я так увлеклась, что очнулась только тогда, когда раздался громкий треск. Это развернулся флаг Объединённых кланов, подсвеченный светом прожекторов. Порыв ветра подхватил его и в сопровождении величественной мелодии он пополз по флагштоку. В полярном небе заплескалось громадное чёрное полотнище с кроваво-красной пятиконечной звездой. Я поёжилась, чувствуя, что холод пробирает уже до костей.

«Господи! Если он будет продолжать в том же духе, то официоз затянется на неопределённо долгое время, — мелькнула обескураживающая мысль и я посмотрела на громадную тень на трибуне. — Эй, ты! Сколько можно болтать? У меня уже зуб на зуб не попадает и ноги примёрзли ко льду! Давай закругляйся, пока мы все тут не превратились в сосульки!»

Ага, сейчас! Снова зазвучал голос Старейшего, и я с обречённым вздохом приготовилась слушать его дальнейший бред.

— *Выпускники! Вы первые ласточки! Нет, свирепые орлята!..*

Бла-бла! Бла-бла! Облик Тьена заслонил собой весь мир и я, подхваченная вихрем ранее неведомых мне чувств, вновь закружилась в счастливом водовороте... Да что б тебя! Вот чего орать, если всё равно тебя никто не слушает?!

— *В грядущей эпохе именно вы послужите краеугольным камнем вампирской нации! Именно вы станете её гордостью, и надеждой! Я надеюсь, нет, я верю!*

«Не хочу быть каменюкой ни в чьём основании!» — сердито подумала я, уловив из речи Старейшего только его последние слова, и на автомате присоединилась к ликующему воплю стражей, который в очередной раз сотряс звёздное небо. После этого я вновь пыталась погрузиться в мир счастливых грёз, но было слишком холодно, даже впрыск адреналина не особо помог согреться. Вдобавок приходилось быть начеку, чтобы не прозевать запланированный приступ верноподданнического восторга, а то наставник уже начал косо поглядывать в мою сторону.

Чтобы скоротать время и отвлечься от скуки, я попыталась составить себе представление о легендарном ораторе. Все-таки Старейший на нашем празднике — это очень круто. Далеко не каждый день можно услышать сего загадочного господина. Да что там услышать! Насколько я помню историю, это вообще первый раз, когда он открыто появился среди нас. Правда, не особо много разглядишь под широким плащом с капюшоном, причём в явной трансляции через видеотехнику. Вряд ли он на самом деле десятиметрового роста, зато эго у него точно заоблачное, если судить по тому, что он тут несёт.

«Похоже, с подачи Старейшего в наших рядах набирает силу стойкий государственный маразм. Пардон, патриотизм, — лениво резюмировала я, размышляя о сказанном с высокой трибуны. — Надо же, столько патетики в словах старичка! Всё бы ничего, но что-то они пахивают фашизмом. Хотя чего ещё ожидать от ходячей древности?»

Конечно, дисциплина — это наше всё, но изображать из себя болванчика, да ещё по стойке «смирно» было выше моих сил, и я переступила с ноги на ногу. Вроде бы никто ничего не заметил, и я уже с гораздо большим энтузиазмом воззрилась на Старейшего. Интересно, что там под долгополым плащом с капюшоном?

Несмотря на скептицизм, огромная фигура, очерченная колеблющимся светом

северного сияния, внушала невольное почтение. «Высокий месье и держится молодцом, если только меня не обманывают чувства, а их в свою очередь электроника», — пришла я к выводу.

Правда, подозрение, что нам демонстрируют не самого Старейшего, а его раздутое эго по-прежнему не покидало меня. Ведь человеческая история доказала, что успеха на политическом поприще достигают всякие ущербные типы. Очень может быть, что и наш Старейший на самом деле честолюбивый карлик, которого не любили женщины, и оттого он взрастил в себе комплекс Наполеона. Иначе за каким чёртом ему эти многовековые прятки?

Интересно, какие женщины нравятся нашему Старейшему? Судя по человеческой истории и мифологии, чудовищ привлекают исключительно красавицы. Наполеон завоевал себе Жозефину, Гест взял в жёны Афродиту, Гитлер — Еву Браун и таким примерам несть числа. Жаль, что почти ничего не говорится о том, что чувствовали женщины, которые помимо своей воли оказались в постели с уродом. Ведь природу не обманешь, а она не терпит ущербности в брачном партнёре, будь то физический недостаток или преклонный возраст.

О, кстати о возрасте! Старейший сам сказал, что веками ждал нашего появления, а отсюда вывод, что ему и в самом деле чёртова прорва лет. Не иначе он уже на ладан дышит. Какие уж тут женщины.

Моё воображение тут же нарисовало старца с длинной седой бородой и крючковатым носом, как у пушкинского Черномора. Вот они, издержки общения с Ладожским и русской литературой.

Фу, чуть главное не забыла, — ведь Старейший тоже вампир! И моё воображение дорисовало гнусному карлику большущие жёлтые клыки, побитые кариесом. Я полюбовалась на воображаемую картину. А что, очень даже неплохо! Правда, физиономия у вампирского Черномора чего-то вышла слишком злобная, и, вообще, он смотрит как живой. Ишь как сверлит глазками, будто только что восстал из гроба и мечтает напиться моей кровушки. А вот фиг тебе! Поищи себе другую жертву.

Да и насчёт живого, думаю, я слегка погорячилась. Не исключено, что Старейший, как сказочные вампиры, тоже дохлый и для поднятия жизненного тонуса питается юными красотками, которых пачками отлавливает по ночам. Он с наслаждением пьёт их кровь, такую алую и свежую, пока те с томным видом пищат ему о своей любви. Наверняка этим дурочкам он представляется сказочным красавцем. Сотворить иллюзию и нам не сложно, а этому древнему хлыщу и вовсе раз плюнуть. Да, свежая кровь — это вкусно!.. Так! Не думаем о еде!.. И всё равно есть хочется, просто смерть! Кстати, киношники все чаще выдают нагора кровососов с нетрадиционной ориентацией. Может, и наш шалун тоже гоняется за юйными мальчиками?.. Интересно, а нафига мертвякам нужны все эти любовные страсти с ахами и вздохами? Да ещё при свете бледной луны в качестве приправы?.. Ума не приложу! Вот мне абсолютно все равно, любит меня бифштекс или нет, главное, чтобы он был натуральный и свеженький. А-а! Поняла! У молодых кровь качественней. Хотя во время охоты я чего-то не замечала особой разницы. Конечно, наркота сильно портит вкус крови и у пожилых Фредди Крюгеров она несколько гуще, всё-таки возраст сказывается и повышенное давление...»

Несомая на волне фантазии, я представила себе эпоху Людовика XIV и то как наш вампирский Черномор проникает в спальню графини, которая ещё не обзавелась графином, тьфу, графом! Вот о вишнёвом ликёре для согрева тоже не надо!.. Так! На чём это я

остановилась? Ах да! Выставив перед собой скрюченные пальцы с кривыми жёлтыми когтями, горбун крадётся к изголовью кровати высокородной девицы, которая поживает в обязательной кружевной рубашке, и тончайший батист выгодно оттеняет её совершенные формы. Придерживая длинную бороду, горбун со сладострастным видом смотрит на нежную шейку жертвы, а та стонет и мечется, стонет и мечется! Но никак не может проснуться. Да, чуть не забыла! Тщательно завитые локоны девицы, до этого симметрично разложенные по подушке, летают по воздуху. Затем графиня в изнеможении расплывается на кровати, и локоны планируют на её бурно вздымающуюся, едва прикрытую грудь. Обнажив клыки, горбун со зловещей ухмылкой склоняется над несчастной, та жалобно вскрикивает (я сдавленно хрюкнула) и тут нашего Карлушу прихватывает жесточайший радикулит.

Вот такой неожиданный пассаж!

Над сёлами и весями, почивающих в тенётах тьмы, проносится леденящий душу рык и всё живое в ужасе трепещет, причём зверьё и люди трясутся в унисон. Помню, такое было в каком-то фильме. Или мультике? Не суть! Это было так забавно... Ой, что-то я отвлеклась! Итак, Карлушу скрючило и именно в этот момент графиня открывает глаза. «Милый!» — лепечет она со счастливой улыбкой на губах, и, вспорхнув с кровати, виснет у него на шее. Вопль Карлуши, заполучившего дополнительный груз на поясницу, рвёт барабанные перепонки и переходит в ультразвук. Он превращается в летучую мышь и тяжело машет крыльями, но ему не удаётся ускользнуть из рук высокородной девицы, — ведь её веками дрессированные гены не привыкли расставаться с добычей.

Изловленный сачком для бабочек, горбун водворён в птичью клетку и, нахохлившись, сидит на жёрдочке. Он не сводит глаз с заоконной тьмы, которую постепенно разбавляют краски утренней зари. Солнечный луч врывается в комнату, и злосчастная летучая мышь осыпается медленно падающими хлопьями пепла. Всё?.. Нет! Пепел струйкой стекает на пол и направляется к окну.

Резкая смена кадра. Ночь, луна, зловещий грай ворон, тревожная музыка. Тадам-тадам-тадам! Вместо легкомысленной девичьей спальни заброшенное кладбище с покосившимися чёрными крестами. Камера наезжает на величественный мраморный склеп и даёт крупным планом вход в него, похожий на разинутый в крике рот. Бабах!!! С землёй и костями оттуда вылетает наш Карлуша. Горя мстью, он взмывает высоко в небо и берёт курс на замок, где бедная высокородная графиня, облачённая в неизменную кружевную рубашку, вновь стонет и мечется, стонет и мечется, но никак не может проснуться.

«Фу-у-у!» — облегчённо выдохнула я. Вот теперь действительно всё! End. Под леденящую душу музыку по экрану ползут финальные титры.

Неожиданно перед внутренним взором всплыла надпись: «Отказать в съёмках. Банальщина!»

Стараясь особо не вертеть головой, я попыталась определить, что за гад пасётся в моей голове, но, судя по лицам соседей, они внимательно слушали Старейшего и не обращали на меня ни малейшего внимания.

«Может, и банальщина, месье Инкогнито. А вы уверены, что тип на трибуне действительно тот, за кого он себя выдаёт?» — спросила я, не теряя надежды вычислить того, кто отслеживает мои мысли. «Уверен, — откликнулся соглядатай. — Кстати, в одном ты права. Будь я мертвецом, нежные создания интересовали бы меня только с гастрономической точки зрения», — с легкой насмешкой произнёс ясный телепатический голос.

«Ума не приложу, что ещё мертвяку с ними делать? При его-то состоянии полнейшего не стояния», — хихикнула я и ойкнула, получив довольно болезненную ментальную оплеуху. — Ты чего дерёшься, паразит? — возмутилась я и лишь потом поняла, что ору вслух. Кошмар! Точняк сейчас огребу по ушам!.. Ну, вот! — Палевская, молчать! — прошипел наставник и я получила ментальную оплеуху уже от него.

«Женщин не красит уличный жаргон, так что не забывайся и помни о приличиях», — наставительным тоном сказал ментальный собеседник и сопроводил свои слова ещё одним подзатыльником. Вот гад! На этот раз было не столько больно, сколько обидно. Узнаю кто это, убью на месте!

«А мужчин не красит рукоприкладство, и лишь последние трусы бьют женщину исподтишка», — мысленно сказала я и тут же поплатилась за свои слова.

На этот раз удар был такой силы, что не знаю, чтобы со мной было бы, не успею я поднять ментальный щит. Правда, толку от него было примерно столько же, сколько рыбе от бумажного зонтика. Защиту мгновенно смяло и я, задохнувшись от боли, едва устояла на ногах. Ощущение было такое, будто меня ударили обухом топора по голове.

«За что?!» — простонала я, даже не знаю мысленно или вслух. Это были уже не шутки, так бьют лишь того, кого ненавидят. «Ты слишком высокого мнения о себе. Мою ненависть ещё нужно заслужить». — «Тогда что такого я вам сделала?» — «Иногда случается так, что ненависть переживает того, на кого она направлена». Несмотря на обморочное состояние, я заметила оттенок печали, который прозвучал в голосе моего распроклятого собеседника. Вообще-то, чёткий эмоциональный ряд, сопровождающий его ментальную речь, говорил о таком высочайшем уровне, что я запаниковала ещё до того, как в моей больной голове сформировалось подозрение, с кем именно я разговариваю.

«Вижу, ты догадалась кто я», — подтвердил Старейший мою догадку.

Ой-ё! Мне окончательно поплохело. «Извините, сэр! У меня и в мыслях не было вас обидеть! Всего лишь глупая игра воображения!» — пролепетала я, готовая провалиться сквозь землю. Хотя чего уж утруждаться? Отец узнает, что я натворила, сам живьём прикопает!

«Игра воображения? Свои наглые измышления ты называешь игрой воображения?» — ледяным тоном спросил Старейший. «Простите, сэр!» — «К твоему сведению у меня всё в порядке с женщинами». — «Уверена, что так, сэр! Беру свои слова обратно!» — «Что?» — «Я хотела сказать, что нисколько не сомневаюсь в ваших выдающихся способностях и по части женщин тоже!»

Старейший замолчал, а я от страха зажмурила глаза. О мой бог! Что теперь будет?! «Мариэль, ты отдаешь себе отчёт, с кем ты разговариваешь?» — последовал вопрос. Дело выглядело так, будто он сомневался в моих умственных способностях. «Да, сэр! Если не ошибаюсь, то вы Старейший, — смиренно проговорила я. — Прошу простить, если чем-то вас обидела». — «Обидела? — сказал Старейший и с явной угрозой добавил: — Это не в твоих силах, а я вот могу тебя огорчить, причём смертельно».

Всколыхнувшееся было возмущение, тут же улеглось, хотя меня основательно потряхивало от нервного возбуждения. Разговор принимал неприятный оборот и даже больше, интуиция кричала о нешуточной опасности.

«Простите, сэр, но я не понимаю, к чему ваши угрозы?» — осмелилась я спросить.

«Угрозы? Нет, Мариэль, я никогда не угрожаю, я просто убиваю тех, кто мне неуютен».

Я посмотрела на гигантскую фигуру, окружённую северным сиянием.

«Меня вы тоже убьёте?» — брякнула я. Хотя, чего уж там! Лучше знать, что тебя ждёт, чем теряться в догадках.

С перепугу мне показалось, что Старейший молчал целую вечность.

«Я подумаю над твоим предложением, — наконец соизволил он ответить и, будто беседуя сам с собой, добавил: — Для разнообразия, может, сделать так, чтобы она сама не захотела жить?»

Заявление Старейшего вернуло мне присутствие духа. «Не знаю, чем вызвано ваше внимание к моей скромной персоне, но умолять о пощаде я не буду!» — твёрдо сказала я, хотя в душе по-прежнему теплилась надежда, что происходящее это чей-то жестокий розыгрыш. Ведь Старейший продолжал толкать речь для всех. Уму непостижимо! Неужели он способен одновременно беседовать со мной? Впрочем, если верить легендам, он может и не такое.

«Не искушай! И так велик соблазн покончить с тобой одним ударом», — откликнулся мой кровожадный собеседник. Причём в его телепатическом голосе прозвучала столь явная угроза, что я сочла за благо заткнуться. Зато Старейший, или кто он там, решил доконать меня окончательно. «Действительно, чего зря время тянуть? — продолжал он размышлять. — С другой стороны, и торопиться некуда. В охоте тоже есть своя прелесть. Ну, а ты что скажешь? — обратился он ко мне. — Какую предпочитаешь смерть: быструю или мученическую?»

Быструю или мученическую? Я нервно сглотнула.

«Чего молчишь?» — поинтересовался Старейший. В общем-то, я уже не сомневалась, что это он и никто другой. Шутку столь дурного тона мог позволить себе только яркий противник Мики. Вот только вряд ли найдётся идиот, который вступит в открытый конфликт с моим отцом и убьёт меня прямо на его глазах. Такое может себе позволить лишь Старейший.

После этого открытия мне резко поплохело. Боже, я не хочу умирать! И, как назло, в голове полнейший вакуум, ни одной дельной мысли!

«Правильно понимаешь, давить на жалость бесполезно, — заметил Старейший, когда я стала лихорадочно искать выход из создавшейся ситуации. — Насколько затянется игра в кошки-мышки? Это зависит от тебя. Чем быстрее ты сдашься, тем быстрее с тобой будет покончено», — ответил он на мои мысли. Несмотря на растерянность, презрение в его голосе задело меня.

Конечно, инстинкт самосохранения силён, но разум ему не победить. Я собралась с духом и... меня затопила ярость. «Какого чёрта вам ещё нужно?! Я же сказала, что не буду молить о пощаде!» — «И тем не менее ты хочешь жить». — «Да, хочу! Что из этого? Ведь я не самоубийца!» — «Почему ты выбрала быструю смерть?» — спросил Старейший и я уловила оттенок заинтересованности в его голосе.

Почему? Я задумалась. Действительно, почему? Почему при одной мысли о каждодневных издевательствах меня пробирает дрожь и так погано на душе, что я готова умереть, чем пережить всё это?.. Не знаю, но выбор очевиден: лучше сразу умереть.

«Вам-то какое дело? — возмутилась я. — Если хотите, можете считать меня трусихой!» Странно, почему-то мне показалось, что Старейшего смутил мой ответ. Ведь ментальное общение не ограничивается одной мысленной речью. Даже если собеседник молчит и находится вне поля зрения, всё равно можно уловить испытываемые им чувства. Во всяком

случае, у меня это хорошо получается.

Несмотря на своё заявление, я не собиралась так просто сдаваться: «Сэр, разрешите небольшое пожелание от мышки! Не знаю, чем именно я заслужила вашу немилость, но если уж вы твёрдо вознамерились меня изничтожить, то не надо калечить мне душу. Убейте сразу, так будет морально чище».

И вновь та же странная реакция. От Старейшего исходили сложные эманации, в которых присутствовало сильнейшее раздражение, чувство вины и досада на самого себя. И тогда я, окрылённая успехом, перешла в наступление: «Собрались убивайте, так убивайте!.. Кстати, почему вы хотите меня убить? Неужели из-за моих неосторожных мыслей?»

Возможно, я выбрала неверную тактику. Как бы то ни было, настрой Старейшего переменялся, и не в лучшую сторону. «Зря стараешься, Мариэль! — заявил он прежним безразличным тоном. — На такую простенькую наживку ловятся лишь дураки. Твоя мать в подобной ситуации действовала бы куда умней и изобретательней. И вообще, если подумать, то в тебе нет ничего от эрейки».

Причём здесь моя мать (думаю, речь шла о биологической матери) и какие-то эрейцы, я не знала, но Старейший недолго продержал меня в неведении. «Вот тебя удивило, что я говорю с трибуны и одновременно с тобой. Будь ты настоящей эрейкой, ты бы тоже это умела... Нет, Мариэль, у меня нет к тебе особого отношения. Просто ты генетически ущербный материал, пропущенный при очередной выборке».

Проклятье! Похоже, я исчерпала свой лимит везения, если попалась Чистильщику на глаза! В вопросах генетического здоровья расы Старейший не ведал жалости. Он уничтожал всех, кто не соответствовал его стандартам. Причём уничтожал массово, целыми тысячами. Что ему я? Всего лишь ещё одна бракованная единица. Проклятье! Теперь я очень хорошо понимала предков, которые подняли восстание, чтобы избавиться от этого чудовища. Невозможно жить с постоянным дамокловым мечом над головой.

Compte la comédie! У меня опустились руки. С языка уже была готова сорваться мольба о снисхождении, но тут из глубины моего существа поднялось нечто такое, что наглухо запечатало мне рот и... открыло мысли Старейшего. Оказаться в его голове было всё равно, что оказаться в сокровищнице легендарного царя Соломона. Правда, меня почти тотчас вышвырнуло вон, но увиденного хватило, чтобы понять, что он чужой на Земле.

«Крейд! — выругался Старейший и ворчливо добавил: — Мариэль, посмеешь ещё раз выкинуть такой фокус, и я прибью тебя на месте!» — «Гляди, что творится! Неужели палач решил проявить снисхождение?» — съехидничала я.

«Мариэль! — раздался предупреждающий возглас, но меня уже понесло. «Идите к чёрту, сэр! Больше вы не заткнёте мне рот. Или вы уже передумали меня убивать?» — «Нет, приговор остаётся в силе. Но своей выходкой ты добилась того, что быстрой, как и лёгкой, смерти тебе не будет».

Старейший, как опытный садист, нащупал моё слабое место и ударил именно туда. При одной только мысли о каждодневных психологических пытках, что день за днём сводят с ума и подводят к краю, у меня потемнело в глазах.

Я с ненавистью посмотрела на гигантскую фигуру на трибуне.

— Думаете, вы победили? Да ни фига! — выкрикнула я вслух.

В глубине души я лелеяла крошечную надежду на помощь окружающих.

«Можешь не стараться, никто тебя не услышит и не увидит, пока я этого не захочу, — сказал Старейший и, вздохнув, добавил: — Мариэль, ты снова умудрилась всё испортить. Я

уж начал было склоняться к мысли, что ты не столь безнадежна, как мне показалось поначалу».

Вот только я не попала на его крючок. Знаю я эти штучки! Садисты часто используют надежду в качестве наживки, а когда жертва её проглотит, они вместе с внутренностями вырывают её обратно.

— Всё равно стоило попробовать, — спокойно ответила я и на всякий случай глянула по сторонам.

Старейший не солгал. Всё было так, как он сказал. На меня действительно никто не обращал внимания. «Убедилась? То-то же! Ну что, продолжим нашу игру? Если ты так уж боишься психологического давления, я могу попробовать что-нибудь другое. Например, остановку сердца. Чувствуешь, как оно замедляет ход и бьётся всё реже и слабей?»

Действительно, стук сердца становился все медленнее и тише. От недостатка кровообращения ноги и руки онемели от холода. Вслед за этим пришли слабость и сонное оцепенение. Я успокоилась. Кажется, Старейший сменил гнев на милость и мне светит быстрая смерть.

— Алё, небеса! — пробормотала я непослушными губами. — Эй, привратник, я уже на подходе, давай открывай ворота, пока этот гад не передумал.

«Куда это ты собралась? Нет, Мариэль, игра только началась. Прежде чем умереть, мышка должна немного побегать», — насмешливо сказал Старейший, и моё сердце вернулось к нормальному ритму.

Нет, какая всё же бессердечная скотина!

— Эй, Чистильщик! Хочешь, чтобы я побегала? Нет проблем! Если убийца не идёт к вам, то мы идём к нему!

И я со всех ног рванула к трибуне, вопя во весь голос любимую песню Ладожского:

Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»

Пощады никто не желает!

Все вымпелы вьются и цепи гремят,

Наверх якоря поднимая,

Готовятся к бою орудия в ряд,

На солнце злоеще сверкая!

Наверх якоря поднимая,

Готовятся к бою орудия в ряд,

На солнце злоеще сверкая!

И с пристани верной мы в битву идём,

Навстречу грозящей нам смерти...

Это был какой-то безумный сюр. Огибая стройные ряды студентов нашей Академии, за каким-то чёртом я неслась к трибуне. Впрочем, к чему лукавить? Я надеялась, что Старейшему надоест вся эта тягомотина и он прикончит меня одним ударом.

Хотела ли я умереть? Нет, нет и нет! Я хотела жить — жить во что бы то ни стало! — но иногда нам не оставляют выбора.

Легкие разрывало от бега, ледяной ветер хлестал меня по лицу, я почти ничего не видела из-за слёз. «Мариэль, остановись!», — попросил Старейший. Именно попросил, а не приказал. «Мариэль, это неправда! Я не собирался тебя убивать, тем более мучить перед смертью», — продолжал он уговаривать, но я была не в силах остановиться. Кто решил уйти за грань, тот уже наполовину мёртв. Камикадзе это знают. И всё же я ещё не настолько

порвала связи с миром, чтобы остаться безучастной к словам Старейшего.

— А что так? Мой генетический дефект внезапно пропал? — задыхаясь, выкрикнула я.

«У тебя нет дефектов, ведь ты чистокровная эрейка».

— Совсем недавно вы говорили, что во мне нет ничего от настоящей эрейки!

«Это была фигура речи, не более».

— Вы!.. Сэр, знаете кто вы? Вы старый лживый негодяй, у которого нет сердца! Боже, какая я дура, что верила в сказочку о добром создателе! Это Дракула и добрый создатель?!

Как многие студенты нашей Академии, до этой встречи я боготворила Старейшего. Несмотря на проявленную им жестокость, нам казалось, что он жесток, но справедлив и действует во имя высших целей нашего Мира. И вот иллюзия рассеялась. Оказалось, что за маской героя скрывается обыкновенный мелочный садист, готовый убить просто так, из-за пустяковой обиды.

«Это неправда! Мариэль, не сходи с ума!» В голосе Старейшего прозвучало раздражение, но мне было наплевать. «Хочу и буду! И вы мне не указ!» — мысленно заявила я, говорить вслух уже не хватало дыхания.

«Эй, господин Чистильщик! — окликнула я примолкшего Старейшего. — Совесть-то не мучает? Наверное, каждую ночь к вам выстраивается целая очередь из невинно убиенных душ». Похоже, эти мои слова стали последней каплей, переполнившей чашу терпения Старейшего. «Ну всё, пора заканчивать балаган! — заявил он. — Тиаран! Верни девчонку в строй и подключи режим управления ноосферой. Не спорить! Я должен стереть в их памяти этот дурацкий инцидент».

Вот так, да? Подключив регенерацию, чтобы преодолеть подступающую усталость, я понеслась к уже близкой трибуне с такой скоростью, что ветер засвистел в ушах. «Хотите стереть, будто ничего не было? Ничего у вас не выйдет. Я не забуду, что произошло!»

«Ещё как забудешь! И вообще, заткнись, Мариэль! Лучше не искушай судьбу, — раздражённо сказал Старейший. — Если бы не нужда, давно прибил бы тебя и, поверь, совесть нисколько бы меня не мучила. Пока живи, а дальше посмотрим... Крейд, моя бедная голова!»

Заткнуться и не искушать судьбу? Да, ни за что! Свобода ударила мне в голову не хуже выдержанного вина. И всё же не стоило забывать, с кем я имею дело. Для начала что-то так долбануло меня по ногам, что я упала, как подрубленная, а затем какая-то сила подняла меня в воздух и, развернув, понесла обратно. Понимая, что последует за этим, я подняла ментальный щит, но тщетно. Перед глазами потемнело, и я потеряла сознание.

Поймав себя на том, что задремала, я встрепенулась и быстро глянула по сторонам. Слава богу! Кажется, никто не заметил моего неприличного забытья. Правда, наставник бросил в мою сторону укоризненный взгляд, хотя не исключено, что мне показалось, и он просто наблюдает за порядком.

Ё-моё! Как неудобно! А всё проклятый официоз! Он кого хочешь вгонит в сон. Конечно, оправдание так себе и я, чтобы наверстать упущенное, преданным взором уставилась на Старейшего и лишь тогда заметила, что он молчит. Мало того старейшины, тоже стоящие трибуне, чего-то беспокойно зашевелились и переговариваются между собой.

«О боже! Неужели все заметили, как я задавала храпака во время речи Старейшего?» — перепугалась я. В панике мне показалось, что он смотрит не на кого-нибудь, а именно на меня и, чтобы прогнать наваждение, зажмурила глаза. «Нет, не может быть! С чего вдруг

Старейшему интересоваться мной? Ведь он меня знать не знает», — уговаривала я себя, но получалось что-то не очень. Пришлось обратиться к логике. В два счёта я доказала себе, что: во-первых, как Ладожский говорит, на воре шапка горит, во-вторых, таких, как я, на стадионе несколько тысяч. Думать, что я чем-то привлекла внимание Старейшего это уже верх самонадеянности.

Успокоившись, я снова воззрилась на нашу легенду, ожидая, когда он перестанет играть в молчанку. Правда, при слове «игра» в памяти шевельнулось какое-то неприятное воспоминание, но так и не обрело конкретную форму. Тем более что Старейший снова начал ораторствовать.

— *Дети мои! Я верю, однажды мы выйдем за пределы Солнечной системы и отправимся на поиски Terra Incognita...*

«Вот и славно!» — обрадовалась я. Как только Старейший заговорил, у меня пропало ощущение, что он смотрит на меня. Боясь снова опозориться, я слушала его с куда большим вниманием, чем в начале выступления. Да и он, чувствовалось, говорил от души.

— *Как говорится, сквозь тернии — к звездам! И даже они покорятся нашему неукротимому натиску! Я клянусь вам в этом! Я хочу, чтобы вы поверили в достижимость моих идеалов, как в них верю я!.. Станьте лучшими в обновленном мире — Мире вампиров! Я верю в вас, дети мои! Так что постарайтесь не разочаровать меня!*

На этой возвышенной ноте, прозвучавшей с некоторой угрозой, Старейший закончил свою речь и, как говорится, под бурные овации зала исчез со сцены. Вот он был и вот уже его нет — исчез так же таинственно, как и появился.

С уходом Старейшего у меня будто камень с души упал. Я подивилась испытываемому облегчению, как будто его присутствие постоянно давило на меня, но не стала заморачиваться по этому поводу. Ощувив боль в ладонях, я обнаружила, что они кровоточат, чуть ли не насквозь пропоротые моими же собственными когтями. Вот непруха! Не иначе я сделала это во время своей кратковременной отключки.

Когда скомандовали «вольно!», обнаружилось ещё одно неприятное последствие. Стоило сдвинуться с места и у меня закружилась голова, да так сильно, что я чуть было не упала. Спасибо, что парень из нашей группы не дал мне грохнуться на лёд. Чёрт! Да что такое творится со мной?!

Старейший тоже чувствовал себя не лучшим образом. Нахохлившись, он сидел в кресле пилота и старался не шевелить головой. Увидь его сейчас Мари, она решила бы, что он действительно древний горбатый старец; правда, по росту он не прошёл бы на роль пушкинского Черномора, а вот на роль кого-нибудь из девяти проклятых королей — вполне. К тому же его одеяние как нельзя лучше соответствовало экранным образам героев толкиеновской саги.

Когда боль в висках немного отступила, вампирский назгул открыл глаза.

— Тиран, домой! — распорядился Старейший.

Фантастического вида авиетка, повинувшись его приказу, вошла в режим невидимости и взмыла в чёрное полярное небо, расцвеченное северным сиянием.

— *Мой райделин*, не желаете принять лекарство? — поинтересовался приятный мужской голос и с заботливостью преданной няньки ворчливо добавил: — Вы перенапряглись во время работы с ноосферой. Это плохо отражается на вашем здоровье.

— Не знаю. Впрочем, давай. Хуже, чем есть, вряд ли уже будет.

В подставленную ладонь, совсем не старческую по виду, спланировала крохотная голубая капсула. Вслед за ней, ожидая своей очереди, в воздухе завис причудливый синий бокал, наполненный кристально чистой водой. После лекарства Старейший облегчённо вздохнул и, вытянув длинные ноги, постарался максимально расслабиться в кресле, которое тоже не осталось в стороне и по-своему позаботилось о хозяине. Оно измерило его жизненные показатели и включило режим оздоровительного массажа.

Спустя некоторое время Старейший сбросил капюшон, и привычным движением смахнул с лица длинные блестящие волосы. Его можно было назвать кем угодно, но только не стариком и не уродом. Найдя затылком наиболее удобное положение на изголовье кресла, он снова закрыл глаза.

— И чего я разошёлся? — устало буркнул он. — Нужно было прикончить девчонку и все дела. Так нет, развёл полемику: быть или не быть. Как будто это имеет какое-то значение.

— Мой райделин, вы правильно поступили, что не тронули Мариэль, — осторожно заметил бесплотный помощник. — Возможно, девочка вам ещё пригодится. Михаэль может отказаться сотрудничать, если вы убьёте его дочь...

— Да какая она ему дочь! — перебил его Старейший. — Ладно, проехали! Ты отослал мои приказы главе СБ и ректору Академии?

— Да, мой райделин.

— Хорошо. Значит, можно вступать в игру.

Старейший вновь закрыл глаза и перед его внутренним взором возникла бегущая к нему Мари. Он поморщился при виде её причёски. «Вот дурочка! Зачем-то остригла волосы, будто она рабыня». В воображении он добавил девушке длинные развевающиеся волосы и, увидев, что получилось, поспешно стёр мысленную картину. «Крейд! Она так похожа на мать, что их практически не различить!» — подумал он и на его лице появилось выражение, какое бывает при застарелой ненависти. Впрочем, оно продержалось недолго и вновь сменилось усталостью. «Правда, характером дочка пошла не в мать, но это ничего не меняет. К крейду, угрызения совести и чувство вины за твоё детство, Мариэль! Всё равно я убью тебя».

ГЛАВА 7. Погуляли, пора и честь знать. Не ходите, дети, в Африку гулять!

От Академии до секретной точки на карте выпускников доставили уже знакомыми им серебристыми самолетами-амфибиями и высадили на льдине, неподалёку от берега. Здесь им пришлось ждать клановых «скатов», которые должны были доставить их непосредственно по домам. Поначалу бывшие одноклассники держались вместе, сила привычки — великая сила, и лишь потом они перемешались и обособились по интересам. Кроме парочек, которые обнимались и тихо переговаривались, было довольно много группок, которые обсуждали будущую работу. Обсуждали горячо, чуть ли не до драки, доказывая друг другу, в чём преимущество той или иной специальности. В таких группах было шумно и весело.

Члены кружка любителей математики активно звали Мари к себе, но она отрицательно покачала головой и осталась в основательно поредевшей группе сокурсников. Вопреки обыкновению девушка была необычно серьёзна. Вдобавок, когда кто-нибудь обращался к ней, она отвечала коротко и с явной неохотой. В конце концов, окружающие заметили её откровенное нежелание участвовать в общем разговоре и оставили в покое.

Мари сама не понимала, что с ней творится. Вроде бы никаких поводов для уныния не было, но на душе у неё скребли кошки. Стоило ей подумать о Тьене и её одолевала тревога. «Не глупи, Палевская, — уговаривала она сама себя. — Полгода это всего лишь шесть месяцев, а не вечность». Боясь накликать беду, она старалась не думать о плохом, но её не покидало предчувствие долгой разлуки. Такое острое, что ей хотелось плакать. Главное, что ей не с кем было поделиться переживаниями. О том, что произошло на балу, не знала даже Соня. Она и Иван настолько увлеклись своей ссорой, что в пылу взаимных обвинений не обращали внимания на странно притихшую Мари. Правда, несмотря на бурные сердечные переживания, она всё же уловила, что в их перепалке частенько упоминается Ник. Мари припомнила собственную встречу с этим типом и недовольно скривилась.

Знакомство с новым поклонником подруги вышло спонтанным, и не доставило ей ни малейшего удовольствия. На выпускном балу, когда закончился очередной танец, к Тьену подошли приятели-однокурсники и с заговорщицким видом куда-то его потащили, при этом чуть ли не силой вырвав его из объятий Мари.

Раздосадованная девушка пожелала бесцеремонным друзьям Тьена много чего хорошего, а затем решила, что раз она осталась одна, то не мешает подкрепиться, тем более что желудок уже давно напоминал о себе голодными позывами. Орлиным взором онахватила ближайший пункт с кормёжкой и протолкалась к столам, ломящемся от экзотических закусок.

Когда Мари торопливо доедала далеко не первый бутерброд с деликатесами, побыстрому запивая его шампанским, к ней подошла Соня с высоким темноволосым парнем.

— Познакомься, зай, это Ник, хотя нет особой нужды представлять вас друг другу, — прощбетала Соня, кокетливо улыбнувшись поклоннику.

— Очень не... приятно, — буркнула Мари со всевозможной неприветливостью в лице и голосе.

Когда подруга, улучив момент, состроила ей страшные глаза, она поняла, что та не

хочет, чтобы она отшила её поклонника. «Понятно, у Беккер очередной заскок. Бедный Ванька!» — вздохнула Мари и перевела взгляд на парня. «Интересно, с чего вдруг Соня решила, что мы знакомы? Видимо, она неправильно его поняла», — подумала она и снова посмотрела на подругу. Возбуждённо-сияющее личико Сони сказало ей, что она не на шутку увлечена новым поклонником.

«Да, плохи дела!» — констатировала Мари и покосилась на Ника. Смуглый темноволосый парень был необычайно красив. Вдобавок странная вычурная одежда и мрачный вид придавали ему ореол таинственности. «Выглядит будто восточный принц, отправленный в изгнание из-за происков хитроумного визиря, — усмехнулась девушка и озабоченно нахмурилась. — Если Беккер окончательно втрескается в этого надменного индюка, а всё идёт именно к этому, то Ладожскому в скором времени светит отставка. Откуда только он взялся на нашу голову?» — расстроилась она, глядя на то, как подруга суетится вокруг Ника, стремясь ему угодить.

Мари переживала не только за приятеля, отчего-то ей активно не нравился новый поклонник Сони. Чтобы избавиться от желания схватить подругу за руку и утащить её прочь, она вернулась к прерванному занятию. Столы поманили её богатством десертов, и она потянулась к ближайшему блюду со сладостями.

— Ник, тебе какую икру положить, чёрную или красную? — раздался позади неё воркующий голос Сони.

— Я не ем икру, — последовал равнодушный ответ.

— Тогда что ты будешь?

— Ничего. Впрочем, можешь налить мне вина. Да, этого.

От возмущения Мари чуть не подавилась. «Беккер, ну ты и поганка! Ладожскому, значит, фиг, а этому индюку икорку на блюдечке преподносим и вино наливаем? — обиделась она за приятеля. — С такими закидонами, будь я на месте Ивана, давно бы послала тебя куда подальше. И вообще, нашла на кого променять! Ладожский ничем не хуже этого Ника, а ещё он умница, каких поискать, и сердце у него доброе. А этот тип ещё неизвестно чем дышит, но сразу видно, что беспримесный гад».

Не выдержав, Мари обернулась и... натолкнулась на сумрачный взгляд Ника. «Что, не нравлюсь? Ты тоже мне не нравишься! Так что можешь даже не стараться, не запугаешь. И вообще, чего вылупился? Будто понимаешь, о чём я думаю».

Ник фыркнул и, отведя взгляд, поднёс к губам бокал с вином.

«Интересно, что я сделала этому придурку? — озадачилась девушка, не забывая при этом один за другим поедать крохотные фруктовые рулетки, которых она набрала себе целую тарелку. — Неужели он пал жертвой моих безобидных розыгрышей? — размышляла она. — Надо ж, какой злопамятный!.. Может, он находился среди тех парней на балконе, которых я облила кое-чем из котелка на втором курсе, когда мы всем скопом жили в общежитии? А если и был, то это его проблемы, нефиг было поливать нас водой при каждом удобном случае. Вот идиоты! Думали, что я их снизу не достану. Надо ж так свято верить в законы гравитации! Просто нужно посильнее плескнуться жидкостью вверх, и она преодолет любое притяжение».

Памятуя слова подруги, Мари на всякий случай присмотрелась к новому знакомому. «Нет, не видела. Такую физиономию вряд ли забудешь. Значит, он либо новый препод, либо кто-то из гостей, прибывших на праздник. Все другие уже примелькались бы за семестр, — пришла она к выводу и засунула в рот очередной рулетик. «Осталось только выяснить, с чего

вдруг он окрысился на меня? Точней, смотрит так, будто ему вместо редкой бабочки попалась обыкновенная капустаница», — с некоторой обидой подумала девушка.

Видя, что Мари и Ник меряются неприязненными взглядами, Соня поспешила разрядить обстановку.

— Зай, ты чего? — воскликнула она с деланой улыбкой. — Таращишься на Ника так, будто никогда его не видела. Он же учился вместе с нами. Ник спецназовец, и довольно часто подменял нашего инструктора по рукопашному бою. Правда, милый?

— Ну, конечно, *ma chère*! — последовал снисходительный ответ.

«Это что, розыгрыш такой?» — озадачилась Мари и выразительно посмотрела на подругу. «Беккер, ты чего несёшь?» — беззвучно спросила она. Соня непонимающе хлопнула глазами. «А что такого я сказала?» — читалось на её выразительном личике. «Ничего! Проехали!» — фыркнула Мари. Она повернулась к Нику, собираясь потребовать объяснений у него, и опешила от неожиданности. Улыбка настолько преобразила его лицо, что на какую-то долю секунды она позавидовала Соне, которой эта улыбка предназначалась.

— Не берите в голову, Софи! — мягко сказал Ник и, поднеся к губам, поцеловал руку просиявшей девушки. — Я тоже не помню вашу подругу. Видимо, мадемуазель — злостная прогульщица. Ничем иным нельзя объяснить сей факт.

— Я не прогульщица! — возмутилась Мари.

— Мадемуазель, я не намерен спорить с вами. Не знаю по какой причине, но вас не было ни на одном моём занятии. Так что сам собой напрашивается очевидный вывод, — Ник улыбнулся Соне. — Вот вы, Софи, моя любимая ученица.

Не удержавшись, Мари иронично хмыкнула, уж ей было доподлинно известно, как сильно её подруга ненавидит любые физические упражнения.

— Конечно, у вас получается далеко не всё, но ваша пунктуальность и прилежание, Софи, выше всяких похвал, — добавил Ник, глядя на Мари с не менее ироничным видом. — А вот, мадемуазель Палевская не утруждает себя подобными вещами. Видимо, считает, что ей всё позволено.

— С чего вы это взяли? — буркнула Мари, начиная злиться.

Ей не составило особого труда догадаться, к чему ведёт Ник, и он не обманул её ожиданий.

— Кто же не знает, кто ваш отец, *мадемуазель Палевская*? — подчеркнул он голосом её фамилию.

— И что с того?

Мари хотела сказать, что никогда не пользовалась протекцией отца, но Ник перенёс своё внимание на Соню, причём с таким видом, что было ясно, что он больше не хочет с ней разговаривать. «Ну и фиг с тобой! Думай, что хочешь!» — решила она.

— *Ma chère*, давайте поднимемся на третий этаж. Поужинаем в ресторане, а то у меня пропадает всякий аппетит, когда я вижу, как невоспитанные девицы брызжут слюной на еду и хватают её руками, — сказал Ник и уничижительно глянул на Мари.

«Ой-ой, какие мы все из себя нежные! — фыркнула девушка про себя. — Интересно, откуда только взялся этот старомодный дурак? Конечно, Тьен тоже галантен в обращении с женщинами, этого у него не отнимешь. Видимо, сказывается французская кровь. Но обращаться на «вы» к знакомой и к тому же ровеснице?.. По меньшей мере, это глупо».

Словно услышав её мысли, Ник бросил на неё очередной сумрачный взгляд и, взяв Соню под руку, властно потянул её за собой.

— Идёмте, Софи! Нам пора.

— Сонь, можно тебя на минутку...

Мари намеревалась сказать подруге, что сегодня ночью она возможно будет не одна, но Ник так на неё посмотрел, что она невольно отдёрнула руку.

— Нет, нельзя! — сказал он и бесстрастным тоном добавил: — Не нужно трогать мою спутницу своими *грязными* руками. И ещё одно, хотя в приличном обществе не принято указывать дамам на недостатки, но вы принуждаете меня к этому. Мадемуазель Палевская, разве вас не учили, что неприлично разговаривать с набитым ртом? И впредь не берите еду руками, для этого существуют столовые приборы, а то вы ничем не лучше дикарки.

Ник протянул Мари салфетку.

— Вот, возьмите!.. Берите, она вам пригодится, — когда растерянная девушка взяла салфетку, он добавил: — А то рискуете *испачкать* своего парня.

«Это что было? Он намекал, что я пачкаю всё, к чему прикасаюсь?» — закипела Мари и, опомнившись, швырнула салфетку на пол. Но тут на плечи ей легли ладони Тьена, и её гнев пошёл на убыль.

— Mon amour, какой негодяй посмел обидеть тебя? — раздался его ласковый голос у неё над ухом.

— Ой, щекотно!.. Да так, слегка поцапалась кое с кем... Тихо, милый! Не заводись! Не будешь же ты выяснять отношения с девчонками? — солгала Мари.

— Конечно, нет! — успокоился Тьен. — Но я могу им сказать, что они плохо себя ведут.

— Ну конечно! Они тут же умрут со стыда, — хихикнула девушка, чувствуя, что сердце вновь переполняется счастьем.

Она хотела обнять Тьена, но, вспомнив выговор Ника, поспешно спрятала руки за спину.

— О, прости! Я должна отлучиться на минутку. Ну а ты тем временем что-нибудь поешь, хорошо?

— Я подожду. Давай, поедем вместе.

Мари состроила виноватую гримаску.

— Прости, но я уже поела, не дожидаясь тебя, — призналась она и забеспокоилась: — Mon coeur, ты не сердисься?

Глаза юноши вспыхнули тёплым огнём.

— Что за глупости, любимая? Разве я могу на тебя сердиться? Возвращайся поскорей. Хорошо? У нас и так много времени потеряно из-за дурацкой выходки ребят.

— Что-то случилось? — сразу же насторожилась Мари, уловив досаду в голосе Тьена.

— Не бери в голову, mon amour, — уклончиво ответил он. — Обычный розыгрыш.

Тьен не стал рассказывать, что парни под благовидным предлогом затащили его в уединённое место в Академии, а по дороге кто-то внезапно втолкнул его в одну из пустых аудиторий и запер. Правда, ему улыбнулась госпожа Удача. Довольно быстро какая-то парочка, ищущая уединения, набрела на его узилище. Шутка показалась ему злой, и позже он собирался разобраться с её инициаторами.

— Пожалуйста, не потеряйся по дороге, малыш. Хорошо? Я жду, — Тьен обеспокоенно посмотрел на девушку.

— Клянусь, ты не успеешь заскучать и переметнуться к другой! — пообещала она.

Через пару шагов Мари обернулась и, поймав его напряжённый взгляд — будто он и в самом деле не верил, что она вернётся — устремила назад. Тьен просиял от её быстрого

поцелуя.

— Ну, вот! Совсем другое дело, — нежно шепнула она и поцеловала его ещё раз. — Теперь жди, я быстро!

Мари сдержала слово. С постоянным: «извините, извините!» она по кратчайшему пути летела через толпу, невзирая на возмущённые взгляды и ворчание — сначала до туалета, а затем обратно.

Когда она вернулась, они больше не расставались. Во время танцев их пытались несколько раз разбить, но они, не размыкая объятий, ускользали прочь. Погружённые в свои чувства, Мари и Тьен медленно плыли по залу, не замечая, что на них обращают внимание. Окружённые ореолом любви, они были такой красивой парой, что во взглядах окружающих сквозила невольная зависть. Временами девушка ловила на себе тяжёлый взгляд Ника, но никак не реагировала: она была абсолютно счастлива и, кроме Тьена, никто для неё не имел значения.

Отгоняя воспоминания, бередящие душу, Мари искала взглядом друзей, но ни Ивана, ни Сони снова не было поблизости. «И так всегда! Когда они нужны, их именно в этот момент куда-то уносят черти», — уныло подумала она и поморщилась, снова ощутив ментальное давление. Судя по ощущениям, оно было стихийным, но сильным. Порой настолько сильным, что её мучили галлюцинации: то ей слышался чей-то зов, то вдруг она чувствовала запах смолы и свежесть моря, то на границе зрения ей чудилось смутное движение. В таких случаях наставники учили их ставить ментальный барьер, что она и сделала, но это не помогло, давление не исчезало. Вдобавок Мари казалось, что стихийность это всего лишь маскировка. Единственно, что её смущало, она не ощущала ауры того, кто пытался взять её разум под контроль. По аналогии со звуковой речью дело обстояло так, будто кто-то дышал в трубку, не говоря ни слова. Вещь, совершенно невозможная в телепатии. Лазутчик выдавал себя с головой, как только устанавливал связь с объектом, конечно, если они были знакомы.

Когда ментальное давление стало совсем уж невыносимым, Мари плюнула на самолюбие и направилась за помощью к наставнику. Но не успела она сделать несколько шагов, как надоедливое жужжание в голове, доводящее её до психоза, бесследно пропало. Пожав плечами, она повернула назад, списав своё состояние на природное явление. Временами ноосфера планеты чудила так сильно, что доводила молодых вампиров, ещё плохо справляющихся с её ментальными полями, до нервного срыва.

Успокоившая Мари повеселела и выбросила происшествие из головы. К наставнику она не пошла, ведь он в обязательном порядке отправил бы её на консультацию к психологам, а она их братию не переносила на дух. К тому же прилетели самолеты кланов.

При виде пяти «скатов», зависших над ними, Мари облегчённо вздохнула. «Ура! Скоро дом! А там уж Мика разберётся со странными глюками. Если они носят искусственный характер, он таких плюх навешает шутникам, что им мало не покажется!» — по-детски обрадовалась девушка, ощутившая прочный тыл за спиной. Она задрала голову, глядя на подсвеченный синим светом треугольный силуэт, в центре которого горела голографическая эмблема её клана. Это был суровый лобастый волчара в круге полной луны, затянутой кровавой дымкой. И хотя он выглядел довольно невзрачно на фоне своих соседей, для неё он был милее всех. «Привет, парень! Чего ты там застрял? Давай, вниз!» Мари помахала волку и европейский символ клана вампиров, будто приняв её приглашение, начал стремительно

расти в размерах.

Когда «скаты» зависли метрах в шести над поверхностью, раздался телепатический приказ на посадку.

При всём своём желании поскорей попасть домой Мари, тем не менее, забралась в самолёт самой последней. Поначалу она вместе со всеми бросилась на посадку, а затем замедлила шаг и, когда остальные убежали вперёд, она остановилась. Со стороны это выглядело так, будто она забыла, где находится и зачем.

И действительно, Мари полностью выпала из действительности. На этот раз нападение застало её врасплох и она, сама того не заметив, откликнулась на зов ночи.

Омываемая волнами беспричинного счастья девушка впала в романтическое настроение. «Ах, как великолепна полярная ночь!» — подумала она с восторгом глядя в угольно-чёрное небо, испещрённое мириадами звёздами.

В душе Мари нарастало радостное возбуждение. После подземного города с его искусственным климатом и однообразным пейзажем, приевшимся за год учёбы, окружающий мир завораживал её своей дикостью и неизведанностью. Взглядом она прошла по грандиозной дороге Млечного пути, ведущей к багряному диску солнца, исчерченному заснеженными хребтами, и с молитвенным благоговением сложила руки на груди. Божий замысел вызывал у неё благоговение, смешанное с поклонением.[1]Стояла такая тишина, нарушаемая лишь редким потрескиванием льда, что девушке пригрезилась волшебная-красивая мелодия, доносящаяся из невообразимой дали и ей подумалось, что она слышит музыку небесных сфер. «Видимо, это подарок неопиту, крещёному в звёздной купели», — мелькнула у неё растроганно-весёлая мысль.

«Не только Старейший хочет вырваться из объятий матери Земли. Я тоже хочу полететь к далёким мирам. Господь Всемогуший, сделай так, чтобы братья по разуму оказались такими же чудесными человечками, как на картинах Фицджеральд, и я заранее их полюблю! — по-прежнему глядя на звёзды, Мари всем телом подалась вверх и раскинула руки. — Готовность номер один! Обратный отчёт! Десять, девять, восемь, семь... один! — досчитала она и ликующе выкрикнула: — Поехали!»

«Нет, Лоти, ты только моя! Я никуда тебя не отпущу!» — забеспокоился незримый наблюдатель и, повинувшись зову ночи, стая полярных волков пошла по следу самки овцебыка с годовалым телёнком, отбившихся от стада.

Идущая поблизости охота вызвала у Мари живейший интерес. Она сразу же забыла о братьях по разуму и отправила поисковый ментальный импульс. Он принёс ей клубок звериных эмоций: где-то там, в ночи, ликовал свирепый хищник, а ещё живая самка стояла насмерть, до последнего защищая своего ребёнка. Но разыгрывающаяся трагедия не вызвала в ней отклика. Их раса, раса разумных хищников, проголодавшись, тоже не ведала жалости к дичи. Зов ночи усилился и девушка, повинувшись охотничьему инстинкту, шагнула туда, где пирувала волчья стая. Крылья её носа возбуждённо раздувались, лоя морозный воздух с привкусом арбузной свежести и крови...

И тут внутренний голос Мари забил тревогу. «Что такое?! Какая такая охота?» — и она впала в панику, обнаружив, что её сознание находится в плену чужой воли. «Н-е-е-т!!!» — выкрикнула девушка и с безумным видом забормотала что-то бессвязное. Натренированная пятью годами войн с психологами, она с такой силой рванулась из ментальных пут, что захватчик не сумел её удержать.

Придя в себя, Мари обнаружила, что уже довольно далеко ушла в ледяную пустыню и со

всех ног помчалась обратно. На месте посадки уже никого не было и она, включив боевой режим, впрыгнула в самолёт, когда створки люка уже наполовину закрылись.

«Фу!» — девушка смахнула пот со лба и неприязненно глянула на искрящийся снежный вихрь, взметнувшийся следом за ней. «Пошёл вон, кто бы ты ни был!» — мысленно выкрикнула она и вихрь алмазной изморозью распластался у её ног. «Не бросай меня, Лоти! — взмолился чей-то бесплотный голос с удивительно богатыми обертонами, и неожиданно зловеще добавил: — Берегись, моя ветреная красавица, однажды ты пожалеешь о своём упрямстве!» Изморозь зашевелилась и Мари, не спуская глаз с возникшего изображения снежного барса, с судорожным вздохом попятилась от него. Зверь был точно такой, какой приснился ей во сне после выпускного бала. На её счастье, створки люка сомкнулись и изморозь под действием тепла расплылась безобидным мокрым пятном. Снежный барс исчез и она, стараясь не бежать, направилась к двери, которая отделяла входной тамбур от салона самолёта. Эти несколько шагов дались ей нелегко, она шла будто под дулом пистолета.

Оказавшись в безопасности, Мари облегчённо выдохнула и на всякий случай положила ладонь на лоб. Он был влажным и холодным, без признака горячки. В общем-то, их раса практически не болела инфекционными болезнями, связанными с переохлаждением, и это был скорее жест надежды. «Ладно, были глюки и сплыли, так что нечего трястись! И мистика здесь ни при чём. Наверняка это шуточки какого-нибудь идиота», — сказала она себе в утешение, хотя ей не слишком в это верилось.

В салоне стоял страшный шум. Выпускники и наставники, возбуждённые появлением Старейшего, оживленно болтали друг с другом, обсуждая его речь. На Мари никто даже не обратил внимания. «Чёрт знает что творится! Ещё немного, и я осталась бы на подножном корму в ледяной пустыне, а никому и дела нет», — с раздражением подумала она, и огляделась по сторонам, ища Соню и Ивана. Они сидели по разные стороны от прохода и делали вид, что не замечают друг до друга. «Понятно. Ссора приняла затяжной характер. Если Беккер и Ладожский думают, что я вновь заявлюсь к ним с пальмовой ветвью в клюве, то они глубоко ошибаются»

Миновав друзей, Мари направилась к свободным местам в хвосте самолёта. Одолеваемая усталостью, она упала в кресло и, пристегнувшись, закрыла глаза. Странные события вымотали её физически и душевно. Всё, о чем она сейчас мечтала это только о покое.

Первой пришла Соня.

— Вечно тебя где-то носит! — проворчала она, сев рядом с ней. — Зай, ты где пропадала? Чего молчишь?

— На горшке, — буркнула Мари.

— Не придумывай! Туалет закрыт до взлёта.

— Тогда пряталась под креслом. Как тебе такая версия?

— Что, совсем не хорошо? — встревоженная Соня взяла её за руку. — Может, принести воды?

— Не нужно. Думаю, скоро само пройдёт, — пробормотала Мари, стараясь не поддаваться угрызням совести. — Голова болит. Похоже, ноосфера разбушевалась, — выдала она стандартную отговорку.

— Да? — удивилась Соня, принявшая её слова за чистую монету.

Она прислушалась к себе.

— Я ничего не чувствую. Впрочем, её восприятие носит индивидуальный характер.

Мари пожала плечами и вновь закрыла глаза, показывая, что не хочет разговаривать.

Вскоре Иван тоже не выдержал и пересел к ним поближе, но сел не рядом, а в кресло, отделённое от девушек проходом. «Привет!» — сказал он и обе покосились на него, одна — с усталым равнодушием, другая — с высокомерным удивлением, но обе ничего ему не ответили и вдобавок синхронно отвернулись. «Подумаешь! Очень надо было с вами разговаривать!» — рассердился он и ушёл к друзьям.

Постепенно в салоне самолета воцарилась тишина, нарушаемая лишь приглушённым рёвом моторов. День, до предела насыщенный событиями, наконец-то утомил даже самых говорливых. Правда, стюардессы, катящие тележки с провизией, вызвали в салоне всплеск оживления, но и он быстро сошёл на нет.

Светало. И, как всегда бывает на рассвете, всех потянуло в сон.

ГЛАВА 8. Божественный пантеон. Явление наследника Сияющего двора, о котором и собственный папочка ничего не знает, а кто его мать и вовсе загадка

С бегством принца Николса скандал при Сияющем дворе рос и множился. Придворные разделились примерно поровну, гадая, кто теперь станет наследником лорда Хаоса. Одни ставили на законных наследников от его бывших жён, другие — на внебрачных отпрысков. При этом называлось множество имён, плелось множество интриг, и заключались многочисленные пари, кто победит в престижной гонке. Причём на кон ставились не только жезлы с божественной силой, но и более экзотические заклады. Какой-то чудак поставил свои рога и свободу на четверть круга Перерождения на то, что вернётся принц Николс и по-прежнему останется наследником. Конечно же, его всячески обсмеяли и посоветовали приобрести рабский ошейник по своему вкусу и начать растить новые рога.

Обитатели Сияющего двора были уверены и не безосновательно, что принцу Николсу наследником больше не быть, даже если ему вдруг взбредёт в голову вернуться и повиниться перед отцом. Лорд Хаоса никого не прощал и никого не щадил: ни родственников, ни друзей. Идти против его воли, значило напрашиваться на смертельные неприятности. Вот поэтому никто не верил, что Николс вернётся, зная, что может оказаться в Адской Бездне, отданный на растерзание лорду Ваатору, личному палачу лорда Хаоса. Впрочем, были варианты и похуже, он мог приказать развоплотить сына и пустить его прахом по эфиру — в назидание другим потомкам.

В общем, Сияющий двор, довольный новым развлечением, шумел и волновался. Поэтому споры частенько перерастали в повальные потасовки, во время которых летали не только сгустки энергии, но также выбитые зубы, клыки жуткого размера, вырванные шипы и конечности, причём в количестве значительно большем четырёх на пострадавшую единицу, даже с учётом хвоста.

Внутренняя стража уже замучилась разнимать драчунов, которые совсем распустились, видя лояльное отношение лорда Хаоса к творящемуся безобразию. Судя по всему, его забавляли выходки задиристых придворных. Оттого стражники, работавшие без выходных, пребывали в повальной депрессии, и зверствовали почём зря. Прежде чем арестовать нарушителей порядка они так их отделявали, что те не скоро решались на новые подвиги. Потому со временем драчуны утомонились. Если уж им совсем было не вмоготу и страшно хотелось подраться, то они выбирали укромный уголок и сразу же линяли, стоило появиться отряду вооружённых парней с каменными физиономиями.

Во время очередной драки — она разразилась у сказочно красивого павильона, охраняемого стражей из элитного подразделения — под его беломраморные стены незаметно проскользнул мальчик и спрятался в пышно разросшихся розовых кустах. На вид ему было лет десять. По меркам Сияющего двора это означало, что он живёт свой первый круг Перерождения. Правда, в здешних местах внешний облик мало что значил и не всегда говорил о реальном возрасте его обладателя. С таким же успехом ребёнок мог быть взрослой сущностью, которая в своём существовании насчитывает уже ни один круг Перерождения. Вот только по повадкам малышня всегда отличается от взрослых. Так что мимика лица и выражение глаз мальчика свидетельствовали в пользу его видимого возраста.

Скрыв ауру коконом непроницаемости, он старался не шевелиться, чтобы не выдать

своего присутствия. Когда он уже перестал надеяться на успех, его терпение было вознаграждено. Старший караула не выдержал, и по его приказу часть воинов бросилась отгонять драчунов от охраняемого объекта. Их моментально оттеснили, но ненадолго. Недавние противники сразу же сплотили ряды и уже единым фронтом выступили против общего врага. Правда, стражу несколько не смутила подобная рекогносцировка. Окрылённые возможностью немного размяться во время скучного дежурства, воины с таким энтузиазмом взялись за дело, что в эфире сразу же ощутилось прибавилось обрывков одежды, чешуи, зубов и прочих частей тел.

Синечешуйчатая демонесса из подразделения Дев Ада с удовольствием наблюдала за слаженной работой коллег. Она поймала пролетающую мимо челюсть и со знанием дела определила, что она принадлежит демону из Микронийской нереальности. Драка веселила её, но дело было прежде всего. Она надела магические очки и скользнула за угол. Здесь она и обнаружила притаившегося мальчишку. «Отлично! Вот уж не ожидала, что это действительно ребёнок. Пожалуй, хвостатая шлюшка слишком уж расщедрилась за столь простое поручение», — подумала она.

Демонесса скользнула к мальчику, и легко коснулась его плеча. Дёрнувшись, тот испуганно на неё посмотрел, но она приложила палец к губам.

— Тсс! Не шуми! Миледи Баастет велела передать тебе кое-что. Вот, держи! — чуть слышно прошипела она и протянула мальчику чёрный медальон с изображением кошки. Поймав его недоумённый взгляд, она пояснила: — Это штучка поможет тебе попасть внутрь павильона, а затем проведёт к Лилит. Запомни, для её пробуждения ты должен приложить к кокону медальон. Понял?

— Да. Огромное спасибо, почтенная! Не знаю, как благодарить вас за помощь, — взволнованный мальчик с благодарностью глянул на демонессу и низко поклонился.

Судя по знакам отличия на кожаном зелёном плаще, она занимала далеко не последнее место в служебной иерархии Адской Бездны.

— Малыш, ты не по адресу. Слава создателю, я всего лишь курьер, а за всё хорошее позже поблагодаришь миледи Баастет, — внутренне усмехнувшись, прошипела Дева Ада.

Она была уверена, что мальчику не выбраться живым из павильона. Передавая ему медальон, она нечаянно коснулась его руки и замерла. Плёнка внутреннего века полностью скрыла синие с вертикальным зрачком глаза, превратив их в бельма. Это свидетельствовало о немалом душевном смятении.

— Что с вами, почтенная? — тревожно прошептал мальчик.

Демонесса моргнула.

— Ты кто? — требовательно спросила она.

— Лозан, приемный сын лорда Океана.

«Вот дьявол! Ну, и влип! — с досадой подумала демонесса, глядя на недоумевающего мальчика. Она осмотрелась по сторонам и присела перед ним на корточки.

— Послушай, Лозан, чтобы пробудить миледи Лилит, воспользуйся своей кровью, а не амулетом. Хорошо? — тихо прошептала демонесса без малейшего шипения в голосе, и на её лице тут же промелькнуло сомнение. Она пристально глянула на мальчика и холодно добавила: — Хотя это не моё дело. Решай сам: кровь или амулет.

Выпрямившись, демонесса снова заколебалась. «Очень надеюсь, что обойдётся без чудес, но вдруг? Нужно подстраховаться, — она тяжело вздохнула. — Это мне в наказание за жадность».

— Держи, — проговорила она, и в руках у мальчика оказался витиеватый сине-чёрный кинжал. — Я Шиамита. Если будешь нуждаться в помощи, достаточно капнуть кровью на кинжал и позвать меня по имени. Но учти, я отзовусь только в случае крайней нужды.

— Спасибо, — Лозан озадаченно глянул на подарок и поднял глаза, но демонессы уже и след простыл. Тогда он засунул кинжал в специальное отделение в мягких сапожках и снова замер в ожидании.

Когда старший караула отвернулся, чтобы отдать распоряжения, мальчик понял, что пора действовать и скользнул под арку, затянутую силовой пленкой. Прячась от посторонних глаз, он свернул за угол и плюхнулся на узорчатый пол за этажеркой.

«Слава создателю, миледи Баастет не обманула. Я проскочил Завесу смерти!» — Лозан облегчённо перевел дух и, запустив руку в вырез рубашки, вытащил медальон с изображением чёрной кошки. Когда из него ударил красный луч, он вскочил на ноги и бросился в указанном направлении.

Амулет ещё несколько раз указывал мальчику путь, пока он не очутился в богато изукрашенных покоях. Здесь, заключённая в светящийся силовой кокон, спала прекраснейшая из богинь. От её тела и прозрачных крыльев с радужными переливами исходило такое чистое сияние что Лозан, до последнего сомневающийся в правильности своего поступка, воспрянул духом. С надеждой на лице он упал на колени и воскликнул:

— О, миледи Лилит, пожалуйста, проснитесь! Я не хотел тревожить вас, но вы единственная, кто может мне помочь!

Но его горячая мольба осталась без ответа.

— Что же мне делать? — пробормотал мальчик, глядя на чудесное, но недоступное существо.

«Вот дурак! Чего я ору? Ведь свёртка минипространства не пропускает внутрь ни единого воздействия... Значит, нужен ключ!» Лозан достал медальон и с сомнением посмотрел на мордочку злобно оскалившейся кошки. Затем он снова спрятал медальон на груди и достал кинжал, припрятанный за голенищем сапога. Но только он занёс его над рукой, как его обнаружили.

— Ах ты, щенок! Уму непостижимо, как он сумел прорваться внутрь!

Несмотря на мгновенный бросок воинов, мальчик оказался проворней. Кинжал рассёк кожу, и алая струя крови брызнула на силовой кокон. Под её действием он ярко вспыхнул и с лёгким хлопком рассеялся.

— Миледи! Умоляю вас, проснитесь!.. Пустите, сволочи! Я должен кое-что сказать миледи Лилит! Слышите, должен! Пока ещё не поздно!

Беспреданно оглядываясь, Лозан изо всех сил отбивался от высоченного воина, который схватил его. От отчаяния у него брызнули слёзы из глаз. Цель была так близка, и ему не хватило самой малости, чтобы осуществить свой замысел.

— Силён брыкаться, поганец, — проворчал воин и шлёпнул его по задку. — Хватит, успокойся уже! Слёзы и байки прибереги для палача, не трать их понапрасну. Лорду Ваатору расскажешь свою трогательную историю перед тем, как он прикажет спустить с тебя шкуру. Гарантирую тебе его сострадание и море сочувствия. Только я на твоём месте не очень бы обольщался, ведь у их светлости каменное сердце. Ещё ни один из его подопечных не ушёл живым, кроме как по приказанию их божественности.

— Что за шум? Николс, мне показалось, или ты на самом деле звал меня? Ты где, малыш? — вдруг раздался мелодичный голос. Вокруг рассыпались звонкие хрусталики

смеха. — Вот шалун! Хватит прятаться, быстрей иди к маме. Я по тебе соскучилась.

— Миледи, это я! Это я кричал! Скажите им, пусть меня отпустят, я должен с вами поговорить!.. — выкрикнул Лозан, до того как воин успел заткнуть ему рот.

— О! Спросонья в моей голове всё перепуталось, ведь Николс давно уже вырос. Иди ко мне, малыш! — позвала богиня, ласково глядя на мальчика. — Милый, отпусти ребёнка, я хочу знать, что у него случилось, — обратилась он к воину, который его держал.

— Миледи, это невозможно! У сопляка нашли кинжал и Заклятие Чёрной смерти! Он хотел убить вас!

— Вот ведь упрямец! — Лилит повернула голову к коренастому невысокому мужчине, который выделялся на фоне остальных воинов только тем, что его чешуйчатые доспехи отливали тёмным золотом.

— Капитан, прикажите своим людям, пусть они отпустят мальчика. Я ручаюсь за него. Мужчина нахмурился.

— Не могу, миледи. Иначе их божественность спустит с меня шкуру.

— Не бойтесь, капитан, я переговорю с лордом Хаосом, вы не будете наказаны. А теперь отпустите мальчика.

— Нет, миледи, — последовал ответ, и светлая богиня перестала улыбаться.

— Мальчики! — протянула она, глядя на стражу, — почему вы решили, что можете не подчиняться моим приказам?

— Что вы, миледи! Даже в мыслях не было ослушаться вас, но всё-таки лучше дождаться решения их божественности...

— Ай-я-яй! Думаете, я не смогу вас достойно наказать? — удивилась богиня.

Судя по всему, стража думала именно так. Глядя на мрачные физиономии воинов, которые чёрными башнями окружали её ложе, она вдруг по-девчоночьи хихикнула, и во все стороны полетели золотые стрелы.

— Капитан, имейте в виду, я вас предупреждала, — сказала Лилит и улыбнулась мальчику. — Подойди ко мне, милый.

Воины недоумённо переглянулись. Стрелы не причинили им ни малейшего вреда, во всяком случае, видимого. Кое-кто из них не выдержал и заухмылялся, решив, что богиня их просто пугала, но они ошибались.

Капитан был единственным, кого миновали стрелы Лилит и он, увидев, что творится с его подчинёнными, потемнел лицом.

— Миледи, не будьте столь жестоки! Если хотите, я готов на коленях молить о прощении!

— Это бесполезно, — на лице Лилит появилось сожаление. — Даже мне не повернуть заклятье вспять. Но вы не отчаивайтесь, мой друг. Обещаю, к вечеру любовное зелье выдохнется, — пообещала она.

— Только к вечеру?! Создатель! Какой позор! — капитан со стоном схватился за голову, а затем бросился закрывать двери павильона, чтобы его отборную гвардию не увидели посторонние. Несмотря на долгий извилистый путь к саркофагу Лилит, помещение было одно, хоть и внушительных размеров.

Тем временем оставшийся без присмотра Лозан со всех ног бросился к богине. Петля как заяц, он старался не приближаться к страже, но его предосторожности были излишними. На него никто не обращал внимания. Многозначительно улыбаясь, воины шли навстречу друг другу.

— Миледи, клянусь, я не хотел сделать вам ничего плохого! — воскликнул мальчик, порывисто обняв богиню.

Лилит ласково потрепала его по голове.

— Я знаю, малыш! Подожди-ка минутку. Давай сначала переместимся в мои покои, и ты расскажешь, что случилось. Хорошо?

Прежде уйти, она окинула взглядом грандиозную картину набирающего мощь яойного действия, не забыв при этом прикрыть глаза мальчику. Ужимки влюблённых мужчин привели её в такой восторг, что она не выдержала и захохотала.

Решив, что хуже уже не будет, Лилит швырнула в стражу новую порцию стрел и однополая любовь закипела с новой силой. Когда к страстным мужским стонам добавились неприличные разговоры, с обсуждением достоинств партнёров, а любопытный мальчишка завертелся ужом в её руках, стремясь увидеть, что происходит, она подхватила его на руки и скользнула в открывшийся временной портал. Он привёл их не во дворец, как можно было ожидать, а в уютную беседку, увитую цветами.

«Ух ты! Здесь здорово!» — восхитился мальчик. И в самом деле, они находились в волшебном саду, где птицы, выводя мелодичные рулады, соперничали оперением с цветами, а те, в свою очередь, испускали такой чудесный аромат, что никаким, даже самым изысканным духам было с ними не сравниться.

Вскоре у ступеней беседки появилась робкая газель и, постукивая золотыми копытцами, подошла к богине, требуя ласки. Она потрепала её по бархатистому носу.

— Ну здравствуй, моя красавица!

— А мне можно её погладить?

— Конечно, моё солнышко! Подойди к нему, Родис.

Лозан провёл рукой по бархатистой золотисто-коричневой шкуре газели, и она доверчиво ткнулась в его ладонь, в которой вдруг оказался подсоленный кусочек хлеба.

Лилит неслышно вздохнула. «Такой бесхитростный ребёнок! Как только он выжил при Сияющем дворе? Ума не приложу!» — подумала она. Внезапно глаза мальчика удивлённо округлились, и богиня улыбнулась восторгу, написанному на его лице. Чудеса при Сияющем дворе вряд ли можно было отнести к разряду доброй сказки, потому что неудивительно что Лозан впервые видел фей.

Крошечные создания разноцветным облаком ворвались внутрь беседки и, возбуждённо чирикавая, зависли над головой своей повелительницы.

— Ах, мои дорогие! Счастлива видеть вас в добром здравии!.. Увы, мои хорошие, ничего не выйдет. К сожалению, у меня мало времени, и я хочу успеть поговорить с этим обаятельным молодым человеком. В следующий раз мы обязательно поболтаем. Хорошо? Девочки, уведите с собой мою Родис, а то её вмиг сожрут прожорливые подданные лорда Хаоса. Не знаю, как она находит меня при каждом пробуждении. Летите домой, вам тоже небезопасно здесь находиться, — ласково проговорила Лилит разочарованным крошкам, но они послушно упорхнули, повинувшись взмаху её изящной руки.

— Наконец-то мы одни, дружок, — богиня с участием заглянула в погрустневшее детское личико. — Что случилось, малыш? Почему ты так отчаянно звал меня?.. Хотя нет. Времени у нас немного, потому прими истинную форму, так будет значительно быстрее.

Поймав испуганный взгляд мальчика, она удивлённо приподняла брови.

— В чём дело? Не бойся, я не причиню тебе вреда.

— Не сердитесь, миледи, но я не умею, — потупившись, признался Лозан.

— Чего ты не умеешь? — не поняла Лилит.

— Принимать истинную форму. Милорд Океан не разрешал мне ею пользоваться и даже специально заблокировал, чтобы это случайно не вышло.

— О, какой ты загадочный ребенок! Похоже, твоя жизнь полна тайн! Ну, это не проблема, мой дорогой. Ведь я могу в любой момент вызвать твой истинный облик. Дай мне руку и ничего не бойся.

И столько было материнской ласки в голосе прекрасной богини, что мальчик бестрепетно протянул ей руку. Золотой туман крыльев, искрящийся радужными всполохами, окутал его, возвращая к исходной форме и перед Лилит предстал удивительно красивый, даже по меркам Сияющего двора, стройный темноволосый подросток. Она с изумлением воззрилась на знакомое ей личико с бирюзовыми глазами и, пройдясь по генкоду ребёнка, постаралась скрыть бушующие эмоции.

— Как тебя зовут и чей ты сын? — мягко спросила она.

— Лозан. Я подкидыш, которого усыновил милорд Океан, — с горечью в голосе ответил мальчик. Перед его мысленным взором промелькнула демонесса, задавшая ему тот же вопрос, но он тут же позабыл о ней.

— Миледи, помогите милорду Океану! Ну, пожалуйста! Иначе его скоро развоплотят в Адской Бездне! — воскликнул он, умоляюще глядя на Лилит, и она усмехнулась, видя, как бирюзовые глаза мальчика знакомо засверкали гневом. — Несправедливо убивать его только за то, что принц Николс сбежал из Сияющего двора, подавшись в творцы!

— Что?.. И лорд Хаоса его отпустил? — встрепелась Лилит. — Час от часу не легче! — расстроилась она.

— Да, миледи. Его божественность страшно разозлился, но вы не беспокойтесь, принц жив и здоров. Говорят, что он стал творцом, который умеет создавать собственные источники божественной силы, — лицо мальчика засияло восторгом. — Знаете, миледи, он мой герой! Хочу быть свободным, как их высочество и делать всё, что моей душе угодно! — он горделиво выпрямился. — Когда-нибудь я тоже стану творцом. Пожалуй, я тоже уйду в Междумирье. Без милорда Океана здесь мне делать нечего. Всё равно я никому не нужен.

— О нет! — встревоженная Лилит, взяв мальчика за плечи, заглянула ему в глаза. — Мой дорогой, на дорогах Междумирья путников подстерегает куча опасностей. Знай, что мне ты небезразличен! Я буду очень волноваться, если с тобой что-нибудь случится. Лозан, пообещай не совершать опрометчивых поступков! Сначала подрасти, и стань таким же сильным как Николс. Хорошо?

— Хорошо, миледи, — мальчик, до глубины души тронутый её участием, удивлённо хлопнул ресницами и расплылся в довольной улыбке. — Вы так добры, как я могу вас послушаться?

— Вот и замечательно! Ах ты, моё солнышко! — поцеловав ничего не понимающего мальчика, Лилит прижала его к себе и пригладила на макушке непослушные пряди блестящих волос. — Какая жестокость! Что же это за дрянная мать, что посмела бросить тебя, лишив любви и ласки? — с жалостью воскликнула она и из её глаз покатались слёзы, застывая на лету капельками прозрачайших алмазов.

— Лилит! Ах ты, мелкий урод! Как ты посмел нарушить её покой! — раздался яростный рык и мальчик, отброшенный страшной силой, с испуганным воплем полетел в раскрывшуюся Адскую Бездну. Вслед ему понёсся приказ: — Возродить и пытаться до тех пор, пока не рассыплется первичной материей!

Последовавшая за этим реакция Радужнокрылой богини счастья оказалась несколько неожиданной для придворных лорда Хаоса, державшихся от него на почтительном расстоянии. Сняв с ноги туфельку, она принялась с ожесточением колотить ею мужа по ужасной шипастой голове.

— Ах ты, старый мерзкий урод! Немедленно верни бедного ребенка! Идиот! Ни в чём нельзя на тебя положиться! Почему наш единственный сын в одиночестве болтается по Междумирию и подвергает себя опасностям?

— Спокойно, дорогая! Умоляю, только не расстраивайся! Кто тебе сказал, что Николс один? У него есть охрана. Один очень толковый молодой человек и по силе далеко не последний при моём дворе. Поверь, мой ангел, в дуэте парни настолько сильны, что с этими двумя оболтусами никто не справится. И вообще, ты же знаешь, какой Николс прохиндей. Не силой так умом он так раскатает противников, что мало им не покажется, — проскрипел лорд Хаоса, лоя в объятия не на шутку разбушевавшуюся супругу.

— Чудовище! Ты исцарапал мне кожу своими дурацкими шипами и чешуей!

Воспользовавшись моментом, Лилит развернула радужно-прозрачные крылья и с них посыпалась золотая пыльца. Застигнутый врасплох лорд Хаоса попытался уклониться, но безуспешно. Под воздействием волшебства богини любви его жуткий облик начал таять, уступая место истинному виду. Высокомерный красавец-бог с искрящимися инеем длинными волосами примирительно улыбнулся, глядя на рассерженную жену. Правда, улыбка не коснулась его чёрных глаз, в глубине которых алыми точками горел негасимый огонь сумасшествия.

— Прости, любимая. Я подзабыл какая ты неженка. Раз уж выпал такой случай, идём в наши покои. У нас есть немного времени до возвратной трансформации. Я страшно соскучился по тебе и хочу, чтобы мы немного побыли наедине без всех этих рож, что глазенют на нас со всех сторон.

— Хорошо, дорогой. Твое желание для меня закон... — в фиалковых глазах вспыхнула ответная нежность.

Лилит начала стремительно изменяться, возвращая себе истинный облик, но внезапно она остановилась.

— Лит, где малыш? Ты вернул его из Адской Бездны?

— Ещё нет. Верну чуть позже, — хладнокровно ответил лорд Хаоса, делая вид, что не замечает её тревоги.

— Лит, сдурел? Это же твой родной внук! Верни его немедленно!

— Не нужно так волноваться, любимая. Я знаю, что Лозан — мой внук. Пусть немного побудет в Аду вместе с Океаном. Мальчишке не помешает лёгкое наказание и небольшая экскурсия по местам заключения его воспитателя. Ну-ну! Ничего страшного с ним не произойдёт. Я распорядился всыпать ему десять плетей для острастки, а затем поселить в покоях Николса. Он мой наследник. Как только Океан оклемается, он займётся воспитанием Лозана и даст соответствующее его статусу образование. И не спорь со мной, я так решил.

— Лит, ты ужасен.

— Знаю, дорогая. Но ведь к нашей любви это не имеет никакого отношения. Не так ли?

— Да, дорогой. Любимых не выбирают.

— Вот и замечательно, — высокомерно вымолвил лорд Хаоса, подхватывая на руки златокудрую красавицу.

Его очерствевшее сердце снова сжала застарелая тревога, — ведь срок жизни его

единственной любви неумолимо сокращался, становясь все короче от Перерождения к Перерождению. На мгновение он прижался губами к гладкой, благоухающей цветами щеке и, отстранившись, с ласковой насмешкой спросил:

— Дорогая, какого чёрта? Зачем ты устроила яойную вакханалию среди моих стражей?

— Нечего было злить меня! А то тебя они боятся до ..., пардон, а я для них пустое место!

— Как не стыдно, моя любовь! Знаешь ли ты, что теперь суровые мужики прячутся по углам и рыдают, как малые дети, вспоминая своё недавнее позорище. Между прочим, их капитан грозился покончить с собой.

— Ой! Я не хотела! — не на шутку встревожилась Лилит и с надеждой посмотрела на мужа. — Лит, ведь ты не дашь ему умереть?

Тот приподнял бровь.

— Это ещё почему? Жить или не жить — это его личный выбор.

— О нет!

— Кошмар! Прекрати лить слёзы!.. Ладно, только ради тебя, — снисходительно произнёс лорд Хаоса, предвидя реакцию жены на свои слова. — Да, уж! Должен заметить, что твои методы оказались куда действенней, чем можно было ожидать. Теперь мои элитные воины боятся тебя настолько, что наотрез отказываются нести караул у твоего павильона. Так что задала ты мне задачку. Теперь придётся наказать весь Легион Внутренней стражи.

— Не нужно, Лит! Они же не виноваты. Пожалуйста, не наказывай их, я сама справлюсь. Просто передай мальчикам, что как только я проснусь и узнаю, что они отказывались дежурить, то буду до тех пор проводить среди них повторные сеансы яойной сексотерапии, пока они не войдут во вкус.

— Ах ты, жестокая женщина! А я пригрозил всего лишь сутками пыток в Адской Бездне.

— Милый, я же правда пошутила. Лит, прошу тебя! Не надо наказывать стражу! Всё не так уж плохо. Когда они немного успокоятся, то сами над собой посмеются. Ведь теперь мальчикам будет что вспомнить длинными скучными вечерами.

— Это уж точно!

В павильоне Лилит было светло и холодно. Богиня снова спала, омываемая волнами эфира, который заменял здесь воздух. В нём витали ароматы поздней осени — пахло прелыми листьями, дымом и грибами. Но над всеми этими запахами господствовал горький запах хризантем, чьи головки многоцветным ковром закрывали мраморный пол усыпальницы.

Приготовления были закончены, и лорд Хаоса, отступив на шаг, взмахнул когтистой дланью. Невыносимо яркий свет окутал фигурку Лилит, свободно парящую в эфире. Свечение быстро пошло на убыль, но низкий гул ещё долго не затихал, что свидетельствовало о неимоверном количестве божественной энергии, которую он влил в защитный кокон. Печальный Лит проверил всё ли в порядке и напоследок убрал доступ через кровь, которым воспользовался Лозан.

— Спи спокойно, моя любовь. Больше никто тебя не побеспокоит, — сказал он, глядя на жену, и горько улыбнулся. — Лилит, Лилит! И любя тебя, находишься в аду, а без тебя и вовсе ад крошечный.

Прекрасный облик лорда Хаоса начал медленно таять, уступая место его прежней ужасной личине. Он вырос в высоту и раздался вширь, пока окончательно не превратился в громадное шипастое чудовище. Повелитель всего сущего пристегнул на пояс возникший сине-чёрный меч, а затем нетерпеливо глянул в открывшуюся Адскую Бездну.

— Ваатор! — прорычал он. — Пропусти мальчишку через ваши прелести в Бездне, но постарайся закалить его дух, а не сломать. Мне неженки в наследниках не нужны. Океана давай на восстановление, чтобы он был в форме, когда Лозан дойдёт до нужной кондиции.

— Слушаюсь и повинуюсь, ваша божественность! — проревел снизу жуткий голос, и Адская Бездна, прежде чем закрыться, полыхнула зловещим пламенем.

«Проклятье!» — расстроился палач, глядя на бездыханного мальчика.

— Эй, кто там! Живо тащите жезлы силы и этого старикашку Океана! Будем откачивать мальчика.

— Да, милорд! — мгновенно откликнулась Дева Ада.

И Шиамита швырнула под ноги лорду Ваатору чуть живого воспитателя принца Николса, а затем склонилась над Лозаном. Закрыв собой мальчика, она потянулась было к своему кинжалу, по-прежнему находящемуся в голенище его сапога, но передумала. Приведя Лозана в чувство, она прижала палец к губам. «Держись, я с тобой!» — беззвучно шепнула Дева Ада. «Спасибо!» — взглядом ответил мальчик и из его глаз, затуманенных болью, покатались слёзы.

[1] Этот миг просветления, когда она слышала музыку небесных сфер, Мари не забывала никогда. Воспоминание о чуде она пронесла через всю свою жизнь, богатую приключениями.

ГЛАВА 9. Академия. Золотые близнецы

Тьен одним из первых выскользнул из аудитории и бросился к кабинету ректора, но по дороге его перехватила девушка, такая же рыжеволосая и златоглазая, как он.

— Постой, Тай! Зачем ты понадобился милорду? — спросила она, поймав его за рукав.

— Откуда я знаю?! — с лёгким раздражением ответил он сестре, которая не только входила в обширную вампирскую семью Моррисонов, но и приходилась ему близняшкой по крови.

— Кати, ты же стояла рядом и всё слышала, поэтому можешь сама сделать соответствующие выводы. Пусти, я хочу успеть первым к лорду Смиту на приём, пока в его кабинете кто-нибудь не окопался.

— Ладно, беги, а то говорят, в последнее время в приёмной ректора творится какой-то ужас! — воскликнула девушка, по-прежнему следуя за братом.

Из них двоих вся золотая красота досталась Тьену, а Кати максимум на что тянула это на симпатяшку, да и то лишь благодаря лёгкому нраву. Несмотря на это, она была душой многих компаний и пользовалась бешеным успехом у мужчин, чему немало способствовали её общительность и чисто французская пикантность. Как бы то ни было, девушка несколько не завидовала красавцу брату и по-матерински опекала его. По мере сил она старалась избавить его от житейских напастей, к которым относилась и его многочисленных поклонниц. Тьен платил ей той же самой монетой и, любя сестру, терпеливо сносил её порой навязчивую заботу.

Юноша уже начал спускаться по лестнице, но краем глаза уловил нерешительное выражение на личике сестры и остановился.

— Ты знаешь что-то, чего не знаю я? — спросил он и видя, что она по-прежнему колеблется, повелительно добавил: — Котёнок, отвечай!

— Mon ami, зря ты не пошел на торжественное построение, — не выдержала Кати и злорадно добавила: — Не хотелось бы тебя огорчать, но твоя девица снова отличилась.

— Что случилось? Говори, не тьяни! — встревоженный Тьен тряхнул сестру за плечи. — Кати!

— В принципе ничего особенного, — замялась девушка, а потом её прорвало, и она затараторила: — Представляешь, во время выступления Старейшего, я поймала ментальную волну, на которой твоя стерва очень мило кокетничала с нашей живой легендой. Нет! Ну, почему все самое лучшее достается ей? Так нечестно!

— Чёрт! Ты можешь сказать, что с Мари?

— Да, ничего! Поверь, твоя придурочная красотка в полном порядке, честное слово, — фыркнув, сказала Кати. — Зная тебя, я специально подошла к их группе перед отправкой домой. По-моему, она выглядела как обычно. Мы даже чуточку поболтали. Правда, она несла всякую чушь и, заметь, гораздо больше интересовалась Старейшим, чем тобой.

Сделав ударение на последних словах, Кати многозначительно посмотрела на брата.

— Вот идиотка! Как будто я знаю больше других, — поскущела она и отвела глаза, когда Тьен ответил ей откровенно недоверчивым взглядом.

Для него не было секретом, что сестра терпеть не может Мари и никакие увещания тут не помогали. Кати считала её высокомерной хитрой стервой, которая специально водит

за нос её любимого брата, чтобы покрепче привязать его к себе, а затем в один прекрасный день бросить. И она имела право на такое мнение, — ведь Мари неоднократно проделывала такой фокус с другими парнями. Во всяком случае, со стороны это выглядело именно так. Всё же ради брата Кати её терпела и старалась не вмешиваться в их отношения. Как благоразумная девушка, она решила подождать, когда время расставит всё по своим местам. И тогда одно из двух: либо она по-прежнему останется для брата самым близким человеком, либо отдалится на положенное расстояние. Правда, при мысли о таком исходе у Кати тоскливо сжималось сердечко. Ведь они с Тьеном были не только единоутробными детьми, их крепко связывало эмоциональное ментальное поле, возникшее при вампирской инициации.

— Почему ты решила, что с Мари беседовал именно Старейший, а не кто-либо другой? — задал Тьен резонный вопрос.

Он знал, что Кати страшно ревнует его к Мари.

— Так и знала, что общение с этой идиоткой не пойдёт тебе на пользу, — пропела она, иронично глядя на брата. — Тай, совсем что ли перестал соображать? Ведь у нас с тобой общий талант, который позволяет определять местонахождение любого в пространстве. Лично мне не составляет особого труда узнать, кто с кем беседует в ментальном потоке. Но должна признать, что на этот раз я определила с большим трудом: от Старейшего исходило сразу несколько каналов связи. Как такое возможно, ума не приложу!

— Спасибо за информацию, сестричка. Сказанное тобой очень познавательно, но вряд ли это имеет к нам с Мари хоть какое-то отношение. Прошу тебя, котёнок, если не хочешь со мной поссориться, больше не называй мою девушку гнусными прозвищами. Хорошо? Ты же знаешь, я люблю Мари.

Насупившаяся Кати не выдержала и выпалила с раздражением:

— Боже, Тай! Не будь дураком больше, чем ты есть! Неужели не ясно, что Палевская, отвалив из Академии, уже переключилась на другого? А учитывая, кто он, у тебя нет ни малейшего шанса!

— Кати, ты в своём уме?

Смерив сестру насмешливым взглядом, Тьен бросился бежать вниз по лестнице.

— Эй! Не говори потом, что я тебе не предупреждала!

— Не болтай ерунду, иди к себе! — Тьен обернулся и, заметив, что сестра опасно свесилась через перила, встревожился. — Котёнок, отойди немедленно! Свалишься, мало не покажется! Забыла, что на лекциях по ОМЗ говорили? Травмы головы для вампиров почти также опасны, как для людей!

— Хорошо-хорошо! Тай, я тебя здесь подожду! — выкрикнула Кати.

Довольная что брат беспокоится за неё, девушка присела на ступеньки и с терпением, присущим кошачьей породе, принялась ожидать его возвращения.

Тьену повезло. Вопреки опасениям, у кабинета ректора отсутствовала привычная очередь, как правило, состоящая из очень раздражённых посетителей. В приёмной сидела только весёлая кареглазая секретарша в сексапильном наряде. Она без промедления доложила о посетителе, и лорд Смит велел его впустить — правда, не сразу, а минут через десять.

Войдя в кабинет, юноша глянул на склонённую голову ректора и, видя, что он не обращает на него внимания, осторожно кашлянул.

— Сэр! — когда лорд Смит поднял на него глаза, он вытянулся по стойке смирно и по-

военному четко отрапортовал: — Страж Тьен Моррисон явился по вашему приказанию.

Ректор смерил его холодным взглядом.

— Прекратите, молодой человек, вы не на плацу. Терпеть не могу все эти милитаристские штучки лорда Беккера. Присаживайтесь, поговорим.

— Есть!.. Спасибо, милорд.

Сев на стул, Тьен напряжённо выпрямился. Отчего-то ему вспомнился недавний разговор с сестрой и он, одолеваемый предчувствием грядущих неприятностей, стиснул сцепленные пальцы так сильно, что выступили когти и их кончики слегка пропороли кожу на руках. Да и ректор, который смотрел на него так будто перед ним какая-то диковина, заставлял его дополнительно нервничать.

В общем-то, лорд Смит ощущал себя не лучше, и тоже терялся в догадках. «Вроде обычный мальчик. Красив, конечно, но не думаю, что в этом дело, — он усмехнулся. — Тогда откуда к нему столь пристальное внимание Старейшего? Может, дело в его отце, Симоне Моррисоне? Этот бессменный глава клана Тигров и хитроумный политик возглавляет одно из самых сильных наших региональных объединений». Ректор с сомнением глянул на юношу. «Почему-то мне так не кажется. Вряд ли здесь замешан Симон Моррисон. И потом это странное происшествие во время торжеств, посвящённых нашему первому выпуску».

Вместе с остальными гостями и преподавателями лорд Смит стоял на трибуне и внимательно слушал Старейшего. Его рассеянный взгляд блуждал по плацу, где оловянными солдатиками стояли выпускники Академии, как вдруг одна из фигурок ожила и, что-то крича, побежала к ним. Ректору показалось, что это была Мариэль Палевская, дочь главы Совета старейшин, но он не был в этом уверен. Когда он, встревоженный происходящим, спустился с трибуны, девушка некоторое время ещё бежала навстречу ему, а затем упала как подкошенная. Мариэль Палевская (а ректор был почти уверен, что это она) находилась без сознания, но какая-то сила подняла её вверх и понесла обратно, к строю, который она вдруг покинула.

На этом эпизоде его странные воспоминания заканчивались. Следующее, что помнил лорд Смит, это то, что он снова стоит на трибуне. Вместе с остальными он озадаченно смотрит на гигантскую фигуру Старейшего, не понимая, что случилось, а тот молчит и, устало сгорбившись, трёт виски. А ещё лорду Смиуту очень знакомо ощущение опоясывающей тупой боли в голове, которая ассоциируется у него со временем восстания вампиров в сороковых годах.

Ректор помрачнел. «Хватит! — жёстко одёрнул он сам себя, стараясь при этом заглушить трагические картины из прошлого. — Кто старое помянет, тому глаз вон. И вообще, нечего вешать на Старейшего всех собак! Кто знает, что на самом деле произошло. Пусть мертвые хоронят своих мертвецов, а те кто жив, должны жить будущим, а не прошлым... Dammit! Что-то я отвлёкся! Итак, Старейший, конечно, силён, но потерять память такому количеству людей? Думаю, даже ему это не под силу. Ладно, выпускники, но Совету старейшин, причём чуть ли не в полном составе?» — тем не менее он засомневался и вновь пожалел, что Михаил Палевский не смог приехать на торжества.

Поняв, что ректор вспомнил о нём, Тьен отвёл взгляд от его лица.

— Моррисон, вам запрещено покидать купол Гефеста.

Удивлённый юноша хлопнул длинными ресницами и мягко произнёс:

— Да, милорд, я знаю, что таков порядок. В течение семестра никто не может покинуть

Академию, кроме как по специальному разрешению и то лишь при наличии попутного транспорта.

— Вы не поняли, Моррисон. Вам запрещено покидать купол Академии в течение всех пяти лет обучения, включая время каникул. А также запрещены любые попытки связаться с Мариэль Палевской, под угрозой благополучия вашей семьи.

«Что само по себе уже интересно. Какое дело Старейшему до их встреч? Может быть... нет, полная ерунда». Ректор с сочувствием посмотрел на растерянное лицо юноши и с неудовольствием отметил, что его глаза под действием гнева обрели интенсивную золотую окраску. «Кажется, будут проблемы, — кисло подумал он. — Мальчишка по натуре бунтарь и так просто не сдастся».

— Разрешите вопрос, милорд. Кто отдал такое распоряжение? — спросил Тьен и в его мягком голосе прозвучали стальные нотки, подтверждающие опасения ректора.

— Это закрытая информация. Вы свободны, Моррисон.

— *Прощайте*, милорд, — Тьен встал и как положено отдал честь старшему по званию.

— *До свидания*, Моррисон! — подчёркнуто ответил лорд Смит и добавил: — Мой вам добрый совет: не делайте глупостей. Предупреждаю ещё раз, они смертельно опасны не только для вас, но и для вашей семьи. Учтите это, если вас вдруг потянет на подвиги.

— Спасибо, милорд. Я буду помнить ваше предостережение.

— Да уж, сделайте одолжение, — буркнул ректор и вновь уткнулся в документы.

Тьен сверкнул на него горящими глазами и стремительно вылетел из кабинета.

«For crying out loud! Каких всё же болванов из нас делает любовь!» — вздохнул ректор. Услышав в приоткрытую дверь весёлый щебет новой секретарши, он громко выкрикнул:

— Пруденс, принесите мне чаю!

«Dammit! Вот чего я кричу, когда есть селектор? Ну и кавардак! В основном, в моей бедной голове...»

Бездумно сворачивая из коридора в коридор, Тьен не сразу осознал, что рядом с ним тенью держится сестра.

— Ты мне не лгала насчёт их разговора? — спросил он, резко остановившись.

Прижав ладошку ко рту, Кати испуганно посмотрела на брата.

— Господи, не может быть! Ведь я сама до конца не верила. Так, только интуитивная догадка! — воскликнула она, заглядывая в его отрешённое лицо. — Прости, Тай! Сама того не желая, я оказалась дурной Кассандрой.

Кати порывисто обняла брата, но тот с напряжённой улыбкой высвободился из её рук.

— погоди ты со своими утешениями! Или ты, сестрёнка, тоже недооцениваешь меня?

— Кто, я? — возмутилась девушка. — Мы — золотые тигры Моррисон и этим всё сказано! — она выставила перед собой скрюченные пальцы и издала вполне правдоподобный тигриный рык.

— Вот именно! Никто у нас не отберёт нашу добычу! — поддержал Тьен игру сестры и жёстко добавил: — Мне всё равно, кто мой противник, я не отступлюсь! — он обнял сестру за плечи и заглянул в её сияющее личико. — Ты как, мон ами? Может, поохотимся? А то от всех этих переживаний, что-то я проголодался.

— С удовольствием, Тай! Не порвать ли нам на мелкие кусочки несколько свежайших бифштеков? Я их приготовила, как ты любишь, с кровью.

— Рмяу! Славной тебе охоты, сестричка! Взяли след и вперёд!

— Славной тебе охоты, братец!.. Тай, ты что, всерьёз собираешься воевать со

Старейшим?

— Если он думает, что я трусливо подожду хвост, то он глубоко ошибается, — беспечно ответил Тьен и чмокнул сестру в щёку. — Чем опасней дичь, тем ценней охотничий трофей — вот жизненное кредо нашей семьи, и я не собираюсь нарушать традиции Моррисонов.

— Жуть! — восторженно воскликнула Кати и, с восторгом глядя на брата, торжественно пропела: — Дорогой Тай, я всегда с тобой, что бы ни случилось. Ради тебя я пойду на всё! Клянусь в том своей жизнью!

— Ты моя верная тигрица, Кати! Ради твоего счастья, я тоже готов пойти на всё!.. Кстати, что это за парень, о котором ты в последнее время все уши мне прожужжала?

— Так я и знала, что ты не слушаешь, думая только о своей с... молчу! Можешь злиться, но я рада, что она наконец-то уехала. Слушай, Тай, пошли ты её к чёрту. Давай я познакомлю тебя с одной чудесной девушкой...

— Кати! Как тебе не стыдно? Сколько раз я просил не сватать мне своих подруг, а ты снова в своём репертуаре.

— Я лучше знаю, какая девушка тебе подходит.

— Ну, простите, госпожа Всезнайка! Думаю, я сам справлюсь с выбором девушки.

— Слушался бы меня, не было бы никаких проблем. Ладно-ладно! Не заводись, я же пошутила.

Обнявшись, брат и сестра потаённо улыбнулись друг другу и направились к выходу из здания. Бесшумно скользя, они вышли на улицу и рядом с ними возник призрачный тигр. Ластясь, он прижался к Тьену и тот сначала посмотрел себе под ноги, а затем по сторонам, не понимая, кто толкнул его на пустынной улочке.

ГЛАВА 10. Ужасы вампирской истории

Купол Гефеста. Академия. Начало учебного года. Запись вводной лекции декана Исторического факультета профессора, доктора истории Даниэля Айзека Смита, Старшего лорда клана Ягуара.

— Хочу сказать вам, господа, что наша история коротка и горька. И к моему глубокому сожалению, она под завязку наполнена кровью и насилием. Но вы должны отдавать себе отчёт, как бы вас ни возмущали события прошлого, что без этого прошлого не было бы нашего настоящего.

Так, что за шум-гам в аудитории? Давайте-ка, господа, придём к определённому консенсусу. Если уровень шума на моих занятиях превышает уровень шума предельно мной допустимый, то вы мои лекции слушаете за дверью, а потом сдаёте дополнительный зачёт по факультативу, который я вам назначу. Старосты, сбросьте списки групп на мой ноутбук. Почему ещё не все в клановой одежде? Дамы, ну-ка на выход! Даю вам пять минут на переодевание, если не уложите, то добро пожаловать на дополнительные занятия по истории. Быстрее! Бегом-бегом, время пошло! Да, у вас будет военная подготовка наравне с молодыми людьми, так что привыкайте к дисциплине.

Староста из клана Дракона, что возмесь? Где список вашей группы? Вы что не умеете работать с элементарной техникой? Что значит, вы не можете включиться? Сел аккумулятор? Какая безответственность! И кто только выбрал вас старостой?! Поторопитесь, из-за вас мы теряем драгоценное время...

Слава создателю! Наконец организационные вопросы утрясены, что ж, давайте приступим к занятиям... Так! Опаздывающие — по местам! Нечего из-за дверей выглядывать, как боязливые мышки-норушки. На первый раз я вас прощаю, но больше не ждите от меня поблажек. В Академии нужно придерживаться определённого распорядка, и дисциплина в нём занимает отнюдь не последнее место. Дамы, вам всё ясно? Замечательно. Итак, всем тихо!

История нашего народа, если в кратком изложении, звучит почти библейски: пришёл Старейший, увидел, что мир божий несовершенен без вампира, и создал его. Точнее, воссоздал на основе остатков древнейшего генома, сохранившегося в человечестве с незапамятных времен.

Нет, такого краткого пересказа для сдачи экзамена будет недостаточно. Для получения достойной оценки нужно более подробное изложение вмешательства Старейшего и видных членов современного вампирского общества в историческую ткань Земли. Материала немного, поэтому усвоить его не составит особого труда.

Да, историю человечества мы тоже будем изучать. Всю. И должен вас огорчить, что в более углублённом варианте, чем это преподаётся в человеческих вузах.

Всё! Учтите, никаких выкриков с места — нарушители будут отмечаться в списке и за дверь.

Итак, мы знаем, что вампиры обязаны своим существованием Старейшему. Причём личность и происхождение нашего патриарха неизвестны, предположительно он является представителем предыдущей цивилизации, который сохранил знания и некоторые технические достижения своего мира. Свидетельством тому являемся мы и

экспериментальная база, построенная Старейшим и впоследствии переданная в наше распоряжение. Остались косвенные свидетельства, что существовала другая, более древняя база, которая послужила ему основным полигоном для создания нашей расы. Определённо есть и третья база, которую он построил для себя и где хранит свои основные секреты.

Где она находится? Попробуйте спросить у Старейшего, когда встретите его. Если останетесь в живых, то не считите за труд, поделиться с нами своими сведениями. Нам тоже страшно интересно, чем же там Старейший занимается и заодно узнать, как он выглядит. А то, несмотря на его многочисленные вмешательства в нашу жизнь, он остался для нас *terra incognita* или, если хотите, мистером Иксом. В общем, выбирайте кому какое нравится определение.

Крикуны с мест, выходим за дверь, моё терпение иссякло.

Так, вышли двое. А третий? Поднимаемся и к дверям, не задерживаем товарищей. Не нужно таким образом привлекать моё внимание, уверяю вас, оно вам не понравится.

Тихо!

Итак, активно действовать Старейший начал лишь с середины 15 века, но это только предположение. Достоверных сведений об этом нет. Известно только следующее, что в течение 16 и 17 веков он при помощи инквизиции последовательно уничтожал носителей нашего генома в Европе, и частично в остальном мире. Он оставил только самую сильную часть нашей популяции. Чем ему помешали полукровки, трудно сказать. Возможно, он предвидел охоту инквизиции на ведьм и не хотел, чтобы нас раскрыли раньше времени, обратив внимание на реальные отличия некоторых людей от *homo sapiens vulgaris*. А это вполне могло произойти, если вспомнить документы тех времён и художественные произведения более позднего времени. Уже тогда появились слухи о нашем народе.

Спрашиваете почему именно вампиры? Так нас называли люди. Кому именно, тюркским или славянским народам, мы обязаны своим названием, история не даёт точного ответа, но оно есть и прочно закрепилось во всём мире. Поэтому лично я считаю верхом глупости изобретать другое название, как предлагают некоторые из-за человеческих сказок о мертвецах-кровопийцах. В конце концов, люди не так уж далеки от истины, мы действительно *homo sapiens vampirum*.

Прошу прощения, но поскольку наша раса является искусственно созданной, медицинских аспектов нам не удастся избежать даже в истории. Потому мы поступим в соответствии с рекомендациями господина Гарри Барнза, американского историка и социолога, который ратовал за концепцию новой исторической науки, более привязанной к эволюции цивилизации путём привлечения достижений всех наук о человеке, как-то: географии, биологии, психологии и так далее. Правда, такой многосторонний подход мы используем только по отношению к нашей расе.

Как я уже упоминал, на нашей базе под руководством Старейшего был проведён ряд экспериментов на носителях, оставшихся после проведённой им чистки. И должно признать, после этого наше развитие пошло по нарастающей экспоненте: изменилось внутреннее строение организма, появились новые органы, возникла способность инициировать других особей через свою кровь, закрепились и развились такие признаки, как телепатия, ночное зрение, жизнестойкость, усиленная регенерация и многое другое.

Но были и недостатки, причём существенные. Основная масса вампиров могла вести только ночной образ жизни, питаться только кровью и срок их жизни был не длиннее, чем у людей, если не меньше. Со временем эти недостатки, в большей своей массе, были

устранены и на сегодняшний день мы имеем стабильную общность новых существ.

Тем не менее есть проблемы, решение которым до сих пор не найдено. В частности, это проблема фениксов. Думаю, вы все знаете, что так называют исходный человеческий материал, подвергшийся инициации вампирской кровью.

Фениксы, к великому нашему сожалению, из-за перестройки организма, которая длится около года, по-прежнему психологически неустойчивы. Их в любой момент может одолеть жажда крови, или так называемое «кровавое бешенство». В прошлом дело с этим обстояло гораздо хуже. Фениксы набрасывались на всё, что движется. Бывали случаи, когда они, находясь на начальных стадиях адаптации, вырывались на волю и лишь благодаря тому, что база находилась в глухом месте, в горах, и срок жизни таких фениксов был невелик, удалось избежать широкой огласки, хотя слухи об упырях всё же пошли гулять среди людей.

Так что Дракула своей популярностью, скорей всего, обязан нашим злосчастным фениксам. Причём некоторые моменты их развития поданы им довольно точно. Похоже, у Брема Стокера был под рукой правдивый, но скудный источник, потому что недостающие материалы он явно восполнил своей чрезмерно богатой фантазией.

Нет, господа, давайте не будем углубляться в аспекты человеческой цивилизации. Несмотря на общие истоки, наши пути уже разошлись.

Итак, Старейший периодически безжалостно уничтожал часть популяции вампиров, как неудачные результаты проводимых им экспериментов, причём угадать, по какому именно критерию он проводит выбраковку, было невозможно.

И вот, случилось так, что в 1895 году часть вампиров, напуганная происходящими чистками, сбежала из своей резервации. Специально было так подобрано время или им повезло, но Старейший тогда был в отлучке. К тому времени он уже подготовил себе на смену специалистов-генетиков и довольно часто покидал базу.

Беглецы постарались рассредоточиться и создали свои гнёзда как можно дальше друг от друга, но это им не помогло. Старейший всё равно отыскал их и уничтожил. Причём не сразу, а постепенно. Видимо, он так их наказывал. Когда у беглецов возникала надежда, что они остались незамеченными, тут-то он и появлялся.

Случайно или нет, но трагедия нашего народа перекликается со знаковым человеческим событием, — ведь основная зачистка диких вампирских гнёзд пришлась на Первую мировую войну.

Должно заметить, что Старейший убил не всех. Часть «дикого» молодняка, которым к тому времени обзавелись беглецы, он вернул на базу, но держал их отдельно от остальных. Видимо, они были для него всего лишь расходным материалом. Эксперименты, которые он ставил на диких, были чудовищны, и тем не менее я не могу обвинить Старейшего в бесчеловечности, если только в бесчеловечности учёного, заикленного на идее фикс.

Откуда это известно? Он передал генетикам свои записи по этим экспериментам, и они заявляют, что почерпнули из них очень много ценного для себя.

Сколько «диких» сложили голову на плаху генетики? Их было пятьсот, поровну мужчин и женщин.

Нет, имён не осталось, у Старейшего они значились под номерами. Первый и первая, второй и вторая, третий и третья и так далее. Думаю, вы поняли систему.

Концлагерь, говорите? Ваш пример с человечеством — крайне неудачный пример. Да, леди, это было жестоко. Но если вы так ставите вопрос, то гитлеровская Германия, создавая своего сверхчеловека, убивала куда больше людей, причём убивала бессмысленно, чего, в

общем, никогда не делал Старейший... Не нужно ловить меня на слове. Я сказал, что мы не всегда понимаем, какими принципами при отборе он руководствовался, но это не значит, что у него их не было.

Всё, хватит выкриков с места! На чём я остановился?.. Да, фениксы! Для их инициации Старейший начал использовать супружеские пары, что дало очень хорошие результаты. Инициация фениксов в семьях вызвала качественный скачок в их развитии, что привело к современному поколению вампиров. Возникла устойчивая популяция, частью которой вы и являетесь.

Думаю, единственной по-настоящему крупной ошибкой, которую совершил Старейший, это было его решение о глобальной чистке в 1941 году. Углубившись в исследования, он не принял в расчёт, что его подопытные кролики больше не бессловесное стадо, и не будут покорно ждать, когда из-за неведомого генетического дефекта их пустят в расход.

На этот раз в заговоре участвовали не разрозненные группы, а всё наше сообщество. И это было не стихийное выступление. Восстание было тщательно спланировано, а руководили им супруги Михаэль и Эльжбета Павловичи — оба неординарные личности, и выдающиеся учёные-генетики. Именно они открыли метод дуального воздействия на фениксов в супружеской паре. Старейшего тогда очень заинтересовало их открытие и он, немедля, применил его на практике. Экспериментируя, он, естественно, не считался ни с чьими чувствами и разбивал уже сложившиеся пары по своему усмотрению, причём не обязательно в традиционном варианте.

Молодые люди из клана Ягуара! Посмеётеесь несколько позже, в коридоре. Прошу на выход! Остальным предлагаю успокоиться, если не хотите составить компанию своим товарищам.

Восстание было неизбежно, — ведь вампиры нового поколения жили и работали в тесном контакте друг с другом. В условиях базы и не могло быть иначе. Благодаря этому сообщество стало почти монолитным. Причём за долгие годы у нас сложилось своя государственность, и многие были связаны друг с другом крепкими дружескими и деловыми узами, возникшими в процессе тесного общения.

Конечно, такое единение вампиров пришло не сразу, а после периода разброда, когда существовало множество разрозненных групп. Они возникли вследствие бесконтрольного и бурного роста популяции. На самом деле мы имели дело с натуральными бандами, во внутренней иерархии которых действовали волчьи законы. И лишь благодаря нашему бессменному главе Совета старейшин, возникло единое вампирское государство. Он собрал группу единомышленников и начал свой крестовый поход. Кого-то он привлёк мирным путем, кого-то просто уничтожил. Главное, что банды перестали существовать и мы на базе впервые вздохнули свободно. Можно было больше не бояться, что из-за угла выскочат какие-нибудь отморозки и запрут тебя в загон с другими рабами...

Верно понимаете, на базе практиковалось рабство. Ну так вы не забываете, какие это были времена. В ту пору человечество тоже ещё недалеко ушло от системы «раб-хозяин». Просто из-за изоляции мы несколько отстали от них в этом вопросе. Ради исторической правды замечу, что у нас отношения «раб-хозяин» носили куда более жестокий характер, чем у людей.

Нет, Старейший никогда не вмешивался во внутреннее устройство нашего общества. Почему, у меня нет на это ответа. Видимо, оно его не интересовало.

Нет, молодой человек, подробно об устройстве нашего государства мы поговорим в

следующий раз, а теперь давайте вернёмся ко второму бунту в нашей истории. Как я уже сказал, в отличие от первого он был спланированным и хорошо организованным. Восставшие стояли до последнего в своей попытке вырваться на свободу.

Понимаю, сейчас вам забавно слушать, что такое мощное сопротивление не смогло справиться со Старейшим. Вот только на деле это было совсем не смешно, поверьте очевидцу. Это страшно, когда один вампир может уничтожить немалую часть собственного народа.

Нет, он не использовал оружие, если вы имеете в виду технику. Чтобы расправиться с нами... с восставшими Старейшему хватило собственной ментальной мощи.

Всё, хватит! Я просил меня не перебивать. Теперь давайте поговорим о тех полезных уроках, которые мы вынесли из времён второго восстания. Именно тогда впервые была сделана попытка объединить индивидуальные поля в общее ментальное поле, и она оказалась удачной. Телепатическое влияние в группе возросло на порядок. С той поры мы в своё распоряжение получили очень мощное оружие. Правда, даже объединённой мощи нам не хватило, чтобы победить Старейшего.

Получится ли сейчас противостоять ему? Я не знаю, и как-то нет желания проверять. Должен сказать, что гражданская война, разразись она сейчас в наших рядах, будет ужасным побоищем, поэтому наша и ваша основная задача избежать её всеми возможными и невозможными способами. Вам ясно?.. Очень надеюсь, а то я смотрю, у некоторых заблестели глаза, настолько они жаждут героических подвигов.

Говорите, в чём польза от нашего открытия?

К сожалению, мы не одни на планете. Человечество во много раз превосходит нас по численности и быстро догоняет в техническом плане. Если однажды наши интересы столкнутся, нам понадобится любое оружие, чтобы противостоять их объединённой мощи.

Что будет, если Старейший вновь возьмётся за старое и захочет провести новую чистку? Не знаю... Знаю только одно, сидеть, сложа руки, мы точно не будем. Война, значит, война, хотя я ненавижу её всей душой.

Да, я пацифист и не скрываю это! Любая война — с собственным народом или с соседями по планете, не несёт с собой ничего, кроме горя. Это моё твёрдое убеждение! Прежде чем воображать себе подвиги на поле брани, сначала представьте себе, как вы теряете тех, кто вам близок. Уверен, что после этого ваш энтузиазм несколько поубавится. Ну да, трудности закаляют, но тем, кто попал под замах леди с косой, они безразличны.

Ну, что за избитые шуточки! Господа, побольше уважения к неординарной и красивой женщине! Тот факт, что она заняла немаловажный государственный пост, говорит об её выдающихся способностях. Во всяком случае, это свидетельствует о здоровом честолюбии, присущем любому настоящему политику.

Господа, я бы не стал её сравнивать с госпожой Клинтон или Маргарет Тэтчер, слишком уж разные у них исходные предпосылки на политическом поприще.

Нет, и этот пример неудачен. Всё же Беназир Бхутто пришлось тяжелее всех женщин-политиков. Удивительно, что её вообще выдвинули на государственный пост, даже при поддержке семьи. Очень красивая женщина, жаль, что её так быстро убили.

Индира Ганди, дочь знаменитого отца? О! Махатма Ганди — это нечто! Он — великая и удивительная душа человеческого мира! Мохандас Карамчанд Ганди не только индийским народом почитается как святой человек. Кстати, Махатма — его титул и переводится как великая душа. У Ганди интересная миротворческая философия, но этой выдающейся

личности, его жизнеописанию и его учению, мы выделим несколько академических часов.

Смотрю, вы не теряли время даром и дома добросовестно готовились в соответствии с полученными методичками. Молодцы.

Всё! Успокойтесь! Давайте вернемся к нашей истории.

Старейший подавил сопротивление очень быстро, в течение нескольких дней, и на удивление почти бескровно. Он не тронул основную массу бунтовщиков, а просто отключил их болезненным ментальным ударом. И всё же часть наших... вампиров погибла, в основном, из-за отката в ноосфере, и что очень досадно, погибла такая выдающаяся женщина нашего народа как Эльжбета Павлович.

Несмотря на то, что восстание было подавлено, волнения не прекращались. К счастью, Старейший не захотел воевать с собственным народом и объявил через главу Совета старейшин, что самоустраняется от вмешательства в нашу жизнь, и мы вольны делать всё, что нам заблагорассудится. Так что, если верить ему, то вопрос о чистках снят с повестки дня.

Нет, господа, на самом деле он не оставляет нас помощью и по сей день. Нашей фантастической техникой и не только этим, мы во многом обязаны нашему прародителю. Но массовые чистки в рядах вампиров он действительно прекратил, во всяком случае, нам пока о таких случаях неизвестно.

Не знаю, господа, что мне ответить на ваш вопрос. Слишком неоднозначная фигура — создатель нашей расы. Его невозможно любить или ненавидеть, самое лучшее — это воспринимать его как явление природы. Какое? Но уж точно не как тёплый летний дождичек. А вот нечто из разряда стихийных бедствий будет вполне уместно.

Замуж не напасть, как бы замужем не пропасть

В кабинете декана медицинского факультета, раздался мелодичный звонок, и нежный голосок Пруденс, секретарши ректора, пропел по селектору:

— Господин Бернштейн! Пожалуйста, зайдите к господину ректору. Он велел передать, что настоятельно просит вас об этом.

— Всенепременно, милочка! Передайте милорду, что я скоро буду, только сначала загляну в госпиталь к Саре Рудич, — живо откликнулся профессор.

Но стоило Пруденс отключиться, и улыбка на его лице уступила место озабоченности.

Бернштейн откинулся на спинку кресла и забарабанил пальцами по подлокотникам, в такт навязчивому мотивчику, подхваченному у студентов: «Ты беги, моя лошадка, цок-цок-цок! Надо очень постараться, чтобы меньше спотыкаться... Глупый мальчишка! Ведь сколько отговаривали его от пожизненного контракта. Всё бесполезно. Как с ума сошёл, никого из старших и слушать не захотел, только и света в окошке, что эта вертихвостка. А теперь столько шуму поднялось, да ещё на всю Академию. Ой, позорище!.. Чёрт! Отца жалко, он жутко переживает, ведь они же кровные родичи... Эх, Давид! Что значит молодозелено. Погубит она тебя, ой, погубит! — профессор скорбно покачал головой. — Ладно, пойду расхлебывать последствия твоих глупостей», — с этой мыслью он тяжело, совсем не по-вампируски, поднялся на ноги. Да и в госпиталь он не слишком спешил, всячески оттягивая неприятный момент.

Оказавшись в палате, Бернштейн со скрытым ужасом посмотрел на то, что осталось от некогда юной и весёлой девушки.

После женитьбы Давида он избегал встреч с новой родственницей, но он знал Сару Рудич. Несколько лет назад талантливая девушка отличилась тем, что сдала экстерном

выпускные экзамены за весь курс и пошла работать в Академический госпиталь, хотя Палевский предлагал ей престижное место в своём генетическом институте СС ОК. Но тут всё дело заключалось в великой любви.

Давид Саади, красавец и баловень дам, начав преподавать математику на младших курсах, сразу же заприметил весёлую и взбалмошную студентку-первокурсницу медицинского факультета. Дело кончилось тем, что он без ума влюбился в изящную темноволосую девочку, и ни на шаг не отпускал её от себя, покорно снося все её капризы. Ну а Сара подкупила его рыцарская верность и после двух лет пылких ухаживаний она наконец сдалась и дала согласие на брак. Правда, девушка долго колебалась: она не хотела заключать пожизненный контракт, но Давид буквально на коленях умолил её подписать документы.

И теперь Бернштейн, опустившись на табурет, мрачно взирал на плачевный результат этой великой любви.

— Детка, ты меня слышишь? — негромко позвал он девушку и она, не сразу, но открыла глаза.

Выражение ужаса, появившееся на её лице, ощутимо царапнуло совесть профессора. Затем Сара сфокусировала взгляд и, поняв, кто перед ней, заметно успокоилась.

— Да, здравствуйте, милорд, — раздался чуть слышный шепот.

— Эх, девочка! Как же ты довела себя до такого состояния? — вырвалось у Бернштейна.

Сара натужно захрипела, и он не сразу понял, что она смеётся.

— Я довела?.. Это всё вы, чёртовы экстремисты!.. Как были террористами и садистами так ими и остались.... Для вас имеет ценность только собственное гипертрофированное «я»... жизнь остальных для вас ничего не значит, тем более женщины. Жена для вас имущество... скот, с которым можно обращаться как вам заблагорассудится... Ненавижу вас всех!

Выговор пришёлся Бернштейну не по вкусу: многие вампирские семьи действительно сохраняли прежний, человеческий уклад жизни. Тем не менее он счёл нужным возразить:

— Детка, не нужно обобщать! В нашей среде нет национальных особенностей человечества. Все это начисто стирается при инициации и последующем воспитании. К тому же ты плохо знаешь историю Ближнего Востока. На деле женщины там далеко не бесправны...

— Милорд, я устала! — перебила его Сара и снова смежила веки.

Бернштейн обескуражено посмотрел на неё — бледное до синевы лицо вызывало у него неприятную ассоциацию с посмертной маской — и бесшумно вышел из палаты.

Насильно мил не будешь, или один из способов ловли на живца

В ожидании Адама Бернштейна ректор занимался тем, что собственноручно сортировал папки на громадном стеллаже. К этому его вынудил грандиозный беспорядок, воцарившийся в его кабинете с приходом новой секретарши. Поначалу лорд Смит страшно злился, но со временем притерпелся к новым порядкам или скорей к беспорядку.

Пруденс, та самая безрукая секретарша, тихонько приоткрыла дверь и заглянула внутрь кабинета, который, благодаря её стараниям, утратил свой благообразный академический вид. Это была подвижная кареглазая девушка, с задорным выражением на хорошеньком личике. Театральные завсегдатаи такой типаж зовут субретками.

Найдя ректора, скрытого горой папок, девушка сконфуженно хихикнула и, прижав ладонь ко рту, бросила на него обожающий взгляд. Что уж такого привлекательного она нашла в этом желчном сухаре было известно только ей и богу.

Впрочем, с женской точки зрения внешность у ректора была очень даже ничего, хотя в чертах его худощавого горбоносого лица не было ничего модельного — конечно если не брать в расчёт его глаза. «Тебе достались глаза фейри», — подсмеиваясь, говорила Лили Радзевская. Когда они оставались наедине, она пытливо всматривалась в их переливчатую аметистовую глубину, затенённую густыми ресницами, но так ни разу не получила желанного ответа на свой безмолвный вопрос.

Если лорд Смит улыбался — что случалось крайне редко, то на вид ему было лет тридцать, если злился — что случалось довольно часто, то лет пятьдесят. Ну а если не брать пограничные состояния, то это был высокий стройный брюнет возрастом под сорок. Правда, в густой шевелюре ректора, чёрной до фиолетового отлива, пока ещё не было ни единого седого волоса.

В общем, как мужчина, лорд Смит был более чем приемлем. Вот только флиртовать с ним было примерно то же самое, что с канцелярским формуляром. Впрочем, это не мешало ему заводить любовниц, которым он тут же давал отставку, стоило только ему заподозрить, что они питают в его отношении далеко идущие планы.

— Что случилось, Пруденс? — окликнул ректор девушку. — Опять не можете найти нужные документы?

— Что?.. Ой, нет! Всё в порядке, милорд! Я хотела сказать, что в приёмной ждёт профессор Бернштейн. Вы вызывали его по поводу Давида Саади.

— Я помню, Пруденс. Незачем пересказывать мои же распоряжения, — сказал ректор и недовольно добавил: — Тем более незачем каждый раз врываться в мой кабинет, когда есть селектор.

Видя, что девушка по-прежнему не уходит, он приподнял бровь.

— Не гневайтесь, милорд, считайте, что меня уже нет! — воскликнула Пруденс и, заразительно хихикнув, исчезла за дверью.

«Вот глупышка!» Смит только покачал головой, посмотрев ей вслед. Он удивлялся самому себе, не понимая, за каким чёртом до сих пор держит девчонку на должности секретарши и с ностальгией вспомнил о Катрин. К его великому сожалению, предыдущая секретарша, очень приятная и исполнительная женщина, вышла замуж и уехала.

Стоило Пруденс закрыть дверь, как она тут же снова распахнулась и в кабинет стремительной походкой ворвался Бернштейн. Что-то невнятно буркнув, видимо это было приветствие, он плюхнулся на стул.

Маленький профессор, которого, несмотря на взрывной темперамент, все любили за общительный нрав и готовность помочь ближнему, на этот раз был хмур и сердит.

Ректор внимательно глянул на друга и, водрузив на стеллаж очередную порцию папок, вернулся к своему месту за столом.

— Ну что? Опять будешь упорствовать в Совете и настаивать на том, чтобы оставить всё как есть? Я имею в виду пожизненный брачный контракт, — сухо сказал он.

В голосе ректора прозвучало скрытое торжество, которое не укрылось от его визави.

— Ну, давай, Дэн, добей меня! Ведь знаешь, что я только что от Сары Рудич, — проворчал Бернштейн и подавленно добавил: — Да-а! Зрелище не из приятных, а ведь какая была хорошенькая девочка. И надо заметить большая умница. В своё время я сам принимал у неё экзамены.

Маленький профессор нахохлился, сидя на стуле, и оттого стал похож на большого встрёпанного воробья.

— Вот чёрт! — его тёмные глаза засверкали. Немного помолчав, он завопил: — Нет, скажи, Дэн, куда весь этот ум девается, когда дело доходит до личных взаимоотношений?! Но разве не глупо крутить романы со всеми подряд, притом совершенно не скрываясь? И всё это на виду у всей Академии, в том числе у мужа? Или ум у женщин имеет избирательный характер? Если чересчур умна в профессии, то полная дура в семье. Так что ли? Любой бы из мужей, даже самый тихий, прибил бы её за столь вызывающее поведение! И ведь что примечательно, чем больше в последнее время Давид её колотит, тем разгульнее она себя ведёт. Совсем что ли девчонка с ума сходит? Чует моё сердце, что добром это не кончится, — профессор с яростью стукнул по столу и, выпустив пар, откинулся на спинку стула. — Ладно, чёрт с ними. Устал я уже. Если тебе моего голоса не хватало, то я согласен подписать дополнения к Брачному кодексу. Всё, добились вы меня полностью и окончательно!

Видя его искреннее расстройство, Смит не стал праздновать победу, отплясывая джигу на костях побеждённого противника. Тем не менее он не удержался и подпустил дружескую шпильку:

— Это у тебя, Адам, куда только весь ум девается, когда дело доходит до твоих любимых сородичей Тигров. Неужели, как медику, тебе не ясно, что Сара Рудич — девочка с характером и крайне свободолюбивая? Она не терпит ни малейшего принуждения и своей бравадой стремится доказать, что она личность. А твой Саади просто дурак. Он не добьётся желаемого, даже забив жену до смерти. Так что давай, поговори с парнем, пока он совсем не съехал с катушек. Пусть подпишет Саре развод. Как Старший лорд клана Тигра ты имеешь полное право надавить на него.

— Мог бы и не говорить! Что я сам не догадался бы, увидев девочку в таком состоянии? Думаешь, она мне не дорога? Что ни говори, а она очень талантливый генетик! — с горячностью воскликнул маленький профессор и сердито добавил: — Во всяком случае, была. Ладно, я заставлю своего паршивца подписать бумаги на развод, иначе девочку не примут в её клане. Я больше не нужен? Тогда сразу же пойду к Давиду...

Но не успел Бернштейн встать, как в проёме двери возникла улыбающаяся Пруденс. Девушка была в своём репертуаре и даже не подумала постучаться, но у неё было сильное оправдание для своей бесцеремонности. Во всяком случае, в глазах профессора. Она держала огромный серебряный поднос, плотно заставленный снедью.

— Милорды, я уверена, что вы ещё не обедали после лекций. Прошу вас, поешьте. У меня тут роскошный грибной суп, а в придачу к нему слоёные пирожки с мясом. На второе я приготовила нежнейшие эскалопы из свинины с молодым картофелем и свежим укропом, — весело прощбетала девушка, проигнорировав сердитый взгляд непосредственного начальства.

— Пруденс, выйди немедленно!

— Молчи, Дэн! Или я съем тебя самого! — воскликнул профессор и его глаза плотоядно блеснули. — Девочка, давай сюда всё! Надеюсь, у тебя найдется свежий чёрный хлеб и сливочное масло?

— Ну, конечно, милорд, — девушка поставила поднос на сервировочный столик. — Сейчас я намажу маслом вот этот ломтик очень свежего хлеба. Ручаюсь, вам понравится и то и другое, — пропела она и, лукаво поглядывая на ректора, подняла крышку супницы. — О, кажется, получилось неплохо!

По комнате поплыли такие умопомрачительные запахи, что Смит, который безуспешно боролся с приступом жесточайшего голода, сменил гнев на милость и согласно кивнул.

Обрадованная Пруденс тут же накрыла стол на две персоны и, пожелав милордам приятного аппетита, ретировалась из кабинета.

Когда они остались одни, ректор неодобрительно посмотрел на приятеля, который с энтузиазмом поглощал деликатесы, принесённые его секретаршей. Что другое, а готовить она умела.

— Адам, обжора ты этакая! Прекрати так сладострастно стонать, а то народ что-нибудь не то подумает, — наконец не выдержал он.

— К чёрту народ! — заявил профессор. — А ты, если не поспешишь присоединиться ко мне, то скоро останешься с носом.

Поняв, что он не шутит, ректор выхватил у него тарелку с пирожками.

Когда начисто подметённые тарелки засияли первозданной чистотой, Бернштейн, попивая вишнёвый сок, лениво произнёс:

— Везёт тебе, дружище, такую секретаршу себе отхватил. Ведь и готовит просто замечательно, и внешне недурна, а уж какая внимательная и заботливая! Эх, мне бы такое сокровище, — профессор хитро прищурился. — Постой-ка, Дэн! Ведь она же у тебя временная. У девочки нет соответствующей твоему рангу подготовки. Может, возьмешь себе другую, а мне отдашь Пруденс?

Ректор иронично хмыкнул.

— И не мечтай! Девчонка только стала входить в курс дела. Мне не нужен новый человек и весь этот бардак с самого начала. Адам, прекрати свои подначки.

— Брось! Какие подначки! Я ничего такого не имел в виду, — Бернштейн с ехидной хитрецей взглянул на друга. — Просто, ты всё время ворчишь на девочку, вот я и подумал, что она тебе в тягость. Но раз такое дело, то я не буду настаивать.

Пруденс, которая без всякого зазрения совести подслушивала под дверью, сжала кулачки и, подняв вверх сияющее личико, радостным шепотом воскликнула:

— Yes!!! My love, наконец-то ты попался!

Придя домой после дежурства на основной работе, усталая, но счастливая Пруденс долго не могла заснуть. Все её мысли занимал любимый человек и новый поворот в их отношениях. Во всяком случае, ей так казалось.

В это же время поздно ночью в госпитале Академии растрепанная Сара Рудич тоже не спала. Изувеченная настолько, что ей отказала вампирская регенерация, она долго смотрела в потолок палаты, а затем потихоньку сползла с кровати. С трудом дотащившись до поста медсестры, она воспользовалась её отсутствием. Пошарив в укромном местечке — там, где обычно сестрички прятали ключи от медицинского шкафчика — она достала скальпель, и полоснула им по запястьям. Сползая спиной по холодной кафельной стене, она неотрывно глядела на алые ручейки, уносящие жизнь из её несчастного тела.

Неожиданно раздался резкий звонок срочного вызова врачей и в полутьме коридора мелькнул гибкий мужской силуэт.

— Ах ты, сучка!.. Думаешь, что нашла способ от меня сбежать? — прошипел мужчина, склонившись над умирающей. — Ничего не выйдет! Я тебя и на том свете достану! — подхватив невесомое тело на руки, он понёсся навстречу бегущим врачам.

— Отпусти, Давид!.. Умоляю! Дай мне умереть, — чуть слышно прошептала Сара.

— Даже не мечтай! — прозвучал безжалостный ответ.

Через две недели после этого инцидента в светлом вестибюле госпиталя Академии навстречу изящной брюнетке с броской внешностью нерешительно поднялся молодой мужчина. Тёмное одеяние и трагическая красота делали его похожим на падшего ангела. Выразительное умное лицо словно магнитом притягивало взгляды окружающих, но они тут же отводили взгляд и это лишний раз подтверждало, что все в курсе его семейных дел. Заметив мужчину, вставшего на её пути, брюнетка прибавила шагу и с непреклонным выражением на лице обогнула живое препятствие.

Саади развернулся и смерил с головы до ног точёную фигурку жены. Затянутая в облегающее пурпурное платье вызывающего фасона Сара Рудич была сама сексуальность и растеряннo-виноватое выражение на его лице начало таять. Скрипнув зубами, он бросился следом за строптивицей, которая предпочитала умереть, чем признать в нём господина, имеющего право безраздельной власти над её душой и телом.

— Сара, погоди! Ты же не знаешь, где мы теперь живём. Нам выделили новый коттедж на Сиреновой улице.

Саади догнал свою миниатюрную жену и попытался подстроиться под её мелкие шагжки на высоченных каблуках-шпильках, но ему это плохо удавалось.

— Ясно, — покосившись на мужа, Сара едко усмехнулась. — Прежние соседи пожаловались ректору, что от нас много шума, и я их понимаю. Сама была бы рада куда-нибудь сбежать от скандалов и драк. Думаю, нас переселили на окраину, поближе к студентам... Не смей дотрагиваться до меня!.. Саади, я не собираюсь возвращаться к тебе!.. Убери руки, мерзавец, или я закричу!

Оттолкнув мужа, попытавшегося взять её за руку, Сара устремилась навстречу худенькой молодой женщине в облачении врача, которая только что шагнула в вестибюль госпиталя из бокового коридора. При виде скандально известной супружеской пары она смешалась и сделала несколько нерешительных шагов с таким видом, будто готова провалиться сквозь землю, лишь бы с ними не встречаться. Но бежать было уже поздно, и она с растерянным видом застыла на месте.

— О, Алисочка! Моя дорогая, как же я рада тебя видеть!

Просияв голливудской улыбкой, которая имела ту же степень искренности, что и у всемирно известных звёзд, Сара Рудич обняла ту, что числилась у неё в самых близких подругах. Видимо, женщина-врач так не считала и ответила на её бурную радость и горячие объятия натянутой улыбкой. Она неловко переступила с ноги на ногу и, высвободившись, попятилась назад.

— Сара, я не понимаю, что тебе нужно, — тихо пробормотала женщина-врач и поморщилась. — Извини! После дежурства я совсем никакая... как ты себя чувствуешь? — она бросила виноватый взгляд на Саади и её щёки запылали нервным румянцем. — Что на этот раз тебе нужно? — переспросила она и в её окрепшем голосе прозвучали холодные нотки.

— Моя дорогая, ведь ты же не откажешь несчастной подруге в пристанище, — сказала Рудич утвердительным тоном. Она мстительно глянула на молчащего мужа и безапелляционно добавила: — Идём, Алиса! Поможешь собрать мне вещи. Сама понимаешь, я не хочу оставаться наедине с этим уродом. Вечером у меня назначено свидание с симпатичным молодым человеком, и я не могу позволить себе отсвечивать очередным синяком под глазом, — не дожидаясь ответа женщины-врача, она потянула её за собой.

— Сара! — воскликнул обескураженный Саади.

— Заткнись! Я не с тобой разговариваю. И вообще, какого чёрта ты тащишься за мной? Тебе мало того, что было? Снова моей смерти хочешь?!

— Меньше патетики, дорогая! Видишь ли, теперь мы с Алисой соседи, — произнёс помрачневший Саади. Вклинившись, между мнимыми подругами, он небрежным движением отстранил женщину-врача, и с решительным видом подхватил жену под руку. — Тихо-тихо! Не нужно дёргаться! Дорогая, не понимаю, чем ты недовольна, — проговорил он с закипающей яростью. — Всё равно нам по пути, а твои каблуки внушают мне опасение. Они слишком неустойчивы. Ну-ка, расскажи, моя бесценная сука, что за идиот решился на свидание с тобой?

— Это не твоё дело!

— Не скажи! Я всё ещё твой муж.

— Убирайся, или я позову на помощь!.. Я закричу!

— Мы уже не в госпитале, визжи сколько угодно. Сама знаешь, что никто не придёт тебе на помощь. Люди знают, какая ты редкостная...

— Какая же ты бесчувственная скотина! — экспрессивно воскликнула Сара и размахнулась, чтобы вlepить мужу пощёчину, но тот перехватил её запястье. — Пусти, мерзавец, ты сломаешь мне руку!.. Давид, после того, что случилось, другой бы уже умер от стыда! Будь у тебя хоть капля совести, тебя бы здесь не было. Ты хоть представляешь, что я испытала в состоянии клинической смерти?

Сара всхлипнула, и по лицу Саади прошла болезненная судорога.

— Родная, пожалуйста, не плачь! — пошёл он на попятный и попытался привлечь к себе жену. Но она уперлась ему ладонями в грудь.

— Убери свои лапы!

Саади заглянул в её лицо с широко распахнутыми глазами и медленно отступил. Руки, протянутые к ней, сами собой упали и безвольно повисли вдоль тела. Гнев, дающий ему уверенность в своей правоте, внезапно иссяк. Саади было не по себе. Несмотря на всё своё вызывающее поведение и демонстрацию независимости, Сара его боялась. Боялась до ужаса. Страх лишил её движения привычной координации, пальцы мелко вздрагивали. Страх неизбывным призраком светился в её глазах. Такого ещё не было. Во всяком случае, раньше Саади этого не замечал, их борьба шла на равных — он действовал с позиции силы, Сара платила ему сначала искусной игрой на нервах, а затем неверностью, что доводило его практически до безумия.

Жалость острым ножом полоснула его по сердцу. Страх жены не принёс ему радости. Несмотря ни на что, Саади никогда не переставал её любить. Умирая от желания прижать её к себе, он потеряно побормотал:

— Хорошо-хорошо, любимая!.. Успокойся, видишь, я уже отошёл и не трогаю тебя. Сарочка, пожалуйста, не плачь! Ну, что ты хочешь? — на его лицо легла грусть. — Понимаю, моя несравненная пери, конечно же, ты мечтаешь, чтобы я умер и этим избавил тебя от своего присутствия. Смерть и для меня была бы избавлением, но я не могу.

— Трус! — истерически выкрикнула Сара, не обращая внимания на любопытные взгляды. Она уже привыкла, что для окружающих их ссоры служили своеобразным театральным действием, разгоняющим скуку, и дающим повод для множества сплетен. Но настроение мужа изменилось, и она насторожённо притихла.

Прозвучавшее оскорбление заставило Саади вспомнить о гордости, и на его лицо легла мрачная тень.

— Говори, что хочешь, — резко сказал он и горько улыбнулся. — Всё равно больше презирать, чем я презираю себя, ты не сможешь. Но Бог мне свидетель, я уже не раз стоял на краю. Умереть легко, но стоит только подумать, что я больше никогда не увижу тебя, и моё сердце готово разорваться от горя. Не знаю, чем я провинился перед Всемилостивейшим, если заслужил такую кару, как одержимость тобой, — в тихом голосе Саади прозвучала такая мука и неизбежная тоска, что все, кто слышал их разговор, почувствовали себя более чем неудобно.

Он отвернулся от жены и быстрым шагом бросился прочь. Сара сразу же перестала плакать и проводила его бегство насмешливым взглядом. Достав косметику, она поправила макияж и пошла по дорожке, вызываяще покачивая бёдрами. Она намеренно задела плечом встречного студента, облачённого в комбинезон, говорящий об его принадлежности к клану Дракона.

— О, простите! — женщина с зазывной улыбкой заглянула ему в лицо. — Кажется, я была настолько неловка, что задела вас, но я готова загладить свою неловкость. Всеми доступными мне способами.

Коротко стриженный светловолосый юноша, по виду совсем ещё мальчик, был немногословен.

— Бл... не интересуюсь, — коротко ответил он и отправился дальше, не реагируя на ругань оскорблённой Сары.

Оставшаяся ни у дел Алиса очнулась от созерцания происходящего и, тяжело вздохнув, вернулась в госпиталь. Подойдя к дежурному администратору, она спросила:

— Карин, как там у нас с наличным составом на вечернее дежурство? У кого-нибудь из хирургов есть желание поменяться? Я с удовольствием выйду в вечернюю смену.

— О да, мэм! Вам теперь не позавидуешь, — сочувственно посмотрев на неё, сказала администратор. — На вашем месте я тоже дежурила бы только в ночную смену, раз наша шалава выписалась. Говорят, она уже назначила кое-кому свидание. Представляете?! Боже мой, так жаль Давида! Если бы меня любил такой красавец, я бы не то что не смотрела на других мужчин, я бы ноги ему целовала... А вот, нашла! Профессор Ливанов просил его отпустить сегодня вечером, а знаете почему? — администратор подалась к Алисе и заговорщицки понизила голос: — Говорят, что он попал под чары этой распутницы, когда прописывал ей...

— Прости, Карин, потом расскажешь. Я спешу.

«Тварь! Грязная распутная тварь! Жаль, что ты не сдохла!» — ожесточённо твердила Алиса, выпутываясь из своего одеяния в предбаннике душевой.

ГЛАВА 11. О личном и общественном, или Любви все возрасты и ранги покорны

Полуденное солнце, заливающее кабинет ректора веселым ярким светом, прошло точку зенита и покатилося к закату. Лорд Смит уже предвкушал скорый отдых с походом на поверхность — компания его друзей хотела покататься на лыжах, и тут порог его кабинета перешагнул высокий кареглазый шатен. Это был импозантный мужчина, необычайно элегантный в своём модном светло-сером костюме и белой рубашке со строгим галстуком. Утончённые черты лица и длинные кудрявые волосы, забранные в хвост по моде, принятой в среде вампиров, придавали ему вид куртуазного придворного времен Людовика XIII. Внешне он очень походил на кардинала герцога де Ришелье, и для полноты картины ему не хватало только красной сутаны с эспаньолкой и лихо подкрученных усиков. Увы! Растительность на лице у вампиров начисто отсутствовала.

— Заходи, Макс, присаживайся. Подожди немного. Сейчас подойдёт Адам, тогда и побеседуем.

Стараясь не показать досады, ректор попытался сосредоточиться на чтении документов, хотя понимал, что это напрасный труд. И в самом деле, визитёр уселся в кресло и, вальяжно развалившись, насмешливо глянул на его склонённую макушку.

— Что, Айзек, всё пашешь, не поднимая головы? Смотри, жизнь пройдёт, а ты так ничего, кроме геморроя в заднице, не приобретёшь.

Посетитель слишком действовал ему на нервы и ректор, сохранив наработки, аккуратно опустил крышку ноутбука и поднял голову.

— Сколько раз просить, не зови меня Айзеком. И перестань хамить.

Добившись своего, декан факультета социологии профессор Беккер воззрился на него с насмешливым интересом глаз.

— А мне так нравится! Если ты недоволен, то издай письменный приказ, чтобы я называл тебя исключительно по первому имени, — с язвительным удовольствием произнёс Беккер. — Кстати, возвращаясь к теме твоей личной жизни и геморрою, то я замечаю некоторый прогресс на этом фронте. Впервые у тебя приличная секретарша, а не какая-нибудь бесполоя гримза. У Пруденс вполне миловидная мордашка и ножки от ушей. И поскольку на ней юбка, больше напоминающая широкий пояс, то я догадываюсь, что она положила на тебя глаз. Миленькая девочка! Жаль, что её старания пропадают втуне. Ты же у нас трудоголик и бедную девушку, как пить дать, заморишь работой, вместо того чтобы холить и лелеять, — Беккер подался к упорно молчащему собеседнику. — Ай-я-яй, Айзек! Должен заметить, что ты жуткий жмот. Зачем же держать девушку на полставки, даже если она временная? Имей совесть. Она уже чуть живая на двух работах. Думаешь, как я просочился к тебе без доклада? Бедная девушка просто спит на своём рабочем месте.

— Макс, уймись! Давай поговорим о деле.

Беккер, глядя на ректора карими живыми глазами (по его ректорскому мнению, нахальными до невозможности), поцокал языком:

— Всё равно пока нет Адама, давай немного поговорим о тебе. Пойми, Айзек, нельзя быть таким женоненавистником. Это ненормально для мужчины твоего возраста. Пойми, наконец, если одна из женщин изменила тебе, это ещё не значит, что они все такие...

— Макс! — ровным голосом предупредил лорд Смит и его глаза, выдавая, что он

злится, по-кошачьи засветились.

— Тебе это и раньше не удавалось. Так что можешь не стараться, ты меня не переглядишь, — усмехнулся Беккер. — Айзек, не впадай в детство! Подумай хорошенько. Если не будешь говорить со мной, я приставлю к тебе штатного психолога. Ты этого хочешь?

— Стервец ты, Макс! Какого чёрта ты каждый раз меня достаёшь? Или завидно, что я вольная птица, а ты нет? Потому и сватаешь меня всем дамочкам подряд?

— Нет, мой друг, это не зависть, а желание помочь другу найти спутницу жизни и тем устроить его личную жизнь. Меня совсем не радует перспектива, что ты зачахнешь на работе или однажды свихнёшься на почве одиночества. Да и по штату мне положено вмешиваться в такие дела, поскольку они относятся к моему ведомству. Исследования показывают, что одинокие вампиры зачастую ведут себя неадекватно. К тому же это расходится с государственной доктриной: никаких одиночек, только семьи! Да и ты своим примером плохо действуешь на молодежь, показывая, что моё ведомство не на высоте.

— Чёрт, у тебя там натуральная брачная контора, а не факультет социологии! — с досадой воскликнул лорд Смит.

— Как ректору и одному из старейшин тебе не стоит забывать, что мы вдобавок служба пропаганды и политологии СС ОК, — заявил Беккер и уходя от официоза, прозвучавшего в его голосе, примирительно улыбнулся. — Ладно, не злись, Айзек! Я действительно хочу тебе помочь.

— Иди к чёрту, Макс, с такой помощью! Если ты мне друг, то больше не доставай. Договорились? А я обещаю самостоятельно справиться со своими *личными* проблемами...

Бернштейн, как всегда, влетел в кабинет ректора на повышенных скоростях и, как всегда, в возбуждённом состоянии. С радостным возгласом он плюхнулся в кресло, небрежно кивнул коллегам и его взор немедленно обратился к Пруденс. С миной избалованного котяры он попросил её принести ему кофе со слоёными пирожками. Девушка просияла ответной улыбкой и, игнорируя возмущённый взгляд ректора, бросилась выполнять его распоряжение. Как весь женский состав Академии, она обожала маленького профессора и совсем его избаловала. Дело дошло до того, что Пруденс вызнала его любимые блюда и при каждом посещении ректорского кабинета угощала его чем-нибудь вкусеньким. Лорд Смит сердился, но ничего не мог с этим поделать. Бернштейн ходил к нему чаще, чем в столовую, а Пруденс делала вид, что не слышит его ворчания по этому поводу.

Когда девушка продефилировала по кабинету с подносом, нагруженным разнообразной снедью, все трое проводили её взглядами. Беккер и Бернштейн заговорщицки переглянулись и, перескочив в беседе на всякие пустяки, заинтересованно наблюдали за её перемещениями. Лорд Смит стиснул зубы, готовый их убить и Пруденс за компанию. Как всегда, на девушке был самый минимум одежды и когда она нагнулась, ставя чашки на стол, он поспешно отвёл глаза.

— Пруденс, идите! Мы сделаем всё сами!

Выпрямившись, удивлённая девушка захлопала на него густо накрашенными карими глазищами.

— Ну зачем вам утруждаться, когда у вас есть я? — пропела она с наивным выражением на личике и, улыбнувшись, обернулась за поддержкой к его друзьям.

— Пруденс!.. — пустил петуха Смит. — Пошла вон! Кому я сказал! — рывкнул он, обретя голос.

— Милорд! — воскликнула девушка, но зверский взгляд ректора отбил у неё желание

спорить, и она без своих обычных проволочек ретировалась из его кабинета.

— Надо же, какая милая сценка! Я бы сказал, почти семейная.

— Слушай, заткнись, а?! Прошу, как друга!

Бернштейн, улучив момент, подмигнул Беккеру и тот загадочно улыбнулся. Хозяин кабинета, от которого не укрылся этот обмен взглядами, окончательно разозлился и поспешно опустил ресницы, но было уже поздно. Зеркальный отблеск и интенсивная сиреневая окраска радужки выдали его с головой.

— Адам, как думаешь, чего он бесится? — всё с тем же ленивым спокойствием протянул лорд Беккер.

— Не имею понятия, — последовал дипломатичный ответ маленького профессора.

Он не хотел, чтобы его отлучили от ректорского кабинета и, значит, от Пруденс с её чудесными обедами.

— Не вилай, Адам! Мы все трое знаем, что это банальная мужская ревность.

Как кот, наблюдающий за мышью, Беккер не спускал глаз с друга, отслеживая его реакцию.

— Может, уже хватит ваших измышлений по поводу моей секретарши и мы, наконец, приступим к совещанию? — сухо спросил ректор.

— Да мы не столько о ней, сколько о тебе...

— Макс, ещё слово!..

— И что? Вызовешь меня на дуэль?

— В отличие от тебя, я ещё не настолько впал в детство, — буркнул Смит. — Хватит уже препарировать меня! Либо мы занимаемся делом, либо вы оба выметаетесь из моего кабинета.

— Ну если ты таким ракурсом ставишь вопрос, то давайте приступим к совещанию, — сделал одолжение лорд Беккер.

— С чем пожаловали? — спросил ректор, обрадованный тем, что друзья перестали лезть в его личную жизнь.

Он вопросительно посмотрел Беккера, который, как глава службы СС идеологии и пропаганды, обычно задавал тему для обсуждения, и тот пожал плечами.

— Да ни с чем особенным, обычная рутина, — последовал ответ. — Служба психологов жалуется на молодежь, говоря, что с ними трудно работать.

— Ну это они в своём репертуаре! — воскликнул Бернштейн, уязвлённый тем, что его коллеги прыгнули через его голову и нажаловались Беккеру. — Небось снова просят увеличить время работы с одним студентом, уменьшив их общее количество на одного врача. Как хотите, но я против! Молодняку и так достаточно промывают мозги, незачем доводить дело до полного стирания индивидуальности.

— Как скажешь, Адам, твоя епархия, тебе и решать.

После слов Беккера маленький профессор сразу же успокоился и, взяв кружку с кофе, захрустел очередным пирожком.

— Ну а как обстоят дела со сбросом излишней агрессии у молодняка? Ты обещал принять меры, — обратился он к ректору.

— Молодежь с этим сам неплохо справляется, — ответил Смит. — Взять ту же спонтанно возникшую рыцарскую игру. Постепенно она принимает вид цивилизованных турниров на мечях. В связи с чем большим спросом у молодежи пользуются уроки фехтования, и это хорошо. Плохо то, что по общежитиям гуляет масса холодного оружия,

контрабандой привезённого в Академию. Думаю, пора дать официальное разрешение на поединки и ввести учёт клинкам. Правила поединков...

— Верно! — перебил его Беккер. — Это поможет выпустить пар студентам и даст прекрасные зрелища. Незачем им всё свободное время пялиться в мониторы ноутбуков. Если что, то можно использовать тот же кодекс, что был у нас. Естественно, без смертоубийства, — его глаза оживлённо блеснули. — Заодно и мы тряхнём стариной. Покажем соплякам, как бьются настоящие мастера. Помнишь, Айзек, как чисто я тебя сделал в Париже?

Лорд Смит презрительно фыркнул.

— Нашёл чем хвастаться! Это была чистая случайность. В то время у меня была очень бурная интрижка с Катрин Талес, и я от постоянного недосыпа едва стоял на ногах.

— Ну вот, устроим поединок и посмотрим, насколько ты сейчас в форме.

Бернштейн хрюкнул в кружку с кофе и друзья, не выдержав, дружно захохотали.

— Да, мощная была девица! Кто же знал, что она спит с нами троими. Так что твоя отговорка не принимается.

— Да я тебя и сейчас одной левой сделаю.

— Хвастун! Ты сначала сделай!

— И сделаю!

Смит и Беккер вскочили со своих мест и, не спуская глаз друг с друга, пошли по кругу.

— Брейк! — встряв между ними, профессор толкнул их в разные стороны. — Дэн, если в твоём понятии именно так ведут себя пацифисты, к которым ты причисляешь себя, тогда я не вижу в чём их отличие от милитаристов.

Как ни в чём ни бывало Смит и Беккер разошлись и снова сели на свои места.

— Адам, прекрати пылить! Всего-то дел, что размяли ноги, — проворчал ректор, видя, что маленький профессор никак не успокоится и бегаёт по кабинету.

— Нет, вы не понимаете! Я постоянно твержу вам об этом, а вы пропускаете мои слова мимо ушей! — выкрикнул Бернштейн и вздёрнул вверх руки, призывая небо в свидетели.

— Ты можешь сесть и объяснить без этих твоих трагических жестов? — попросил заинтересовавшийся Беккер.

Бернштейн запрыгнул на стул и схватил последний пирожок.

— И почему Пруденс сохнет не по мне? Честное слово, я бы женился на ней, — сказал он, с жалостью глядя на опустевшее блюдо.

— Адам!

— Ладно, будь по-вашему! Вот скажите, чем вы только что занимались? Не трудитесь отвечать! А то снова разведёте антимионию и уведёте разговор в другое русло, — Бернштейн аккуратно промокнул салфеткой губы и серьёзно глянул на членов их маленького собрания. — Друзья, я уже давно хочу поговорить с вами об одном тревожном явлении, а именно, об агрессии в среде нашего народа. Помолчи, Макс! Я знаю своё дело! Психология — моя специальность.

Беккер развёл руками, мол, я и не возражаю.

— К чему ты ведёшь? — спросил он, видя, что маленький профессор не спешит с продолжением своих откровений.

— К тому, что это не отдельные всплески агрессии, а устойчивая тенденция к её росту, — ответил Бернштейн со вздохом. — Раньше это было не столь явно, потому я не поднимал волну. Надеюсь, что проблема рассосётся, если дать агрессии приемлемый выход,

вроде той же рыцарской игры с её поединками, — он покачал головой. — Увы! Думаю, такой меры будет недостаточно. Ведь рост агрессии задевает не только молодежь, что вы, Старшие лорды кланов, только что подтвердили своим поведением.

— Адам, а ты не делаешь из мухи слона? — заметил поскучевший лорд Беккер.

Он заранее предвидел, какая головная боль свалится на его ведомство, если слова профессора найдут подтверждение на практике.

— Увы! В связи с моим сородичем Давидом Саади, я просмотрел нашу медицинскую статистику по супружеским парам и ужаснулся. Их случай оказался далеко не единственным. Так что я прошу вас поддержать меня на Совете: пусть выделяют часть ассигнований на исследование этого процесса. Хотя кое-какие смутные догадки у меня есть и связаны они с нашими симбионтами. Похоже, мы вплотную подошли к границе, за которой возможно естественное размножение и...

— Это бои самцов за обладание понравившейся самкой, — утвердительно сказал Беккер и озабоченно нахмурился. — Твой пример с Саади внушает тревогу. Если количество ревнивых Отелло возрастёт, то женщинам придётся несладко.

Ректор непроизвольно взглянул в сторону приемной, где находилась Пруденс.

— Адам, ты можешь сказать что-нибудь конкретное? Будет ли нарастать волна агрессии, или процесс стабилизируется? Может это случайная флуктуация, и она пойдёт на спад?

Бернштейн отрицательно качнул головой.

— Ничего не могу сказать: слишком мало данных.

— Dammit! Ты прав, нужно обязательно поднять этот вопрос на ближайшем заседании Совета. Совсем не хочется, чтобы мы взбесились, да ещё в массовом порядке. И женщин нужно защитить. Всё же они намного слабее нас: и физически, и ментально. Похоже, нужно срочно дорабатывать Брачный Кодекс. Не хватало ещё свалиться в пучину средневекового варварства, когда женщину не считали за человека.

Беккер смерил ректора внимательным взглядом и иронично улыбнулся.

— Вот уж не думал, что ты будешь против, — сказал он. — Что такого уж плохого, с точки зрения семьи, было в средневековье?

— Я не ретроград!

— Айзек, если ты не ретроград, то почему тебя так возмутила измена любимой? Прости, я не хотел беречь твою незаживающую рану в сердце. Но если ты таких уж передовых взглядов, то отчего бы тебе не простить Елену?.. Вижу по лицу, что нет. Тогда нечего вешать мне лапшу на уши, как говорит молодежь.

— Тем не менее я за брак по любви, — твёрдо сказал Смит.

— Да ради бога! Вот только любовь — это такая редкая составляющая брака, что ею можно смело пренебречь. Так что в патриархальном укладе с женитьбой по расчёту есть несомненные плюсы. Вспомни, насколько крепче семья была в старину, хотя любовью там и не пахло. Тем не менее супруги, вынужденные всю жизнь находиться рядом, старались приспособиться друг к другу и, как правило, им это удавалось. А свободный брак влечёт за собой не только сексуальную свободу. И мужчина, и женщина в таком браке ведут себя как временщики. Особенно, когда мужчина не в состоянии материально обеспечить свою семью. Если ему это под силу, то такая семья мало чем отличается от тех, что были в средневековье. Мужчина диктует свою волю жене и детям, поскольку они полностью зависимы от него.

— Ты ещё скажи, что свободный брак — это разновидность публичного дома, —

съехидничал профессор.

— По сути, так оно и есть, — сказал Беккер. — Свободный брак то же самое удовлетворение сексуального аппетита, что и с проституткой. Когда надоест, то ничто не мешает бросить так называемую жену. Вот поэтому человеческие семьи стоят на пути исчезновения института брака, как такового. Не за горами тот день, когда из таких семей исчезнут не только отцы, но и матери. Женщины все больше равняются на мужчин, перенимая у них не только одежду, но и образ мыслей. Почувствовав вкус свободы, они все чаще будут отказываться от детей. Сначала в пользу дедушек и бабушек, ещё блюдущих традиционные семьи, но старики не вечны. Затем на смену им придёт государство или презерватив. Причём лучшие из них, думая о последствиях, выберут именно последнее, а наркоманы и прочее отребье — государство. Так что человечеству не светит светлое будущее с таким подходом к воспроизводству.

— Они тоже неплохо продвинулись в генетике, — заметил ректор.

— Вот Адам подтвердит, что это палка о двух концах. Помнишь, ты говорил, что череда воспроизводства через клоны сказывается на физическом и умственном здоровье таких поколений?

— Из-за накапливающихся сбоев в генетической матрице. Разумное существо — слишком сложное образование.

Пока Бернштейн и Беккер обсуждали вопросы клонирования, ректор пребывал в раздумье, но при этом внимательно слушал, что говорят коллеги. Наконец, он озвучил вызревшую мысль.

— Итак, чтобы выжить в дальнейшем, мы обязаны поменять установки в обществе. И желательно начать с формы правления. По сути, у нас и так монархия. Просто нужно официальное её признать и последовательно вводить остальные изменения.

— Ну, начинается! — с негодованием воскликнул Бернштейн. — Все как помешались на этой плутократии!

— Монархии, Адам, монархии, — поправил Беккер маленького профессора. — Плутократия это несколько иное.

— Какая разница?! Монархия или плутократия — всё один чёрт! Нет, думайте, что хотите, но лично я уверен, что монархия — это анахронизм.

Невзирая на неодобрительный взгляд ректора, Беккер потянулся за сигаретами.

— Ты не прав, мой друг, — сказал он, закурив.

Заслышав знакомые наставительные нотки, ректор и профессор ехидно переглянулись. Впрочем, каждый из них хоть раз, но ловил себя на том, что подражает Палевскому.

— Я всё вижу, — усмехнулся Беккер, — и всё же послушайте, что я вам скажу. В конце концов, это мои мысли, а не Мики.

Тем не менее он потянулся к пепельнице и затушил сигарету.

— Прав я или нет, но я уверен, что каждому виду коллективных существ соответствует своя идеальная иерархия. Нельзя механически переносить опыт одного сообщества на другое. Во всяком случае, без критического переосмысления. Что хорошо для аморфного и в целом послушного человечества, не подходит для нас, вампиров, с нашей ярко выраженной личной агрессией и огромным разбросом способностей. Демократический строй, по сути, ровняет членов сообщества под одну гребёнку, а мы не можем себе такого позволить.

— Ну, знаешь! С чего вдруг демократические традиции станут для нас тормозом?

— Адам, неужели я должен объяснять тебе, профессору от медицины, что разница в

физиологии влечёт за собой и разницу в общественном строе? Мы должны закрепить возникающие уникальные способности, что неизбежно приведёт к привилегированному классу. Он будет состоять из сильных вампирских семей, которые сами по себе будут являться армиями, сравнимыми с армиями человеческих государств. И что прикажешь с ними делать? Планомерно уничтожать? — Беккер ухмыльнулся, глядя на сердито молчащего Бернштейна. — То-то же! Если мы не собираемся рубить под корень цвет собственной нации, то нам рано или поздно потребуются тот, кто сможет удержать честолюбцев в узде. Согласен? А для этого, я уверен, самая подходящая общественная формация — это монархия.

Глава службы пропаганды и политологии СС ОК, оседлав любимый конёк, вновь взял сигарету и с барственным видом откинулся на спинку кресла.

— Потомственная аристократия, как правило, служит своему монарху не за страх, а за совесть. Она даст нам значимые, а не дутые авторитеты у власти, а их вассальная зависимость от монарха обеспечит стабильность структуры в целом. Адам, мы же не собираемся вводить рабство или обособленные касты внутри властных структур. Это будет так называемая просвещённая монархия.

— Слава богу! А я уж было испугался, что мы запретим всеобщее образование и скатимся к временам дикого варварства. Будем при помощи мечей и дубинок выяснять, кто у нас авторитет, а кто нет.

— Не иронизируй, мой друг. Заметь, при всей любви к демократии, человечество тоже тяготеет к диктаторским режимам. Иначе как объяснить такой парадокс, что Гитлер, уничтоживший миллионы и миллионы граждан на территории бывшего СССР, теперь вдруг нашёл там многочисленных почитателей.

— Может, это стокгольмский синдром?

— Чёрт их знает!

— Тебе не кажется, что игры в монархию, со временем приведут и нас к идеализации правителей типа Гитлера?

— Не думаю. При всех своих недостатках, мы — здравомыслящая раса. А доктрины господ типа Гитлера слишком разрушительны как для государства, так и для морального здоровья граждан. Если общество будет руководствоваться постулатами «Mein Kampf», со временем оно обязательно деградирует. И вообще, я не думаю, что у нас приживётся мораль шакалов. Мы достаточно поработали над тем, чтобы воспитать в молодёжи личную отвагу, и отбить у слабых духом желание спрятаться за спиной отморозков, храбрых только в толпе.

Когда Беккер и профессор ушли, ректор набрал на селекторе руководителя отдела кадров.

— Блейк, почему мой секретарь работает на двух работах? У вас что, специалистов не хватает?

В ответ раздался уверенный мужской голос:

— Милорд, вы сами дали разрешение на совмещение профессий! Точно помню, что у меня было заявление с вашей резолюцией. Вот, нашёл! Всё верно. Здесь написано, что Пруденс Кристина Монри имеет право на совмещение должностей инженера по обслуживанию оборудования в топливном отсеке и вашего секретаря, — в разговоре повисла пауза, — Извините, милорд! Кажется, я ошибся. Заявление подписано лордом Беккером. Милорд, я возражал! Я говорил, что нельзя совмещать столь далекие специальности, но вмешался лорд Беккер и настоял...

Смит оборвал связь с отделом кадров — ему было всё ясно — и нажал кнопку вызова секретаря.

Радостная Пруденс влетела в его кабинет и, глянув на его лицо, заметно скисла.

— Милорд, вы вызывали? — чуть слышно спросила она.

— Естественно, раз вы здесь. Садитесь и пишите заявление об увольнении: мне не нужны сонные курицы в приемной.

— Но... милорд, это больше не повторится! Честное слово я больше не засну!.. Влепите мне выговор в личное дело!.. Оставьте без зарплаты, но только не увольняйте!.. Даниэль, я умоляю!

Из глаз девушки хлынули слёзы, но ректор был неумолим. Хлюпая носом, Пруденс направилась к небольшому кофейному столику с ноутбуком, который иногда служил её рабочим местом. Она набрала заявление, и завизировала его своей электронной подписью. Посчитав, что больше здесь ей делать нечего, она пошла было к выходу, но её остановил холодный голос:

— Мисс Монри, ваш рабочий день ещё не закончился. Возьмите ключи от моего коттеджа и приведите его в порядок. Будьте так добры, накройте стол на две персоны, у меня сегодня гости. Пожалуйста, не забудьте про обязательный женский набор: вино, цветы и свечи. Ну и прочее, что там нравится юным особам.

Девушка замерла.

— Милорд, что именно вы предпочитаете из вин и цветов? — не оборачиваясь, спросила она.

— Не важно. Выберите на свой вкус. Главное, чтобы и то и другое понравилось госте, — распорядился ректор и, задержав взгляд на стройных ножках секретарши, вкрадчиво добавил: — Не подведите, Пруденс! Постарайтесь хоть напоследок сделать всё как нужно.

Схватив ключи, девушка пулей вылетела из кабинета, и лорд Смит улыбнулся. «Какая забавная девчушка! Думаю, из неё получится замечательная любовница...»

Поручение было выполнено, но Пруденс не уходила. Бесцельно расхаживая по уютной гостиной, она маялась в ожидании.

«Подожду ещё немножко. Честное слово, я только взгляну кто это и сразу же уйду, — уговаривала себя девушка, глотая подступающие слёзы. — Должна же я знать на кого он меня променял, — она с размаху бросилась на старинный диван и задрала ноги на высокий валик. — Просто замечательно! Можешь себя поздравить, милочка! Дождалась-таки своего звёздного часа!.. Вот дура! Ведь специально напросилась в Академию, чтобы быть поближе к Даниэлю. Не постеснялась даже лорда Беккера побеспокоить, чтобы он помог с секретутством».

Не понимая, почему занимается самоедством, Пруденс горько улыбнулась своим мыслям. «По всему выходит, что зря старалась. Как раньше не замечали меня, так и сейчас не замечают. А ещё болтают будто мужчины-руководители не пропускают ни одной своей секретарши. Враки всё это! Очень-то мы им нужны, когда вокруг них и так крутится масса красивых женщин, — девушка с ожесточением ударила по диванному валику. — Уверена, что он приведет Лили Радзевскую! На совещаниях эта мерзавка так и трётся около него! Хотя назвать её юной особой значит погрешить против истины. Ведь она же старуха!»

Выместив гнев на ни в чём не повинной диванной подушке, Пруденс вытерла слёзы. Заметив, что на пальцах остались разводы туши, она полезла в сумочку за зеркальцем и

вскрикнула при виде своего отражения. «Жуть, готы отдыхают!.. Господи-господи!.. Нужно срочно умыться и накраситься! Вдруг Даниэль уже на подходе?!» — в панике она бросилась в ванную.

Ректор оказался лёгок на помине. Войдя в дом, он сразу же направился в гостиную и окинул её быстрым взглядом. На его лице промелькнуло разочарование. Девушка добросовестно выполнила его распоряжение, стол был накрыт на двоих, но её самой там не было. Тем не менее, он придирчиво осмотрел нарядную сервировку, выдержанную в светлых тонах. На ослепительно белой льняной скатерти в широкой вазе стояли нежные фиалки и дорогое французское шампанское. Белые свечи в изящных хрустальных подсвечниках горели ровным пламенем. «Незатейливо, но со вкусом, — резюмировал он и вздохнул. — Всё это хорошо, но где же моя легкомысленная красавица? Неужели сбежала?.. Жаль. А я надеялся, что у неё достанет любопытства, и она дождётся моего прихода. Ладно, отловлю её завтра».

В спальне ректор сбросил надоевший костюм и, натянув домашние брюки, потянулся за любимой черной футболкой.

— Ой-ой!.. Я уже ухожу!.. Простите, милорд, в глаз попала тушь, и я воспользовалась вашей ванной! Простите-простите! Считайте, что я уже ушла!

Испугавшись, что попала в разгар постельной сцены, Пруденс со всех ног рванулась из комнаты.

— Не спешите, Пруденс! Нам нужно поговорить, — остановил её Смит, поспешно натягивая футболку.

В гостиной он сел напротив девушки и смерил её оценивающим взглядом.

— Рассказывайте! — потребовал он.

— Что именно? — попробовала увильнуть девушка.

— Я хочу знать, как вы, мисс Монри, оказались на месте моей секретарши, да ещё по совместительству столь несхожих профессий. Особенно я хочу знать, в чём заключалась роль Макса Беккера в этом деле.

Съёжившаяся на краешке вычурного стула Пруденс жалобно посмотрела на своего мучителя, но тот состроил каменную физиономию, и она собралась с духом. Стоило начать и её будто прорвало.

Девушка рассказала обо всём. Любовь настигла её во время стажировки в клане Ягуара, там она впервые увидела Смита — увидела и поняла, что жить без него не может. Она рассказала о том, что повсюду следовала за ним, и о том, что ей постоянно не везло, — стоило только перевестись на новое место, как он тут же исчезал, получив следующее назначение. Но она не теряла надежды. Наконец, её усилия увенчались успехом, и они встретились в Академии. Призналась Пруденс и в том, что по своей инициативе ходила к Максиму Беккеру. Она хотела устроиться секретарём, но её не брали в отделе кадров, и тот, прежде чем помочь, заставил её рассказать историю своей любви и попутно вытянул из неё всю подноготную.

Выговорившись, Пруденс замолчала. Молчание затянулось, и она попыталась поймать взгляд Смита, но тот отвёл глаза, и у неё упало сердечко.

Погрустневшая девушка встала и неловким движением отодвинула стул.

— Если вам нечего мне сказать, тогда я не буду больше отнимать ваше время... Спасибо, что выслушали, — она помедлила, стоя в дверях гостиной. — Извините, милорд, что как снег на голову.

Из дома ректора Пруденс рванулась так, как будто за ней гнались все демоны

преисподней. Проклиная себя, она задыхалась от рыданий. Ей было невероятно стыдно за своё откровенное признание и втайне лелеемую надежду, что Даниэль улыбнется и распахнет ей объятия. Увы, реальность оказалась далека от любовных романов. Она вспомнила выражение досады, то и дело мелькавшее на его лице, и громко застонала. «Боже мой, боже мой! Какая дура! Господь, услышь мои молитвы! Пусть что-нибудь тяжёлое свалится на мою тупую голову и убьёт насмерть!» — взмолилась она.

К счастью, Господь оказался милосерден и сделал вид, что не слышит её горячие молитвы.

Все выходные Пруденс проплакала, не выходя из дома, а в понедельник привела себя в порядок и с утра пораньше заявила в офис Главного энергетика, по месту своей основной работы. Она решила, что уже достаточно подежурила в ночные смены и пора ей воспользоваться общим для всех графиком. Вместо этого её начальница Маргарита Джонс устроила ей неожиданную выволочку.

— Мисс Монри, какого чёрта вы здесь прохлаждаетесь?! Милорду срочно нужна ваша помощь. Он уже весь телефон нам оборвал, требуя вас найти! — завопила она на повышенных тонах. — Не стойте, бегите в административный корпус!

— Я?.. Снова к милорду? — Пруденс испуганно посмотрела на начальницу. — Прошу прощения, миссис Джонс, но я не могу.

Некоторое время девушка пребывала в растерянности, а затем попятилась к своему рабочему месту и трясущимися руками нащупала сумочку, валяющуюся на столе. Резко развернувшись, она лихорадочно побросала в неё только что выложенную мелочь: косметичку, забавного чертёнка, планшет с книгами и играми, призванными скоротать дежурство. Собравшись, она бросила прощальный взгляд на ровные ряды аппаратуры и привычно глянула на контрольный пульт. На силовых линиях было всё в порядке: оборудование работало бесперебойно. На её памяти под куполом Гефеста ещё ни разу не было серьёзной аварии. Пруденс неслышно вздохнула, она была хорошим инженером и любила свою работу. «Похоже, я не скоро сюда вернусь, если вообще вернусь, — грустно подумала она. На душе у неё заскребли кошки, и на мгновение девушка заколебалась, но быстро взяла себя в руки. «Ой, да гори всё ясным пламенем! Пусть что хотят то и делают!» Пока не передумала, она со всех ног бросилась к выходу. В дверях она остановилась и звонко выкрикнула:

— Эй! Миссис Джонс! Ноги моей больше не будет в приёмной милорда! Так ему и передайте!

Маргарита Джонс с недовольным видом отложила шуп-контроллер и обернулась. Сочтя свою миссию выполненной, она уже успела забыть о стажёрке и залезла во внутренности опытного образца фотонного генератора.

— Монри, что вы о себе возомнили? Марш туда, куда вам приказано!

Пруденс немного подумала над её предложением и отрицательно покачала головой.

— Не-а! Не хочу! — ответила она и шагнула за порог лаборатории.

— Монри! Ну-ка, вернитесь!

Девушка вернулась и, заглянув в лабораторию, показала начальнице язык.

От такой неслыханной дерзости брови миссис Джонс, образующие две идеальные скобки, резво скакнули на лоб.

— Да как вы смеее, глупая девчонка?.. Да я вас сгною в карцере за невыполнение распоряжений вышестоящего!

Не слушая гневных воплей миссис Джонс, несущихся ей вслед, Пруденс выскочила на улицу. Удивлённые взгляды прохожих заставили её сбавить шаг. Чтобы отвлечься от мыслей о грядущих неприятностях, она, прежде чем пойти домой, немного побродила по улице, любуясь цветами на клумбах соседей. На её счастье, они все оказались на работе и ей некому было давать отчёт, почему она в разгар рабочего дня празднично шатается по улице.

Ближе к полудню, опасаясь вопросов тех, кто предпочитает обедать дома, девушка пошла к себе и по привычке взялась кашеварить. В ожидании, когда любимые блюда ректора и маленького профессора остынут и их можно будет убрать в холодильник, она села за стол. Он был накрыт на двоих. Несмотря ни на что, Пруденс надеялась, что Даниэль придёт. Зная, что он может быть занят на работе, она прождала его до позднего вечера. Но дорогой её сердцу гость всё не шёл и глухой ночью её вдруг обуяла нестерпимая тоска.

Как слепой щенок, девушка натыкалась на стены, а затем направилась к стенному шкафу и начала лихорадочно шарить в его внутренностях, попутно выкидывая всё, что попадалось ей под руку. Когда со шкафом было покончено, она перешла к серванту, а затем к комоду. Ничего не найдя, она вновь вернулась к выпотрошенному шкафу и стала перебирать одежду.

Найдя самодельное саше, Пруденс долго смотрела на него, а затем взяла в руки и со слезами прижала его к щеке. От саше исходил слабый аромат розы и корицы — это было всё, что у неё осталось от семьи, которую она до сих пор считала родной. В отличие от многих молодых вампиров, она не забыла своих настоящих родителей.

Крохотный пистолет, извлечённый из вышитого крестиком мешочка, больше походил на зажигалку, чем на серьёзное оружие. Пруденс его подарил отец, беспокоясь о её безопасности. Поскольку владение личным оружием было незаконно, мать страшно переживала, что её арестуют, и тогда она спрятала его в саше.

Судя по виду пистолета, из него не смогла бы застрелиться даже кошка. Правда, Пруденс не думала о самоубийстве. Она вообще ни о чём не думала — она просто стояла посреди вороха разноцветных тряпок и бесцельно вертела в руках смертоносную игрушку, а затем приставила дуло к виску и, зажмурившись, нажала на курок.

Красноглазое чудовище, предвкушая скорую поживу, протянуло лапы к нарядной бабочке, угодившей в его сети. Но на этот раз рыцарь в фиолетовых доспехах не сплеховал. Готовый стоять до последнего, он преградил путь порождению тьмы, и битва закипела.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Больше книг на сайте - Knigoed.net